

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 481424
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Дата выхода 30.09.2024.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 11,9.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 520

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index – 42059

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 481424
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Released on September 30, 2024.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 11.9.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 520

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ЭТИКА

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Материалы Журнала доступны по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

EDITORIAL POLICY AND ETHICS

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Макаркин Николай Петрович** – главный редактор, председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Никонова Юлия Николаевна** – ответственный секретарь (г. Саранск, Россия), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@mail.ru
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.ilkhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), g.kornihina@mail.ru
- Лууттонен Йорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мохшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нურიева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_popov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fennougricum» (г. Бадачонь-томай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Сейленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunrf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Editor-in-Chief, Chairman of the Board, Dr.Sci. (Econ.), Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Natalya M. Mosina** – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Yuliya N. Nikonova** – Executive Editor (Saransk, Russia), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru
- Olga V. Bakhlova** – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@mail.ru
- Nikolay I. Boyarkin** – Dr.Sci. (Arts), Professor, Leading Researcher, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniénė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Igor L. Zherebtsov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilyukha** – Dr.Sci. (Hist.), Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph.D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratyeva** – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), g.kornihina@mail.ru
- Jorma Luutonen** – Ph.D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Yuri A. Mishanin** – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Irma I. Mullonen** – Dr.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph.D. (Philol.), Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph.D. (Philol.), Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph.D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph.D. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Dr.Sci. (Histor.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Dr.Sci. (Cult.), Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Некрасова Г. А. Особенности адаптации русских существительных <i>pluralia tantum</i> в коми-пермяцком языке	136
Мосина Н. М. Глаголы мыслительной деятельности в эрзянском и финском языках: семантический аспект	146
Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Дискурсивные слова в карельском языке: к постановке вопроса	156
Шеянова С. В. Имена собственные в поэзии Марины Слугиной	165

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Чебаковская А. В. Охрана здоровья детского населения Карелии в первой половине 1920-х гг.	178
Лезина Е. П. Темниковская засека: пограничная служба и пограничная черта в системе защиты «украины» Русского государства в XVI – первой трети XVIII в.	191
Корнишина Г. А. Огонь в обрядовой культуре мордвы: истоки, традиции, область применения	203

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Выхрыстюк М. С., Онина С. В., Ковязина И. В. Образ мужчины в хантыйских сказках: психолингвистический аспект	214
Нуриева И. М. Теория ритма в трудах Е. В. Гиппиуса и современные подходы к проблеме (на примере удмуртской традиционной музыки)	226

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

Максимов В. Н. «Человек имеет право исследовать только родной язык, которым владеет в совершенстве, чувствует все его нюансы» (Г. И. Лаврентьев). К юбилею профессора	237
Идиатулло А. К. Новая книга об этноконфессиональной ситуации в Республике Мордовия	240
Садиков Р. Р. Калейдоскоп народной музыки Башкортостана	242
Ломшина Е. Н., Пуссинен О. В., Дятлова Т. А. Репрезентация народного искусства мордвы в международной выставочной деятельности	245
Гудкова С. П. «...Не воспет поэтом Темниковский край – земля князей, мурз, земледельцев и воинов...»	248
Попов А. А., Линкова Н. Ю. Финно-угорское культурное содружество (к 30-летию российского межрегионального телевизионного журнала «Финно-угорский мир»)	251
Исаева С. А., Прокаева О. Н. Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Народная художественная культура и профессиональное искусство: проблемы взаимодействия в контексте современной культурной парадигмы»	257

PHILOLOGY

Nekrasova G. A. Adaptive Features of the Russian Noun Pluralia Tantum in the Komi-Permian Language	136
Mosina N. M. Verbs of Thinking Activity in Erzya and Finnish Languages: Semantic Aspect	146
Patroeva N. V., Pashkova T. V. Discursive Words in the Karelian Language: Towards the Formulation of the Question	156
Sheyanova S. V. Proper Names in the Poetry of Marina Slugina	165

HISTORICAL STUDIES

Chebakovskaya A. V. The Protection of Children's Health in Karelia in the Early 1920s	178
Lezina E. P. Temnikovskaya Zaseka: Border Service and Frontier Line in the Defense System the "Ukraine" of the Russian State in the 16 th – First Third of the 18 th Century	191
Kornishina G. A. Fire in the Ritual Culture of the Mordovinians: Origins, Traditions, Scope	203

CULTURAL STUDIES

Vykhrystyuk M. S., Onina S. V., Kovyazina I. V. The Image of a Man in Khanty Fairy Tales: Psycholinguistic Aspect	214
Nurieva I. M. The Theory of Rhythm in the Works by E. V. Gippius and Modern Approaches to the Problem (On the Example of Udmurt Traditional Music)	226

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

Maksimov V. N. "A Person Has the Right to Study Only Their Native Language, Which They Master Perfectly and Feel All Its Nuances" (G. I. Lavrentiev). On the Occasion of the Professor's Anniversary	237
Idiatullov A. K. A New Book on the Ethnoconfessional Situation in the Republic of Mordovia	240
Sadikov R. R. Kaleidoscope of Folk Music of Bashkortostan	242
Lomshina E. N., Pussinen O. V., Dyatlova T. A. Representation of Mordovian Folk Art in International Exhibition Activities	245
Gudkova S. P. "...The Poet Did not Glorify the Temnikovsky Region – The Land of Princes, Murz, Farmers and Warriors..."	248
Popov A. A., Linkova N. Yu. Finno-Ugrian Cultural Commonwealth (To the 30 th Anniversary of the Russian Interregional Television Magazine "Finno-Ugric World")	251
Isaeva S. A., Prokaeva O. N. All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Folk Artistic Culture and Professional Art: Interaction Issues in the Context of the Modern Cultural Paradigm"	257

Особенности адаптации русских существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке

Галина Александровна Некрасова

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия*

Введение. В коми-пермяцком языкознании недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с функционированием и степенью адаптации иноязычных слов. Цель исследования – выявить и описать особенности фонетического и грамматического освоения заимствованных русских существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке.

Материалы и методы. Источником материала исследования послужили тексты различных периодов и жанров, включенные в состав Корпуса коми-пермяцкого языка. Работа выполнена в русле системно-описательного метода лингвистики, для определения количественного соотношения вариантов слов был применен метод сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье представлены результаты исследования русских заимствований *pluralia tantum* с точки зрения фонетической и грамматической адаптации. Определены характерные особенности фонетического освоения заимствований: усвоение слова без изменений, усечение конечного гласного слова и замена отдельных звуков в соответствии с фонетическими особенностями коми-пермяцкого языка. В письменной форме языка наблюдается выравнивание существительных по признаку грамматического числа, а также калькирование исходных свойств субстантивов *pluralia tantum*. В зависимости от степени грамматической адаптации существительные охарактеризованы как адаптированные, неадаптированные и частично адаптированные. Выявлены семантически тождественные фонетические и грамматические варианты слов, определены основные причины их появления.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение закономерностей и типов адаптации иноязычного лексического материала в коми-пермяцком языке.

Ключевые слова: финно-угорские языки, коми-пермяцкий язык, лексикология, морфология, заимствование, существительное, вариантность, *pluralia tantum*

Финансирование: публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ КНЦ УрО РАН «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Некрасова Г. А. Особенности адаптации русских существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 136–145. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>

Введение

Языковые контакты являются одним из основных факторов развития языка. Как отмечал Б. А. Серебренников, они могут привести «к различного рода заимствованиям, к конвергентному развитию взаимодействующих языков; <...> к образованию вспомогательных “общих” языков, <...> к языковой ассимиляции» [1, с. 99]. Важность изучения языковых контактов и их результатов, по его мнению, обуславливается тем, что

оно может раскрыть особенности языковой системы. Изучение заимствований приобретает особую актуальность в случае, если язык-источник и язык-реципиент типологически различаются, заимствуются языковые элементы, свойства которых не характерны для языка-реципиента. В этом отношении интерес представляют особенности адаптации заимствованных существительных *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке.

Обзор литературы

Для финно-угорского языкознания изучение языковых контактов и иноязычной лексики является традиционным и актуальным. Проведены специальные исследования на материале коми-зырянского¹ [2], удмуртского², марийского [3; 4], мордовских [5], прибалтийско-финских [6; 7], обско-угорских³ [8] языков. Внимание в трудах уделяется преимущественно результатам воздействия русского языка на лексический состав: исследуются пути и время проникновения иноязычных слов в язык; семантическое, фонетическое и морфологическое освоение заимствований.

Должного системного освещения до сих пор не получила заимствованная лексика коми-пермяцкого языка. Иноязычные слова частично описывались в связи с изучением формирования и развития лексического состава литературного языка⁴ и отдельного диалекта [9–12]. Основные особенности фонетической, акцентологической и морфологической адаптации русских заимствований кратко отражены в работе Р. М. Баталовой⁵. Заимствования из русского языка изучались при разработке отдельных лексико-тематических групп, а именно лексики флоры и фауны⁶ [13], традиционного костюма [14], терминов родства и свойства⁷, наименований блюд и продуктов питания [15]. Установлено, что большинство заимствованных слов, особенно позднего периода, сохранили исходную семантику – они употребляются в том же значении, что и в языке-источнике. Семантическая структура ряда заимствований претерпела изменения: при сохранении формы слова наблюдается сужение, расширение или смешение значений. Недоста-

точно разработанными остаются вопросы, связанные с функционированием и степенью освоенности иноязычных слов.

Теоретическую базу настоящего исследования составили труды ведущих отечественных лингвистов по проблемам языковых контактов и процесса заимствования иноязычной лексики [16–18], вариантности в языке [19], исторической фонетики русского [20] и пермских языков [21; 22].

Материал и методы

Источником материала исследования послужили тексты различных периодов и жанров, включенные в состав Корпуса коми-пермяцкого языка (далее – ККПЯ)⁸. Работа выполнена в русле системно-описательного метода лингвистики, для определения количественного соотношения вариантов слов был применен метод сплошной выборки. При подсчете не учитывались данные переводных текстов, так как язык оригинала может влиять на выбор варианта слова, его грамматическое оформление.

Результаты исследования и их обсуждение

Слово, перенесенное из одного языка в другой, подвергается адаптации на всех языковых уровнях: происходит его приспособление в графическом, фонетическом, грамматическом и семантическом отношении к системе принимающего его языка [17; 23]. В коми-пермяцком языке большинство заимствованных слов, в том числе и существительные *pluralia tantum*, сохраняют исходную семантику. Интерес представляют особенности адаптации заимствований на фонетическом и грамматическом уровнях.

¹ Игушев Е. А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973.

² Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке: (дооктябр. период) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1999.

³ Новьохова Н. В. Заимствованная лексика хантыйского языка: на материале казымского диалекта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

⁴ Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. В. И. Лыткина. Кудымкар, 1962. (далее – КПЯ).

⁵ Баталова Р. М. Краткий справочник по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка (в помощь учителю). Кудымкар, 1962.

⁶ Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003.

⁷ Утева Л. В. Термины родства, свойства и неродственных отношений в коми-пермяцком языке : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015.

⁸ <http://www.komicorpora.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

Фонетическая адаптация существительных *pluralia tantum*. При фонетической адаптации изменяется звуковой состав заимствованного слова, чаще всего несвойственный языку-реципиенту элемент заменяется соответствующим ему элементом фонетической системы принимающего языка. В русских заимствованиях, вошедших в коми-пермяцкий язык, изменению подвергаются преимущественно звуки *ф, х, ц, щ*, на месте которых появляются звуки *п, к, ч, ш*. Несвойственный русскому языку звук *ö* может заменять русское *о*, реже – другой звук. Изменение *о* в *ö* в непервых слогах слов объясняется особенностями дистрибуции гласных коми-пермяцкого языка: в прапермском и пракоми языках за пределами первого слога употреблялись только краткие неогубленные гласные [21; 24].

Заимствованные существительные *pluralia tantum* в зависимости от проявления и характера изменений их структуры можно распределить по трем группам.

В первую группу входят существительные с сохранением внешнего облика слова, без фонетических и структурных изменений, например: *белила, выжимки, высевки* ‘остатки от просеянного’, *ошурки* ‘выжимки тертого картофеля’, *сливки, спагетти, дрожжи, духи, джунгли, бигуди, ворота, леса* ‘леса (подмостки)’, *перила, часы, счеты, дровни, бродни, брыжжи* ‘оборка’, *кандалы, отопки* ‘изношенные, стоптанные сапоги, башмаки’, *брюки, очки, кудри, сутки, пожитки, клещи, тиски* и др.

К этой группе относятся также существительные с финалью *-а*, заимствованные из севернорусских говоров. Примеры: кп.⁹ *веса* ‘весы’, *козла* ‘козлы для пилки дров’, *консерва* ‘консервы’, *носилка* ‘носилки’, *нара* ‘нары’. Ср. рус. *Козла*, мн. 1. Козлы для пилки дров. Пошех.-Волод. Ярослав.¹⁰; *носила*, мн. Род носилок для переноски сена и соломы в виде двух гладких жердей, заостренных с концов и не скрепленных между собой. Каргоп. Арх.¹¹. Как отмечено в исследова-

ниях по истории русского языка, флексия *-а* изначально не употреблялась в именительном падеже множественного числа. Она была показателем двойственного числа, с утратой которого началось распространение флексии *-а* на месте флексий *-и, -ы* у существительных мужского рода именительного падежа множественного числа¹² [20, с. 267–407].

Вторую группу образуют существительные с апокопой, т. е. слова с усечением конечного гласного, реже обнаруживается усечение сочетания согласного и гласного в ауслaute слова. Примеры: *алимент* ‘алименты’, *аплодисмент* ‘аплодисменты’, *выбор* ‘выборы’, *каникул* ‘каникулы’, *кадр* ‘кадры’, *джинс* ‘джинсы’, *кальсон* ‘кальсоны’, *макарон* ‘макаронны’, *отруб* ‘отруби’, *шаровар* ‘шаровары’, *шорт* ‘шорты’, *шахмат* ‘шахматы’, *наручник* ‘наручники’, *полать* ‘полати’, *розваль* ‘розвальни’. Процесс усечения конечного гласного слова, начавшийся в прапермском языке, продолжился в период самостоятельного развития коми языка [21, с. 184–188; 25, с. 54–55]. Он охватил часть исконной и заимствованной лексики. Тенденция усечения конечного гласного субстантивной основы сохраняется, на что указывают поздние русские заимствования, например *джинс* ‘джинсы’, *шорт* ‘шорты’.

Третью группу составляют единичные существительные, в структуре которых произошли изменения, обусловленные различием фонетической структуры русского и коми-пермяцкого языков, а также закономерностями употребления звуков в структуре слова (об огласовке корня и суффиксов в коми-пермяцком языке¹³). Появление звука *ö* можно обнаружить в словах *пачёс* ‘пачеси (вторые вычески льна, конопли после чесания)’ и *пöлать* ‘полати’. Ср. рус. *Пачесы*, мн. Волокно льна, конопли после второго или третьего чесания; вторые вычески льна, пеньки¹⁴; *полати*, мн. Полка возле печи для посуды, продуктов, вещей и т. п., и др. значения¹⁵. В слове *кусака* ‘кусачки, щипцы’ произошло изменение фрикативного

⁹ кп. – коми-пермяцкий язык; рус. – русский язык.

¹⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Кобзарик – Корточки. Л., 1978. С. 66.

¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Негораздый – Обвива. Л., 1986. С. 286–287.

¹² Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 200–212; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990. С. 267; 275.

¹³ КПА. С. 78–79.

согласного *х* на смычный согласный *к*. Ср. рус. *Кусахи*, мн. Щипцы-кусачки для железа¹⁴. В современном коми-пермяцком языке многие слова, вошедшие из русского языка, сохраняют исходную фонетику, например: *клещи, духи, химия, физика, циркуль*.

Следует особо отметить случаи функционирования вариантов заимствованных слов. В письменном языке, по материалам ККПЯ, обнаружены варианты следующих слов: *нар* и *нара* ‘нары’, *кандала* и *кандалы* ‘кандалы’, *пöлать* и *полать* ‘полати’.

Появление вариантов *нар* и *нара*, вероятно, можно объяснить разным ареалом заимствования. Слово *нара* зафиксировано в текстах писателей, родным для которых является диалект северного (Т. Фадеев, С. Федосеев) или южного (В. Климов, В. Баталов) наречия. В письменный язык оно могло войти из кудымкарско-иньвенского диалекта, который лег в основу литературного языка. Слово *нар* используется в языке писателей, родным для которых является один из диалектов северного наречия (Т. Фадеев, И. Минин, В. Исаев, Л. Нилогов). Примеры:

Нар: Мыдзувья водис детинаыс нар вылö шоччисьышитны, да сідз и онмöссис казавтöг (И. Минин «Ва увтын пос», 1970) ‘Устав, детина лёг на нары отдохнуть, да так и незаметно уснул’; *Чорыт наррес вылын куйлытöн, Ильинов горöн видчышитис ас кежас* (Т. Фадеев «Прошинаын тулыс», 1987) ‘Лёжа на твердых нарах, Ильинов громко поругался про себя’.

Нара: Узи ме гор бокрын, нараэзöн моз тэчöм потишез вылын. (Т. Фадеев «Тöдись» // Иньва, 1976) ‘Спал я возле печки, на жердях, сложенных в нары’; *Босьти ме Егорись учöтик чероксö, нара увтись кыска зыр* (В. Климов «Лöз йöрнös», 1992) ‘Взял я маленький топорик Егора, из-под нар достаю лопату’; – *Петю, петав жö татчö, – кытсöвтис менö Егорыс, көр ме воді ни нараэз вылö* (В. Климов «Лöз йöрнös», 1992) ‘– Петенька, выйди же сюда, – окликнул меня Егор, когда я уже лег на нары’.

Из вариантов *кандала* и *кандалы* количественное преимущество в текстах корпуса

имеет слово *кандала* (в ККПЯ обнаружено 16 примеров). Например: *Эшö рытнас жольöтис сія аслас кандалазöн заплоддэз коласö гарйöм пыдын ямаын, а асывнас валяйтчисö сэтöн только көрт торрез – вына каторжанин жугодöм кандалазсö лэчыт дора галяөн* (И. Минин «Чöвпас мыс дын», 1962) ‘Ещё вечером он звенел своими кандалами в глубокой яме, выкопанной между заплотами, а утром там валялись только куски железа – сильный каторжанин разрубил кандалы камнем с острыми краями’. Слово *кандалы* (в ККПЯ обнаружено 2 примера) зафиксировано в языке переводной литературы середины XX в. и в языке социальных сетей («ВКонтакте») XXI в. В данном случае имеет место, с одной стороны, заимствование слова из письменного русского языка, с другой – поздний период его заимствования. Например: *Этö и вичкуэз, и святöй местаэз, и сибирскöй тракт, кыт көркö кандалыэзын оськалісö узниккез, көднö нöбöтисö Сибирьö каторга вылö* (А. М. Старцева «Коми-пермяцкöй паломниккез вöлісö Верхотурьелöн, Екатеринбурглöн, Нижний Тагиллöн вичкуэзын») ‘Это и церкви, и святые места, и сибирский тракт, по которому когда-то в кандалах шагали узники, которых отправили в Сибирь на каторгу’; *Нія кышалісö сы вылö кандалыэз да йöртісö клеткаö.* (Б. С. Житков «Рассказзэз», 1949; перевод Н. А. Спорова, Ф. С. Яркова) ‘Они надели на него кандалы и поместили в камеру’.

Варианты *пöлать* и *полать* ‘полати’ употребляются параллельно в художественных и фольклорных текстах, а также в языке переводной литературы и социальных сетей. В количественном отношении в ККПЯ преобладает вариант *полать*; ср. *полать* встречается 156 раз, *пöлать* – 74. Параллельное использование вариантов обнаружено в текстах одного и того же автора. Примеры: *Пиля Олөш кайис пöлатьö, мыйкö гусьöн бобгис сэтчин, баутис аскөттяс* (В. Баталов «Зэр одзын», 1990) ‘Пиля Алёш поднялся на полати, что-то там тихонько бормотал, разговаривал сам с собой’; *Узис Андрей*

¹⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Отчурить – Первачок. 14 Л., 1990. С. 299–300.

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 29. Покорочеть – Попритчиться. Л., 1995. С. 36.

¹⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Куделя – Лесной. Л., 1980. С. 156.

местаын полатын (В. Баталов «Зэр одзын», 1990) ‘Спал он на полатях, на месте Андрея’. Более ранним является, скорее, вариант *пöлать*, который зафиксирован в лексикографических источниках XIX в., а именно в «Словаре русско-пермяцком» из Усолья, составленном неизвестным автором: *Палати Пöлатьезь*¹⁷; в «Пермяцко-русском и русско-пермяцком словаре» Н. А. Рогова, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1869: *пoлати с., пöватj, пöлатj* юж.¹⁸

Грамматическая адаптация существительных pluralia tantum. Известно, что при переходе из одного языка в другой заимствованная лексема, как правило, начинает функционировать по законам принимающего языка, изменяться по нетипичным для нее словоизменительным моделям. Она «постепенно утрачивает исходные грамматические свойства категории языка-источника и включается в морфологическую систему заимствующего языка, приобретая соответствующие грамматические категории языка-реципиента» [26, с. 71]. Существительные *pluralia tantum* – это слова, употребляемые только во множественном числе. В современном коми-пермяцком языке категория числа представлена формами единственного и множественного (показатель *-ез/-эз*, реже *-ес/-эс*) числа. Выбор числовой формы существительных обусловлен выражением значения количества – «один» или «больше одного» (о формах показателя множественного числа¹⁹). В период общего для всех финно-угорских языков праязыкового состояния форма единственного числа использовалась весьма широко; существительных, которые употреблялись бы только в форме множественного числа, не было. Праязыковые особенности использования форм числа сохраняются в ряде современных языков: в форме единственного числа могут быть субстантивы, выражающие более чем один предмет, а именно слова, обозначающие парные и сложные групповые части тела и соответствующие им парные части одежды; названия плодов, цветов, животных [27]. Материал ККПЯ не может дать достоверное представление о степени грамматической

адаптации всех существительных *pluralia tantum* ввиду того, что некоторые из них в корпусе представлены крайне редко. Тем не менее, обнаруженные примеры демонстрируют разную степень их адаптации, в зависимости от которой они могут быть разделены на три группы.

Первую группу образуют грамматически адаптированные существительные. Эта группа представлена в основном существительными, обозначающими вещества или результаты действия. По своим грамматическим свойствам они не имеют формы множественного числа, употребляются только в единственном числе (*высевки* ‘остатки от просеянного’, *ошурки* ‘выжимки тертого картофеля’, *сливки*, *чернила*, *белила*, *пачос* ‘пачеси’, *спагетти*, *дрожжи*, *рожки*). Примеры: *Ыджыт кусоккезöн пондiс курччавны дрозжисö да кылöтны вайн* (В. Кольчурин «Медбөрья греххез», 2002) ‘Он начал откусывать большими кусками дрожжи и запивать водой’. Единичные исключения можно обнаружить в языке переводной литературы, например: *Ния кажитчисö почти голубийезöн, кыз йöв, кöда вылись босьтисö сливкизö* (В. Катаев «Полклөн зон», 1947; перевод З. А. Тетюевой) ‘Они казались почти голубыми, как молоко, с которого сняли сливки’; *Чöскытöн вачкö нырö шоныт заваритöм высевкизсянь* (Г. Скребицкий «Менам челядькадса друггез», 1954; перевод А. Т. Климовой) ‘От теплых заваренных высевок шел ароматный запах’. Существительные, обозначающие предметы, не имеют ограничений в образовании форм числа. В форме единственного и множественного числа они противопоставлены по выражению количества предметов: *дровни* ‘одни дровни’ – *дровниэз* ‘много дровней’, *розваль* ‘розвальни’ – *розваллез* ‘много розвальней’ и др. Примеры: *Телегаэзным абу, дровниöн эд он мун* (И. Минин «Паныт уйс төлiс», 1968) ‘Телег нет, а на дровнях ведь не поедешь’; *Шором дынö кольтаэсö кыскалiсö дортöм дровниззын да аскерöм телегаэзын* (И. Минин «Оча морос», 1988) ‘К скирде снопы возили на дровнях без отводов и на самодельных телегах’.

¹⁷ Словарь русско-пермяцкий. Усолье, 1848. С. 52.

¹⁸ Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. С. 328.

¹⁹ ККПЯ. С. 181.

Вторую группу составляют грамматически неадаптированные существительные, функционирующие в коми-пермяцком языке, по материалам корпуса, только во множественном числе: *аплодисменттэз* ‘аплодисменты’, *выборрез* ‘выборы’, *макароннэз* ‘макароны’, *мемуаррез* ‘мемуары’, *шорттэз* ‘шорты’, *джинссэз* ‘джинсы’, *кальсоннэз* ‘кальсоны’, *каникуллэз* ‘каникулы’, *шахматтэз* ‘шахматы’, *наушниккэз* ‘наушники’. Примеры: *Рабочёйез пьд рытёдз орсисё шахматтэзён, доминоён, лыддьётисё книгаэз да журналлэз* (В. Баталов «Шыньял ёвр», 1986) ‘Рабочие до позднего вечера играли в шахматы, домино, читали книги и журналы’; *Чулалис гожум, ётлайн сыкёт чулалисё и каникуллэз* (Т. Фадеев «Олём лун», 1991) ‘Прошло лето, вместе с ним и каникулы’.

Третья группа включает существительные, которые можно назвать частично адаптированными, т. е. слово во множественном числе параллельно со словом в единственном числе может обозначать, что предмет представлен в количестве, равном одному. В ККПЯ зафиксированы грамматические варианты существительных, среди которых имеются те, которые употребляются преимущественно в форме множественного числа, например слова, обозначающие парные предметы и предметы, состоящие из двух и более частей: *бродни, брюки, очки, отопки* ‘изношенные, стоптанные сапоги, башмаки’, *кудри*; ср. количественное соотношение вариантов некоторых слов: *очкиэз* – 17, *очкиэс* – 50, *очки* – 5; *кудриэз* – 67, *кудри* – 3; *брюкиэз* – 32, *брюки* – 9; *носилкаэз* – 17, *носилка* – 7; *бродниэз* – 3, *бродни* – 1. Примеры: *Егор чеччис, зэгнитис паськыт гимнастёрка, дернитис вывланьё брюкиэз, буржыка зёлётис ремень* (Л. Нилогов «Егор-артиллерист». Иньва, 1995) ‘Егор встал, поправил широкую гимнастёрку, дёрнул вверх брюки, поправил ремень’; – *Ой-ой-ой! Брюкитё, брюкитё кыдз нёитёмат!* – *одзлань баитис женщиныаыс* (С. Антонов «Мишкалён каша да мёдик рассказэз», 1955; перевод З. А. Тетюевой) ‘– Ой-ой-ой! Брюки-то, брюки-то как помял! – продолжила женщина’; *Дзик виль костюма морт, кёдалён ыджыт стеклоа очки* (В. Климов «Шорок», 1994)

‘Человек, у которого очки с широкими стеклами, в совершенно новом костюме’; *Ся ёбра видзётис очкиэс пьрийёт и очкиэстёз* (В. Климов «Лёз ёёрнёс», 1992) ‘Он снова посмотрел сквозь очки и без очков’.

Другая часть существительных при указании на единичный предмет употребляется главным образом в форме единственного числа, например *часы*; ср. соотношение числовых форм этого существительного: *часы* – 271, *часыэз* – 76, *часыэс* – 17. Примеры: *Павел дзар керыитис аслас часыэз вылё* (Т. Фадеев «Олём лун», 1991) ‘Павел посмотрел на свои часы’; *Саймём ёёрын Геня дзарнитис часы вылё* (В. Баталов «Зэр одзын», 1990) ‘Проснувшись, Гена посмотрел на часы’.

Необходимо обратить внимание на примеры, допускающие двоякую интерпретацию. Это наблюдается в тех случаях, когда существительные используются в форме множественного числа. Так, в приведенном ниже примере слово *часыэз* можно интерпретировать как *одни часы* и как *несколько часов*.

Керкуын шы эз ло, только тик-так, тик-так мунисё часыэз (А. Ермаков «Кёмтёг вундём пёд вылёт», 1992) ‘В доме стало тихо, тик-так, тик-так шли часы’.

Наличие грамматических вариантов зачастую создает проблему правильного истолкования грамматического значения слова и смысла конструкции в целом при отсутствии соответствующего контекста. К. С. Горбачевич отмечал, что вариантность средств языкового выражения «становится “избыточной” тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки» [19, с. 17]. В коми-пермяцком языке вариант ряда заимствованных из русского языка слов *pluralia tantum* в форме множественного числа семантически и стилистически не отличается от варианта в форме единственного числа, что дает основание считать его избыточным.

Заключение

Русские заимствования *pluralia tantum*, проникнув в коми-пермяцкий язык, подвергаются фонетической и грамматической адаптации. Наблюдается несколько типов их фонетического освоения: усвоение сло-

ва без изменений, усечение конца слова и замена отдельных звуков в соответствии с фонетическими особенностями коми-пермяцкого языка. Варианты языковых единиц, различающиеся формой числа, указывают на сложный процесс грамматической адаптации заимствованных существительных. С одной стороны, наблюдается их выравнивание по признаку грамматического числа, проявляющееся в том, что заимствованные существительные, относящиеся в русском языке к разряду субстантивов *pluralia tantum*, употребляются в коми-пермяцком языке

в единственном и множественном числе. С другой стороны, спорадическое сохранение исходных свойств слова приводит к появлению семантически и грамматически тождественных вариантов слов. Процесс грамматической адаптации заимствований *pluralia tantum* в коми-пермяцком языке протекает более неравномерно и медленно, чем их фонетическая адаптация. Дальнейшее изучение лексических заимствований определяется необходимостью решения вопросов нормирования литературного языка и проблем лексикографического описания заимствованных слов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / Под ред. Б. А. Серебrenникова. М. : Наука, 1970. 597 с.
- Kalima J. Die Russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors : Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1910. 187 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 29). URL: <https://www.prlib.ru/item/394895?ysclid=lx7njjxwx104257820> (дата обращения: 20.01.2024).
- Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.
- Сибатрова С. С. Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2021. 426 с.
- Бутылов Н. В. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). Саранск : Красный Октябрь, 2006. 220 с.
- Мызникова Я. В. Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. СПб. : Нестор-История, 2014. 195 с.
- Oinas F. J. Russian and Eastern Balto-Finnic Linguistic Contacts // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September 1958. Mouton, 1958. P. 267–278.
- Kalmán B. Die Russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1961. 327 p.
- Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Русские заимствования в коми-пермяцком языке рукописей протоиерея Антония Попова 1785 года // Языковые контакты народов Поволжья и Урала : сб. ст. XI Междунар. симпозиума. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 108–112. EDN: **XVTBXV**
- Подюков И. А. Русская диалектная лексика в речи лупинских коми-пермяков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3 (19). С. 14–21. EDN: **PDFWPJ**
- Федосеева Е. Н. Русские заимствования в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика – 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии : мат-лы X Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2009. С. 368–376. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/items/999d802e-e601-46b6-9c34-348224ac77e4> (дата обращения: 20.01.2024).
- Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар : Ин-т языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, 2015. 196 с. URL: <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/fedoseeva.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
- Пономарева Л. Г., Гайдамашко Р. В. Из наблюдений над названиями ягод в коми-пермяцком языке конца XVIII века (на материале рукописей Антония Попова) // Пермистика 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. ст. в 2-х ч. Ч. 1. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», Институт компьютерных исследований, 2020. С. 162–170. EDN: **UPTCLB**
- Лобанова А. С., Черных А. В. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 24–39. EDN: **TFSNPT**
- Зверева Ю. В. Лексика питания в коми-пермяцком языке: заимствования из русских говоров Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-2-23-33>
- Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука, 1968. 208 с.

17. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
18. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 61–80. URL: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (дата обращения: 20.01.2024).
19. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. Л. : Наука, 1978. 238 с.
20. Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М. : Языки славянской культуры, 2004. 656 с. URL: <https://www.klex.ru/1des> (дата обращения: 20.01.2024).
21. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск : Удм. ун-т, 2004. Ч. 2. 395 с.
22. Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М. : Наука, 1964. 270 с.
23. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 344–382. URL: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (дата обращения: 20.01.2024).
24. Rédei K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // Nyelvtudományi Közlemények. 1968. 70 kdt. 35–45 old. URL: <https://library.hungaricana.hu/en/view/NyelvtudomanyiKozlemenyek070/?pg=36&layout=s> (дата обращения: 20.01.2024).
25. Некрасова Г. А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика. Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2000. 170 с.
26. Кудряшова Л. В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. № 4 (36). 2015. С. 66–75. URL: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn7415 (дата обращения: 20.01.2024).
27. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М. : Наука, 1974. 484 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 16.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Г. А. Некрасова – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4995-4772>, kamilang@gmail.com

Adaptive Features of the Russian Noun Pluralia Tantum in the Komi-Permian Language

Galina A. Nekrasova

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. In Komi-Permian linguistics, issues related to the functioning and degree of adaptation of foreign words remain insufficiently developed. The purpose of the work is to identify and describe the features of phonetic and grammatical mastering of borrowed Russian nouns pluralia tantum in the Komi-Permian language.

Materials and Methods. The source of the research material was texts of various periods and genres included in the Corpus of the Komi-Permian language. The work was carried out in line with the system-descriptive method of linguistics. To determine the quantitative ratio of word variants, the continuous sampling method was used.

Results and Discussion. The Russian borrowings pluralia tantum are studied from the point of view of phonetic and grammatical adaptation. Such characteristic features of the phonetic mastering of borrowings are determined as: the assimilation of the word without alteration, the truncation of the final vowel of the word and the replacement of individual sounds in accordance with the phonetic features of the Komi-Permian language. It is shown that in the written form of the language, the use of nouns in the plural and singular, as well as borrowings of the initial properties of the pluralia tantum substantives is observed. Depending on the degree of grammatical adaptation, nouns are characterized as adapted, unadapted and partially adapted. Semantically identical phonetic and grammatical variants of words are revealed, the main reasons for their appearance are determined.

Conclusion. The conclusions made by the author contribute to the study of patterns and types of adaptation of foreign language lexical material in the Komi-Permian language.

Keywords: the Finno-Ugric languages, the Komi-Permian language, lexicology, morphology, borrowing, noun, variation, pluralia tantum

Funding: The publication was prepared within the framework of the planned research topic of the Institute of Language, Literature and History of the FITC KNC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences "Permian languages in the linguistic and cultural space of the European North and the Urals" (reg. No. 121042600252-7).

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Nekrasova G.A. Adaptive Features of the Russian Noun Pluralia Tantum in the Komi-Permian Language. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):136–145. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.136-145>

REFERENCES

- [General Linguistics: Forms of Existence, Functions, History of Language]. Moscow; 1970. (In Russ.)
- Kalima J. Die Russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors; 1910. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 29). Available at: <https://www.prlib.ru/item/394895?ysclid=lxt7nijxwx104257820> (accessed 20.01.2024).
- Savatkova A.A. [Russian Borrowings in the Mari Language]. Ioshkar-Ola; 1969. (In Russ.)
- Sibatova S.S. [Mari-Russian Language Contacts: Morphology of the Mari Language]. Ioshkar-Ola; 2021. (In Russ.)
- Butylov N.V. [Foreign Language Vocabulary in the Mordovian Languages (Indo-European Borrowings)]. Saransk; 2006. (In Russ.)
- Myznikova Ya.V. Russian-Balto-Finnic Language Contacts and Their Reflection in the Sphere of Dialect Syntax. Saint-Petersburg; 2014. (In Russ., abstract in Eng.)

7. Oinas F.J. Russian and East Balto-Finnish Linguistic Contacts. In: American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September 1958. Mouton; 1958.
8. Kalmán B. Die Russischen Lehnwörter im Wogulishchen. Budapest; 1961. 327 p.
9. Gaidamashko R.V., Ponomareva L.G. [Russian Borrowings in the Komi-Permian Language of the Manuscripts of the Archpriest Anthony Popov of 1785]. In: [Language Contacts of the Peoples of the Volga Region and the Urals]: Collected Papers of XI Intern. Symp. Cheboksary; 2018. p. 108–112. (In Russ.) EDN: [XVTBXV](#)
10. Podyukov I.A. Russian Dialect Vocabulary in Lupyinski Komi-Permyak Speech. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2012;(3):14–21. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [PDFWJ](#)
11. Fedoseeva E.N. [Russian Borrowings in the Vocabulary of the Northern Dialect of the Komi-Permian Language]. In: [Permistics – 10: Questions of Permian and Finno-Ugric Philology: Materials of the X Intern. Symp. “Dialects and History of the Permian languages in Interaction with Other Languages”]. Izhevsk; 2009. p. 368–376. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/items/999d802e-e601-46b6-9c34-348224ac77e4> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
12. Fedoseeva E.N. Vocabulary Northern Dialect of the Komi-Perm Language. Syktyvkar; 2015. Available at: <https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/fedoseeva.pdf> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
13. Ponomareva L.G., Gaidamashko R.V. [From Observations on the Names of Berries in the Komi-Permian Language of the Late XVIII Century (Based on the Material of the Manuscripts of Anthony Popov)]. In: [Permistics 18: Dialects and History of the Permian Languages in Interaction with Other Languages]. P. 1. Izhevsk; 2020. p. 162–170. (In Russ.) EDN: [UPTCLB](#)
14. Lobanova A.S., Chernykh A.V. [The Vocabulary of Traditional Costume in the Dialect Speech of Komi-Permians]. *Ural-Altaic Studies*. 2014;(3):24–39. (In Russ.) EDN: [TFSNPT](#)
15. Zvereva Yu.V. Food Vocabulary in the Komi-Permyak Language: Borrowings from Russian Dialects of the Perm Region. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2019;11(2):23–33. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-2-23-33>
16. Krysin L.P. [Foreign Words in Modern Russian]. Moscow; 1968. (In Russ.)
17. Krysin L.P. [Lexical Borrowing and Calculus in the Russian Language of the Last Decades]. *Voprosy Yazykoznanija*. 2002;(6):27–34. (In Russ.)
18. Haugen E. [Language Contact]. *Novoe v Lingvistike*. 1972;(6):61–80. Available at: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
19. Gorbachevich K.S. [Word Variation and Language Norm: On the Material of the Modern Russian Language]. Leningrad; 1978. (In Russ.)
20. Zhivov V.M. [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language of the XVII–XVIII Centuries]. Moscow; 2004. Available at: <https://www.klex.ru/1des> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
21. Kelmakov V.K. [Dialect and Historical Phonetics of the Udmurt Language]. Izhevsk; 2004. P. 2. (In Russ.)
22. Lytkin V.I. [Historical Vocalism of the Permian Languages]. Moscow; 1964. (In Russ.)
23. Haugen E. [The Process of Borrowing]. *Novoe v Lingvistike*. 1972;(6):344–382. Available at: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/worddocuments/vi.htm> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
24. Rédei K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // Nyelvtudományi Közlemények. 1968. 70 köt. 35–45 old. Available at: https://library.hungaricana.hu/en/view/NyelvtudomanyiKozlemenyek_070/?pg=36&layout=s (accessed 20.01.2024).
25. Nekrasova G.A. Historical Phonetics of the Komi Language. Syktyvkar; 2000. (In Komi)
26. Kudryashova L.V. [The Process of Borrowing as a Kind of Language Contact]. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedenij. Povolzhskij Region. Gumanitarnye Nauki. Filologiya*. 2015;(4):66–75. Available at: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn7415 (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
27. [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics. Questions of the Origin and Development of the Finno-Ugric Languages]. Moscow; 1974. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 09.08.2024; accepted 16.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

G. A. Nekrasova – **Dr.Sci.** (Philol.), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4995-4772>, komilang@gmail.com

Глаголы мыслительной деятельности в эрзянском и финском языках: семантический аспект

Наталья Михайловна Мосина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Исследование семантики глагольных единиц, передающих отношения ментального восприятия в эрзянском и финском языках, обусловлено необходимостью сравнительно-сопоставительного изучения данной группы глаголов с целью выявления общих и специфических признаков, присущих данным языкам. Несмотря на многочисленность публикаций по данной проблематике на материале различных языков, в финно-угроведении и мордовском языкознании работы сравнительно-сопоставительного характера практически отсутствуют, что объясняет актуальность и новизну проводимого анализа глагольных единиц, содержащих семантический компонент «ментальное восприятие». Цель исследования – проанализировать и сравнить наиболее частотные глаголы, отражающие мыслительные процессы, в дальнородственных языках.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили иллюстративные примеры на эрзянском и финском языках, полученные в результате сплошной и частичной выборки из текстов различных жанровых и функциональных стилей, в том числе из печатных средств массовой информации, изданий научного и учебно-методического характера, разнообразных диалектных и фольклорных текстов, включенных в состав лингвистических корпусов Языкового Банка Kielirankki с сервером Korp и MokshEt. В процессе проведения исследования применялись методы семасиологического, сравнительного, компонентного, описательного и контекстуального анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведенного исследования описаны понятия «мышление», «ментальное восприятие», проведен семантический анализ их экспликации на лексическом уровне, а именно выявлены наиболее частотные глагольные лексемы, обладающие семантикой мыслительной деятельности на материале дальнородственных языков. Автором выделены лексико-семантические группы, в которые вошли глаголы эрзянского и финского языков с общей семантикой «мышление», «разум», «мысль», а также глагольные единицы с положительной и нейтральной коннотацией.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение группы чувственно-нравственных и ментальных глаголов, составляющих значительный пласт лексики финского и эрзянского языков, а также в развитие лексикологии исследуемых дальнородственных языков.

Ключевые слова: мыслительная деятельность, семантический анализ, глагол, эрзянский язык, финский язык

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мосина Н. М. Глаголы мыслительной деятельности в эрзянском и финском языках: семантический аспект // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 146–155. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.146-155>

Введение

Восприятие – важнейшая способность человека в познании окружающей действительности. Оно неразрывно связано с его ментальной, мыслительной деятельностью, позволяющей не только различать предметы и явления внешнего мира, но и формировать их образы, осознавать воспринятое, выявлять его свойства. Чувственно-нрав-

ственные и ментальные глаголы в финском и эрзянском языках составляют значительный пласт лексики.

Важнейшей сферой языка, где вербализуются и интерпретируются основные механизмы и результаты процесса ментального восприятия, несомненно, является глагольная лексика. Семантика глаголов ментальной

деятельности является одной из наиболее сложных и привлекающих особое внимание задач, которые сегодня решаются в рамках филологической науки. Эти глаголы представляют собой своеобразную структуру, содержащую информацию о различных объектах реального мира. Они описывают предметы, которые представляют собой действительность, а также информируют человека о его эмоциональном и психическом состоянии и отношении к этому предмету.

В лексических системах языка, которые не могут полностью обеспечить понимание познанного человеком мира, глаголы мышления являются единственным средством для обозначения тех сторон реальности, которые познаются человеком, и в то же время служат единственными символами свойств, процессов, состояний и ситуаций.

Обзор литературы

Процесс мышления – это работа не только головного мозга, но и восприятия, направленная на познание окружающего мира. Для того чтобы понять этапы процесса мышления, нужно рассмотреть основные его типы и некоторые принятые классификации.

Мышление складывается у человека в процессе индивидуального развития. Всякая познавательная (мыслительная) деятельность индивида есть психическая деятельность [1]. Мышление тесно связано с другими познавательными процессами, но, в отличие от них, почти всегда обусловлено наличием проблемной ситуации и активным изменением условий, в которых она решается. Например, противоположность восприятию, мышление выходит за пределы чувственного, расширяет границы познания. На основе сенсорной информации в результате процесса мышления делаются определенные теоретические и практические выводы. Оно не только отражает бытие в виде отдельных вещей, явлений и их свойств, но и определяет связи, существующие между ними, которые отражаются в обобщенной форме, в виде законов [2].

Процесс мышления – один из самых сложных процессов человеческой психики, поскольку он всегда определяется несколькими развернутыми взаимосвязанными этапами: 1) разрешение проблемы – осозна-

ние проблемной ситуации; 2) выделение того, что известно, и того, что неизвестно, в результате чего проблема превращается в задачу; 3) ограничение зоны поиска (на основе представлений о типе задач из предшествующего опыта); 4) появление гипотезы как предположения о способах решения задач; 5) реализация гипотезы; 6) проверка гипотезы; 7) реализация решения, если проверка подтверждает гипотезу [3].

Само по себе мышление не коммуникативно, но язык – средство коммуникации, и как средство и орудие общения он имеет свою специфику.

В монографии «Роль человеческого фактора. Язык и мышление» Б. А. Серебренников условно разделяет мышление на типы, выделяя: 1) словесное (мышление при помощи языка); 2) адвербальные формы мышления (требуют меньшего количества физиологических затрат); 3) образное (в качестве основных элементов мышления выступают образы предметов внешнего мира; сводится к воспроизведению в памяти); 4) практическое (мышление, совершающееся в ходе практической деятельности); 5) адвербально-понятийное, или лингвокреативное (мышление, способное создавать слова-понятия или формы, содержание которых не всегда полностью охватывает весь объем понятия); 6) редуцированное (минимализация, сокращение образов в воспоминаниях или при говорении); 7) мышление, основывающееся на конечных результатах действий (способность к воспроизведению образов или действий, которые предположительно могли возникнуть в результате какого-либо процесса) [4].

По характеру решаемой задачи мышление делится на теоретическое (основанное на теоретических рассуждениях и выводах) и практическое (основанное на суждениях и выводах, связанных с решением практических задач). По своим функциям мышление может быть критическим (направленным на выявление недостатков в суждениях других) и творческим (связанным с открытием принципиально новых знаний).

Как показывают исследования на материале различных языков, основным средством выражения мыслительных отношений выступают глагольные единицы.

Глаголы представляют собой фрагмент лексической языковой системы, в которой на разных уровнях происходят различные типы категоризации. Исследование глаголов в этом отношении основано на лингвистической традиции, берущей свое начало от теории семантического поля и метода тезауруса. В общем языкознании имеется множество публикаций, посвященных лексико-семантическим классам, в том числе охватывающих глаголы.

Существуют различные критерии деления глаголов на семантические группы. Ведущий российский специалист в этой области Л. М. Васильев отмечает, что одним из критериев для данного процесса являются доминантные элементы значений, выделенные на основе лексической парадигмы [5]. По этому критерию Васильев разделил все русские предикаты (первые глаголы и прилагательные) на два класса: названия действий (рус. акциональные) и названия состояний (рус. бытийные); а из числа второго класса выделил девять типов.

По мнению других исследователей, глагольная лексика делится на два класса: 1) предикатные глаголы (каузативные, модальные, аспектуальные, темпоральные, таксисные, фазисные) и 2) модусные (речи, мысли, памяти, знания, эмоций, ощущения, представления, восприятия, оценочные) [6].

Как показывают различные исследования, отдельно взятый глагол не закреплен за определенной классификацией и может входить в несколько подгрупп в зависимости от характера и количества его семантических значений и объединяться в них с разными словами. Различия между рассматриваемыми группами глаголов очевидны, между понятиями «мышление» и «восприятие» существует значительная разница: мышление отражает отношение, восприятие – предметы и явления.

Область ментальной семантики языка неоднократно становилась объектом изучения на материале разноструктурных языков с применением различных концепций в исследованиях В. Г. Гака, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильева [5], М. В. Пименовой,

Т. В. Булыгиной, Т. А. Кандоло. Семантическим особенностям отдельных групп глаголов мышления в русском и английском языках посвящены работы Ю. Д. Апресяна [7], Н. Д. Арутюновой [8], М. В. Пименовой¹, В. Г. Павленко [9] и др. Семантическая классификация глаголов, представленная Л. М. Пименовой на материале русского и английского языков, содержит четырнадцать подгрупп: глаголы знания, понимания, памяти, мышления, ментального состояния, мнения, оценки, ментального отношения, воображения, убеждения, ментальных способностей, решения, предположения и глаголы так называемой остаточной группы.

В финском языке глаголы психического или ментального действия также выделяют в отдельную группу. Психические глаголы употребляются для описания внутреннего состояния ума при совершении какого-либо действия или работы. Таким образом, эти глаголы исполняют действия существования, сознания субъекта. Ментальные глаголы условно можно разделить на глаголы чувств, восприятия и знания [10]. Изучению семантического содержания и функционирования данных глаголов были посвящены исследования Х. Койвисто [11], А. Пайюнен [12], А. Арппе [13], А. Катаймяки [14], И. Ю. Убушиева [15], Н. М. Мосиной [16] и др.

В представленной Х. Койвисто классификации ментальные глаголы подразделяются на следующие группы: глаголы мышления, чувств, чувственных ощущений и коммуникации; при этом в группе глаголов мышления ученый выделяет подгруппы глаголов процесса мыслительной деятельности и знания, желания, способности и предпосылки [11]. А. Пайюнен выделила в ходе исследования шесть подгрупп, среди которых: предикаты возможности и способности, предчувствия, оценки, намерения, веры и полагания, мыслительного процесса и знания [12].

Материалы и методы

Подход к межъязыковой лексикологии, представленный в данном исследовании, представляет собой комбинацию лексической типологии и корпусного контрастивно-

¹ Пименова М. В. Семантико-синтаксический аспект ментальных глаголов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

го анализа. Это сочетание точек зрения было разработано в более ранних исследованиях глаголов восприятия [17]. В ходе работы были использованы методы семасиологического, сравнительно-сопоставительного, компонентного, описательного и контекстуального анализа. Особое внимание уделили паттернам дифференциации в области глаголов мыслительного восприятия, а также паттернам многозначности и грамматикализации.

Языковым материалом для исследования послужили глагольные единицы эрзянского и финского языков с семантикой «мыслительное восприятие», «мыслительная деятельность», выделенные из толковых одноязычных, двуязычных словарей, а также иллюстративные примеры, полученные в результате сплошной и частичной выборки из текстов различных жанровых и функциональных стилей, в том числе из печатных СМИ, изданий научного и учебно-методического характера, разнообразных диалектных и фольклорных текстов, а также текстов художественной и публицистической литературы. Иллюстративный материал по финскому языку отобран из лингвистического корпуса Языкового Банка *Kielipankki* с сервером *Korp*², по эрзянскому языку – из лингвистического корпуса мордовских языков *MokshEr*³.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показывает исследование, представленная обширная группа глагольной лексики включает в качестве одной из наиболее многокомпонентной подгруппы глаголов мышления или процесса мыслительной деятельности. Рассмотренная группа глаголов в эрзянском и финском языках со значениями «мышление», «разум», «мысль» представлена в данном исследовании наиболее частотными и многозначными единицами с целью рассмотрения их семантических оттенков и случаев особого употребления, а также построения классификации с учетом выражаемых глаголами значений.

1. Глаголы мыслительного процесса.

В данную группу примеров входят глаголы со значением мыслительного процесса: эрзянский глагол *арсемс* ‘думать, мыслить’, ‘желать, мечтать’; финские глаголы *ajatella* ‘думать, мыслить’; *mieltiä* ‘размышлять, думать о’; *tuumia* ‘думать’, *tuumata* ‘думать’, ‘размышлять’.

На материале эрзянского языка первая подгруппа представлена примерами с глаголом *арсемс* в основном значении ‘думать’, ‘мыслить’: *Арсемс вейсэнь эряmodo* ‘Думать о совместной жизни’; *...арсемс ансяк коштонь таргсемадонть* ‘...думать только о возможности дышать (букв. ‘о доставании воздуха)’; *Эрэва тувталонть ломанесь сонсь арсесы* ‘Каждую причину человек сам обдумает’.

Глагол *арсемс* также может выражать значения ‘желать’, ‘мечтать’: *Арсемс шумбрачи* ‘Пожелать здоровья’; *Паро ломанень минь свал паро арсеян* ‘Хорошим людям мы всегда желаем добра’; *Арсемс путешествиядо* ‘Мечтать о путешествии’; *Арсемс понгомс чачи масторов* ‘Мечтать попасть на родину’; *Тейтертне арсесть, кода кармить эрямо ды работамо, зардо прядсызь институтонть* ‘Девушки мечтали о том, как будут жить и работать, когда окончат институт’.

В финском языке основное значение глагола *ajatella* может быть сформулировано как ‘мысленное осознание понятий и представлений’: *Ajatella loogisesti, selkeästi* ‘Думать логически, ясно’; *Lupasi ajatella asiaa* ‘Обещал подумать об этом’; *Olen ajatellut sinua* ‘Думал о тебе’; *Tapaus antoi ajattelemisen aihetta* ‘Случай дал пищу для размышления’; *Ajatella ääneen* ‘Думать вслух’.

В следующей подгруппе представлены примеры, где глагол *ajatella* выражает значение ‘выражать отношение, мнение, проявлять реакцию’: *Porvarillisesti ajattelevat kansalaiset* ‘Буржуазное мышление граждан’; *Mitä ajattelet asiasta?* ‘Что ты думаешь об этом?’; *Ajattelin, että olisi parasta luopua hankkeesta* ‘Подумал, что было бы лучше отказаться от проекта’.

² Korp: Kielipankki. The Language Bank of Finland (The Concordance Search Tool). Helsinki, 2015. URL: <https://www.kielipankki.fi/> (дата обращения: 15.02.2024).

³ Syatko (Сятко): лит.-худож. и обществ.-полит. журн. // MokshEr (Мокшанско-эрзянский электронный корпус), версия 3. Turku, 2010.

Случаи употребления глагола *ajatella* в значении ‘принять во внимание, **обратить внимание** на что-либо’ представлены следующими примерами: *Ajatella omaa etuaan* ‘Обратить внимание на собственные интересы’; *Toimia seurauksia ajattelematta* ‘Действовать, **не обращая внимания** на последствия’; *Paras vaihtoehto tulevaisuutta ajatellen paremmin* ‘Лучший выбор для будущего – **принять во внимание** самое лучшее’.

Выявлены примеры использования данного глагола с семантикой ‘планировать’: *Ajatteli jäädä eläkkeelle, eläkkeelle jäämistä* ‘**Запланировано** уйти в отставку, уход на пенсию’; *Tehtaan paikaksi on ajateltu Torniota* ‘Место завода **запланировано** в Торнио’.

В финском языке глагол мыслительной деятельности *mieltii* ‘думать о’ отличается особой абстрактностью, с помощью него часто выражается действие «внутренней мысли».

Первая подгруппа включает примеры со словом *mieltii*, имеющим значение ‘обдумывать, размышлять подсознательное’: *Tarvitsen aikaa mieltii asioita* ‘Мне лишь нужно время, чтобы все **обдумать**’; *Haluatko mieltii päivän sitä?* ‘Тебе нужно время, чтобы **обдумать** мое предложение?’; *Mieltii päänsä puhki* ‘**Думать** своей головой’.

Во вторую подгруппу входят примеры с глаголом *mieltii* в значении ‘план, замысел’: *Oli mieltinnyt hyvän selityksen* ‘Я **придумал** хорошее объяснение’; *Sinun on paras mieltii näitä juttuja jonkin aikaa* ‘Было бы неплохо тебе над этим **подумать** какое-то время’; *Mieltii uusia kepposia* ‘**Задумать** новые розыгрыши’.

Глаголы *tuumia* ‘думать’, *tuumata* ‘думать’, ‘размышлять’, будучи заимствованными в финском языке из русского, употребляются для усиления какого-либо художественного приема: *Pojat tuumivat lähteä karkuun* ‘Парни **подумывали** о том, чтобы уйти’; *Taitaa hankkia sadetta*, – *tuumi isäntä* ‘«Наверное, пойдет дождь», – **размышлял** хозяин’; *Mitä tuumit suunnitelmasta?* ‘Что **думаешь** о плане?’; *Esittää asiansa tuumattavasti* ‘Излагать свое дело **обдуманно**’; *En tuumaan, mikä häntä vaivaa* ‘Я **не думаю** о том, что его беспокоит’.

2. Глаголы результата мыслительного процесса.

Во вторую группу вошли глаголы эрзянского языка *арсемс* ‘полагать, предполагать, намереваться’ и финского *ajatella, luulla* ‘полагать, представлять, намереваться’; *epäillä* ‘подозревать’; *kuvitella* ‘представлять’, обозначающие результат мыслительной деятельности.

В эрзянском языке глагол *арсемс* выражает значения ‘полагать, предполагать’, ‘намереваться’; представлен в следующих примерах: *А свал лисни истя, кода арсят* ‘Не всегда получается так, как **предполагаешь**’; *Ларя, нама, аволь весть арсесь те эрямонь лувонть коряс* ‘Ларя, конечно, не раз **думал** о смысле этой жизни’; *Мерят, ломанесь мезде-бути берянде арсезевсь* ‘Как будто человек о чем-то плохом **задумался**’; *Сон арсесь чокшнес самс кудов* ‘Он **намеревался** к вечеру вернуться домой’.

На материале финского языка глагол *ajatella* представлен в значении ‘представлять, предполагать’: *Tauti, jonka aiheuttajaksi on ajateltu virusta* ‘Заболевание, **предположительно** вызванное вирусом’; *Ajatellaanpa, että...* ‘**Предположим**, что...’; *Paras ajateltavissa oleva* ‘Лучшее, что можно себе **представить**’; *Pahinta, mitä ajatella saattaa* ‘Худшее, что можно **придумать**’.

Глагол *luulla* ‘полагать’ представлен в своем основном значении – ‘акт мыслительного процесса’: *Ei sitä hänestä luulisi* ‘Это не то, что вы о нем **подумали**’; *Tässä on luullakseni kaikki, mitä minun piti sanoa* ‘Это, я думаю, все, что я должен был сказать’; *Tämä kysymys otettiin esiin vuonna 1997, luullakseni uuden perustamissopimuksen hyväksymisen jälkeen, mutta ennen sen allekirjoittamista* ‘Этот вопрос был поднят в 1997 году, я **полагаю**, после принятия нового договора, но до его подписания’; *Luulen, että näitä kysymyksiä varten tarvitaan yhteinen strategia* ‘**Полагаю**, совместная стратегия необходима для решения этих вопросов’; *Mutta luulemalla, että fasismi olisi vain saksalainen ilmiö, vähätellään ongelmaa koko Euroopassa* ‘**Полагать**, что фашизм был только немецким явлением – преуменьшать проблему всей Европы’.

Другая подгруппа включает примеры со значением ‘представлять, предполагать,

считать (часто ошибочно): *Luulla koiraa sudeksi* ‘Принять собаку за волка’; *Luulla leikkiä todeksi* ‘Принять шутку за правду’; *Luulla liikoja itsestään* ‘Думать слишком много о себе’.

Глагол *epäillä* в основном значении ‘подозревать’ содержит отрицательный смысл, описывая такие процессы мышления, как недоверие, подозрение, предположение, сомнение: *Epäilen, että tehtävä on liian vaikea* ‘Предполагаю, что задача слишком сложна’; *Lääkärit epäilevät, että potilaan taudiksi on syöpää* ‘Врачи подозревают, что болезнью пациента является рак’; *Tartunnan epäillään tulleen idästä* ‘Предполагается, что инфекция распространяется с востока’; *Ei sinun tarvitse epäillä mitään* ‘Тебе не стоит что-то подозревать’; *Epäilen, onko asia todella niin* ‘Сомневаюсь, что это действительно так’; *Emme olisi saaneet epäillä sinua* ‘Мы никогда не должны сомневаться в тебе’; *Epäilen, että hän tulee* ‘Сомневаюсь, что он придет’; *Epäilen, että hän ei oikeasti haluaisi tulla* ‘Я сомневаюсь, что он действительно хочет прийти’; *En epäile, ettei hän tule* ‘У меня нет сомнений, что он не придет’; *Hän epäilee, että hänellä on syöpä* ‘Он подозревает, что у нее рак’.

Глагол *kuvitella* ‘представлять, иметь представление’ многозначен: *Vaara ei ollutkaan kuviteltu* ‘Опасность не была мнимой’; *En kuitenkaan voi kuvitella, että näin kävisi* ‘Тем не менее я не могу себе представить, что это произойдет’; *En osaa kuvitella mitään muuta syytä tähän* ‘Не могу себе представить какую-либо другую причину для этого’; *Kuvittelin, että olen tekemisissä luotettavien kumppanien kanssa* ‘Полагал, что имею дело с надежными партнерами’; *Kuvittelisin, että te ette voi puhua niiden puolesta, jotka siellä loppujen lopuksi tekevät päätökset* ‘Я предположил бы, что вы не можете говорить от имени тех, кто будет в конечном счете принимать решения’.

3. Глаголы понимания.

В данной группе объединены глаголы со значением понимания как одного из действий мышления и его состояния, а именно: эрзянский глагол *чарькодемс* ‘понимать, догадываться, осознавать’ и финские глаголы *ymmärtää* ‘понимать, осознавать, оценивать’ и *tajuta* ‘осознать’.

На материале эрзянского языка основные значения глагола *чарькодемс* выявлены в следующих примерах: *Куроксто чарькодинек вейкенек-вейкенек ды теевинек ялгаке* ‘Скоро мы поняли друг друга и стали друзьями’; *Чарькодизе весементь Лунигак* ‘Понял все и Лунигак’; *А чарькодемс* ‘Не догадываться’; *Алкукскак, кода сексе эзинек чарькоде?* ‘И правда, как же так мы сразу не догадались’; *Чарькодемс тикшес* ‘Разбираться в травах’; *Аватнень тевестладост эсест, арази сынст тевс чарькодят* ‘У женщин свои дела, разве в них разберешься’; *Аламодо чарькодемс рускс* ‘Немного понимать по-русски’.

В финском языке глагол *ymmärtää* с наиболее употребляемым значением ‘понимать, осознавать’ представлен в примерах: *Maanviljelystä en ymmärrä mitään* ‘Я ничего не смыслю в сельском хозяйстве’; *Ei ymmärtänyt vihjettä* ‘Не понял намека’; *Ymmärsin pitää suuni kiinni* ‘Я понял, что должен держать рот на замке’; *Miten hänen sanansa on ymmärrettävä?* ‘Как понять его слова?’; *Mutta yritin ankarasti olla hyvä vaimo ja ymmärtää häntä* ‘Но я очень старалась быть ему хорошей женой и понимать его’; *On työni kannalta tärkeää – ymmärtää työmme menettelytavat* ‘Мне кажется, для моей работы важно понимать внутренние механизмы того, что мы делаем’.

Во второй подгруппе примеры с глаголом *ymmärtää* выражают значение ‘осознавать ценность, оценивать’: *Ymmärrätkö modernia taidetta?* ‘Понимаете ли вы современное искусство?’; *Hän ei ymmärrä huumoria* ‘Он не понимает юмора’; *Ymmärrän hänen kantansa, mutta olen eri mieltä* ‘Я понимаю его позицию, но я не согласен’; *On ureaa, kun ymmärtää, miltä hänestä tuntuu* ‘Как же здорово понимать то, что она чувствует’.

Глагол *tajuta* ‘воспринимать, осознать, постичь’ представлен следующими примерами: *Ihmiskorvin tajuttavat äänet* ‘Человеческое ухо может распознавать звуки’; *Koira tajusi isäntänsä kaukaa* ‘Собака распознала своего хозяина издалека’; *Ei tajunnut vaaraa* ‘Не осознавать опасность’; *Teidän täytyy tajuta tosiasiat* ‘Вы должны принять факты’; *Tajuatko löytäneesi maanosan?* ‘Осознаете ли вы то, что открыли материк?’; *Minusta tuntuu, että me poliitikot emme vieläkaan ole tajunneet*

tilanteemme vakavuutta ilmastomuutoksen suhteen ‘Я чувствую, что мы, политики, до сих пор **не осознали** всю серьезность ситуации в связи с изменением климата’; *Kyllä kai sinä sen tajuat, että ne pojat ei enää kysele* ‘Я думаю, ты **понимаешь**, что они больше не спрашивают парней’; *Julia tajusi että hänellä oli sietämätön jano* ‘Джулия **поняла**, что ее невыносимо мучала жажда’; *Hannu oli makaamassa olohuoneen sohvalla ja ei tuntunut vielääkään tajuavan tästä maailmasta mitään* ‘Ханну лежал на диване в гостиной и до сих пор, кажется, **не понимал** ничего в этом мире’.

4. Глаголы уверования.

Четвертая группа включает глаголы эрзянского и финского языков со значениями уверования. Эрзянский глагол кемемс и финский *uskoa* имеют значения ‘верить, поверить, уверовать’, они также употребляются для обозначения мыслительной деятельности, указывая на эмоциональное состояние субъекта.

На материале эрзянского языка основное значение глагола кемемс ‘верить, доверять’: *Кемть валозон* ‘**Верь** моим словам’; *Сыненст можна кемемс* ‘Им можно **верить**’; *Сонзэ лангс можна кемемс* ‘Ему можно **доверять**’; *А кемемс эсь сельмтненень* ‘Своим глазам **не верить**’.

Наряду с этим у глагола кемемс выявлено значение ‘надеяться’: *Бути кармить лангозот кемеме, сестэ кармить вечкеметькак* ‘Если будут на тебя **надеяться**, то и любить будут’.

В финском языке глагол *uskoa* представлен в одном из основных значений ‘верить, считать’: *Ei uskonut sanaakaan* ‘**Не верю** ни единому слову’; *Usko tai älä, totta se on!* ‘**Верьте** или нет, но это правда!’; *Se oli uskoakseni vähintä, mitä voin tehdä* ‘Я **считаю**, что это меньшее, что я могу сделать’; *Uskoakseni hän on jo lähtenyt* ‘Я **считаю**, что он уже ушел’; *Uskoi parantuneensa luonnonlääkkeillä* ‘**Считалось**, что он был исцелен при помощи природных лекарств’; *Kirjan uskotaan käyvän kaupaksi* ‘Книга, **считается**, хорошо продается’.

Вторая подгруппа включает примеры со значением глагола *uskoa* ‘принимать во

внимание, обращать внимание на что-либо’: *Lapset eivät uskoneet äidin neuvoa* ‘Дети **не приняли** совет матери’; *Ei uskonut ennen kuin sattui vahinko* ‘**Не обращал внимания**, пока не случилась поломка’; *Ei pidä uskoa kaiken maailman juurutoimittajia* ‘Не стоит **обращать внимание** на то, что происходит в мире сплетен журналистов’; *Me uskomme vain arvojen ja ajatustenvaihdon politiikkaan; emme usko likaiseen politiikkaan* ‘Мы верим в ценности и идеи в политике и **не обращаем внимания** на грязную политику’.

В третьей подгруппе глагол представлен в значении ‘доверять, выражать личное отношение’: *Uskoa sanaan* ‘**Верить** на слово’; *Uskoa parempaan huomiseen* ‘**Верить** в лучшее будущее’; *Ei ollut uskoa korviaan siitä* ‘Он **не поверил** свои ушам’; *Tuskin uskoin silmiäni sitä* ‘Он едва **мог поверить** своим глазам’; *Uskokaa minua, haluaisimme pystyä luottamaan teihin jatkossakin* ‘**Поверьте**, мы хотели бы доверять вам в будущем’.

Заключение

В ходе исследования нами были выявлены глаголы мыслительной деятельности эрзянского и финского языков. Основной задачей было определить наиболее частотные и многозначные глагольные единицы, проанализировать выражаемые ими значения, в результате чего нами выделены следующие лексемы эрзянского и финского языков: эрз.⁴ *арсемс, чарькодемс, кемемс*; фин.⁵ *ajatella, mieltää, tuumia, tuumata, luulla, epäillä, kuvitella, ymmärtää, tajuta, uskoa*. Данные лексемы представляют четыре группы в зависимости от выражаемых ими значений: 1) глаголы мыслительного процесса (эрз. *арсемс*; фин. *ajatella, mieltää, tuumia, tuumata*); 2) глаголы результата мыслительного процесса (эрз. *арсемс*; фин. *ajatella, luulla; epäillä, kuvitella*); 3) глаголы понимания (эрз. *чарькодемс*; фин. *ymmärtää, tajuta*); 4) глаголы уверования (эрз. *кемемс*; фин. *uskoa*).

Глагол эрзянского языка *арсемс* является наиболее многозначным, у него выявлены значения ‘думать, мыслить’, ‘желать, мечтать’, ‘полагать, предполагать, наме-

⁴ эрз. – эрзянский язык

⁵ фин. – финский язык

реваться’, в связи с этим он входит в две группы представленной классификации. Среди выделенных глаголов финского языка наибольшее количество значений выявлено у глагола *ajatella* – ‘думать, мыслить’, ‘принимать во внимание, обратить внимание на что-либо’, ‘планировать’, ‘полагать, представлять, намереваться’. Иллюстративные примеры с ним также зафиксированы в двух

семантических группах: группе глаголов мыслительного процесса и глаголов результата мыслительного процесса.

Как показывает проведенное исследование, более богатым лексическим материалом, отражающим отношения ментального восприятия, обладает финский язык. При этом глаголы эрзянского языка в большинстве случаев демонстрируют свою многозначность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира : моногр. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 328 с.
2. Немов Р. С. Психология: в 3 т. М., 1998. Т. 1. С. 137.
3. Прохорова О. Н. Ментальные структуры и их репрезентация лексическими средствами в германских и романских языках : моногр. М. : Флинта, 2013. 332 с.
4. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М. : Наука, 1988. 248 с.
5. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие для вузов. М. : Высшая школа, 1990. 176 с.
6. Самсонова Л. С., Исаев Р. О. Формирование концептов в процессе когнитивной деятельности и их репрезентация в языке // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 7. С. 147–150. EDN: **QOEAXK**
7. Апресян Ю. Д. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Том 1–2. Budapest : Tankönyvkiadó, 1982.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999.
9. Павленко В. Г. Когнитивно-прагматические и семантико-синтаксические характеристики ментального глагола *exrest* и его производных (на материале английского языка) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2022. № 3. С. 68–77. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-68-77>
10. Surakka A. Yleistävän Yksikön 2. Persoonan Käyttö Inkerinsuomessa. Itä-Suomen Yliopisto, 2011. 142 s.
11. Koivisto H. Partisiippien Adjektiivistuminen Suomen Kielessä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1987. URL: <http://hdl.handle.net/10138/149562> (дата обращения: 15.02.2024).
12. Pajunen A. Argumenttirakenne: Asiaintilojen luokitus ja verbien käyttäytyminen suomen kielessä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2001.
13. Arppe A. Monta Tapaa «Ajatella» – Tilastollisten Menetelmien Hyödyntäminen Aineistolähtöisessä Sanastontutkimuksessa // Virittäjä. 2009. № 1. Verkkoliite. S. 1–9. URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/4185/3902> (дата обращения: 15.02.2024).
14. Katajamäki A. Mä Tiedän Miltä Susta Tuntuu. Ajattelemisen Ja Tietämisen Nuorten Mieliäpideteksteissä. Suomen Kielen Pro Gradu-Tutkielma. Jyväskylän Yliopisto, 2008.
15. Убушиев И. Ю. Глаголы мышления в финском языке // Oriental Studies. 2012. Т. 5, № 3. С. 129–133. EDN: **PWZHXR**
16. Мосина Н. М. Семантика глаголов ментального действия в эрзянском и финском языках // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы : сб. статей по мат-лам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Ижевск, 2019. С. 126–130. EDN: **LOAIJC**
17. Viberg Å. The Verbs of Perception // Language Typology and Language Universals. An International Handbook. Berlin : De Gruyter, 2001. P. 1294–1309.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 17.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. М. Мосина – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru

Verbs of Thinking Activity in Erzya and Finnish Languages: Semantic Aspect

Natalya M. Mosina

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The study of the semantics of verbal units that convey relations of mental perception in the Erzya and Finnish languages is due to the need for a comparative study of this group of verbs to identify general and specific features inherent in these languages. Despite the numerous publications on this issue based on the material of various languages, there are practically no comparative works on this issue in Finno-Ugric studies and Mordovian linguistics, which explains the relevance and novelty of the analysis of verbal units containing the semantic component “mental perception”. The purpose of the study is to analyze and compare the most frequent verbs reflecting mental processes in distantly related languages.

Materials and Methods. The research material was illustrative examples in the Erzya and Finnish languages, obtained as a result of a continuous and partial sample from texts of various genre and functional styles, including from print media, scientific and educational publications, various dialect and folklore texts included in the linguistic corpus of the Kielipankki Language Bank with the Korp server and MokshEr. In the course of the research, methods of semasiological, comparative, component, descriptive and contextual analysis were used.

Results and Discussion. As a result of the research, the concepts of “thinking” and “mental perception” are described, a semantic analysis of their explication at the lexical level is carried out, namely, the most frequent verbal lexemes with the semantics of mental activity based on the material of related languages are identified. The author identifies lexical and semantic groups, which include the verbs of the Erzya and Finnish languages with common semantics “thinking”, “mind”, “thought”, as well as verbal units with positive and neutral connotations.

Conclusion. The conclusions made by the author contribute to the study of a group of sensory-moral and mental verbs that make up a significant layer of the vocabulary of the Finnish and Erzya languages, as well as to the development of the lexicology of the studied related languages.

Keywords: mental activity, semantic analysis, verbs, Erzya language, Finnish language

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Mosina N.M. Verbs of Thinking Activity in Erzya and Finnish Languages: Semantic Aspect. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):146–155. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.146-155>

REFERENCES

- Rubinstein S.L. [Being and Consciousness. On the Place of the Psyche in the Universal Interconnection of the Phenomena of the Material World]. Moscow; 1957. (In Russ.)
- Nemov R.S. [Psychology]. Moscow; 1998. Vol. 1. (In Russ.)
- Prokhorova O.N. [Mental Structures and Their Representation by Lexical Means in Germanic and Romance Languages]. Moscow; 2013. (In Russ.)
- Serebrennikov B.A. [The Role of the Human Factor in Language. Language and Thinking]. Moscow; 1988. (In Russ.)
- Vasiliev L.M. [Modern Linguistic Semantics. Textbook for Universities]. Moscow; 1990. (In Russ.)
- Samsonova L.S., Isaev R.O. Concept Formation in the Cognitive Activity and Its Linguistic Representation. *Modern Humanities Success*. 2023;(7):147–150. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **QOEAXK**
- Apresyan Yu.D. [Russian Verb – Hungarian verb. Control and Compatibility]. Budapest; 1982. Vol. 1–2. (In Russ.)
- Arutyunova N.D. [Language and the World of Man]. Moscow; 1999. (In Russ.)

9. Pavlenko V.G. Cognitive-Pragmatic and Semantic-Syntactic Characteristics of the Mental Verb Expect and Its Derivatives (In the English Language). *Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2022;(3):68–77. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-68-77>
10. Surakka A. Yleistävän Yksikön 2. Persoonan Käyttö Inkerinsuomessa. Itä-Suomen Yliopisto; 2011. 142 s. (In Finn.)
11. Koivisto H. Partisiippien Adjektiivistuminen Suomen Kielessä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki; 1987. Available at: <http://hdl.handle.net/10138/149562> (accessed 15.02.2024). (In Finn.)
12. Pajunen A. Argumenttirakenne: Asiantilojen Luokitus Ja Verbien Käyttäytyminen Suomen Kielessä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki; 2001. (In Finn.)
13. Arppe A. Mä Tiedän Miltä Susta Tuntuu. Ajatteleminen Ja Tietäminen Nuorten Mielipideteksteissä. Suomen Kielen Pro Gradututkielma. Jyväskylän Yliopisto; 2008. (In Finn.)
14. Katajamäki A. Mä Tiedän Miltä Susta Tuntuu. Ajatteleminen Ja Tietäminen Nuorten Mielipideteksteissä. Suomen Kielen Pro Gradututkielma. Jyväskylän Yliopisto; 2008. (In Finn.)
15. Ubushiev I.Yu. [Verbs of Thinking in the Finnish Language]. *Oriental Studies*. 2012;5(3):129–133. (In Russ.) EDN: **PWZHXR**
16. Mosina N.M. [Semantics of Verbs of Mental Action in the Erzya and Finnish Languages]. In: *Finno-Ugric World in the Polyethnic Space of Russia: Cultural Heritage and New Challenges*. Izhevsk; 2019. p. 126–130. (In Russ.) EDN: **LOAJC**
17. Viberg Å. The Verbs of Perception. In: *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. Berlin; 2001. (In Eng.)

Submitted 09.07.2024; revised 05.08.2024; accepted 17.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. M. Mosina – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru

Дискурсивные слова в карельском языке: к постановке вопроса

Наталья Викторовна Патроева
Татьяна Владимировна Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Введение. В настоящее время дискурсивные слова в карельском языке не подвергались комплексному исследованию и многие вопросы относительно разрядов коннекторов как близкородственных, так и неродственных языков мира вызывают споры и дискуссии. Решение этих спорных моментов предполагается возможным посредством накопления весомого количества языкового материала, а также данных, касающихся прагматики, эволюции, семантики и этимологии дискурсивных слов. Цель исследования – проведение комплексного анализа служебных частей речи (их состава, функций и семантики) в трех наречиях карельского языка (собственно карельском, ливвиковском, людиковском) в рамках проекта «Дискурсивные слова в карельском языке: сравнительно-типологический аспект».

Материалы и методы. Исследование карельского синтаксиса осуществлялось в аспекте сопоставления с грамматическим строем финского, являющегося близкородственным карельскому, и русского языков. Материалами для проведения научного изыскания стали карелоязычные словари (диалектные и новописьменные) и образцы диалектной карельской речи, позволяющие выявить состав и семантику дискурсивных слов, определить их происхождение в диалектах и говорах карельского языка. Были применены общенаучные и специально-лингвистические (сопоставительно-типологический, лексикографический, этимологический, сравнительно-исторический) методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Важнейший итог исследования – комплексный анализ дискурсивных слов в диалектах карельского языка с привлечением данных из родственных (финского, вепсского) и неродственного (русского) языков.

Заключение. Результаты исследования вносят вклад в изучение прагматики, эволюции, семантики и этимологии дискурсивных слов карельского языка, а также способствуют разъяснению вопроса разрядов коннекторов близкородственных и неродственных языков мира.

Ключевые слова: карельский язык, русский язык, синтаксис, дискурсивные слова, финно-угроведение, диалекты, сравнительно-типологический анализ, семантика

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00092, <https://rscf.ru/project/23-28-00092>.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Дискурсивные слова в карельском языке: к постановке вопроса // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 156–164. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.156-164>

Введение

В России период с 2022 по 2032 г. объявлен Международным десятилетием языков коренных народов. Одним из них являются карелы – коренной народ Республики Карелия, третий по численности прибалтийско-финский народ. Карельский язык – родной язык карелов – входит в группу прибалтийско-финских языков уральской языковой семьи. В нем выделяют три наречия: соб-

ственно карельское, ливвиковское и людиковское, далее члениющиеся на диалекты, а затем – на говоры. Собственно карельское наречие локализовано в северных и центральных районах Республики Карелия, а также в Ленинградской области (тихвинские карелы) и Тверской области (тверские карелы). Территория проживания карелов-ливвиков определяется в Пряжинском и Олонецком

районах Республики Карелия, а карелов-людигов – в Пряжинском, Кондопожском, Прионежском и Олонецком районах.

В России в период с 2002 по 2010 г. численность населения, владеющего карельским языком, уменьшилась в два раза, что обусловило включение в 2017 г. карельского языка в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», или «Красную книгу языков». По данным переписи населения 2021 г., численность карельского этноса сократилась в 1,9 раз и составляет 32,4 тыс. чел. (по сравнению с 2010 г.). Очевидно, что карельский язык нуждается в поддержке, ревитализации, сохранении и активной популяризации. В настоящее время создаются учебники, учебные пособия, разговорники, методические материалы для преподавания карельского языка в школах и вузах. Ученые и исследователи обращаются к различным аспектам карельского языка: фонетика, лексика, морфология; однако синтаксис исследуется фрагментарно (рассматриваются типы подчинительных связей на уровне словосочетания, падежные формы и их грамматические значения, простое предложение и его структурные типы).

В январе 2023 г. усилиями профессорско-преподавательского состава кафедр прибалтийско-финской филологии и русского языка Петрозаводского государственного университета была начата реализация проекта РНФ «Дискурсивные слова в карельском языке: сравнительно-типологический аспект», в рамках которого было проведено данное исследование. Его цель – проведение многоаспектного изучения синтаксиса языка и семантики, состава и функционирования карелоязычных дискурсивных слов, скрепляющих части предложения. Исследование направлено на решение следующих научных проблем в области синтаксиса: определение исконных и заимствованных явлений на материале карелоязычных дискурсивных слов; выявление направления и результатов языковых контактов в грамматике карельского и прибалтийско-финских языков, также русского языка; описание особенностей семантики и функций коннекторов в карельском языке на материале памятников устной и письменной речи; раз-

витие таких актуальных направлений современных грамматических исследований, как лингвистика конструкций, синтаксическая семантика, корпусная лингвистика в области финноугроведения.

Задачи исследования: 1) изучить накопленный российскими и зарубежными исследователями XIX – начала XXI вв. материал, посвященный синтаксическому строю карельского языка; 2) выявить специфику и направленность русского и прибалтийско-финского языкового контактирования, обусловленного общим культурно-историческим фоном; 3) сопоставить общелитературные и диалектные синтаксические конструкции карельского и русского языков, определить их типологическое сходство, ареалы распространения; 4) предложить комплексный анализ состава, семантики и этимологии служебных частей речи разных наречий карельского языка; 5) на основе архивных и полевых материалов, а также дневниковых записей новых экспедиций в места компактного проживания носителей карельских говоров составить базу данных, содержащую сведения о составе, семантике и функционировании карелоязычных дискурсивных слов.

Обзор литературы

Языковое контактирование ярче всего проявляется на уровне лексики как самой подвижной сферы, но грамматический строй относится к более консервативной области: изменения на синтаксическом ярусе языковой системы совершаются медленно и потому малозаметны. Несмотря на «консервативность» грамматики, в условиях, в первую очередь, двуязычия нередко происходит взаимодействие, калькирование и интерференция синтаксических моделей. В XX в. публикуются исследования о взаимовлиянии русского языка и прибалтийско-финских языков, однако диалектные материалы затрагиваются спорадически [1–3], а также финно-угорских языков [4], но комплексное исследование синтаксиса карельского языка еще не предпринималось.

Теоретико-методологическая база синтаксических особенностей карельского языка весьма скудна. В ряде исследований авторы обращаются лишь к описанию частей речи

и их морфологической категории, затрагивая некоторые аспекты синтаксиса или не предлагая его совсем. Так, на материале собственно карельского наречия (на основе севернокарельских диалектов охватываются территории Лоухского и Калевальского районов Карелии) в последние десятилетия П. М. Зайковым опубликован ряд грамматик [5–7]. Фрагментарный анализ отдельных групп дискурсивных слов предлагается в монографиях В. Д. Рягова (на материале тихвинского говора карельского языка) [8], П. Палмеоса (на материале валдайского говора) [9]. В исследованиях, посвященных тверскому диалекту, рассмотрены прежде всего морфологические особенности [10], а также фонологическая система трех тверских диалектов: толмачевского, держанского и весьегонского [11]. Новейшие монографии [12] содержат анализ отдельных явлений морфолого-синтаксического характера: предложно-падежных конструкций в разных диалектах карельского языка, падежного управления и отдельных типов предложений. В исследовании «Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем» рассмотрены все наречия карельского языка с примерами, взятыми из рукописных и опубликованных нормативных грамматик и дескриптивных описаний [13]. Таким образом, попытка провести комплексное исследование синтаксиса карельского языка еще не предпринималась. Единственным системным, хотя и не детализированным описанием синтаксической системы карельского языка можно считать научный труд В. П. Федотовой «Очерк синтаксиса карельского языка» [14].

Материалы и методы

В настоящее время не существует разноаспектного структурно-семантического типологического исследования карельского предложения, включая уровень полипредикативных образований; не определены сходства, отличия и подобия между диалектами карельского языка на синтаксическом уровне; не существует целостного представления о единых для карельского литературного языка синтаксических нормах и единой типологии предложения; не определена степень участия грамматических заимствований из финского

и русского языков в историческом формировании синтаксического строя карельского языка. Все это обуславливает необходимость создания электронной базы данных по синтаксису разных наречий карельского языка, комплексного анализа диалектных сходств и различий на синтаксическом уровне, системы средств выражения синтаксических связей и отношений, типологии простого и сложного предложения, выяснения истонного либо возникшего под иноязычным влиянием, общекарельского или узкодиалектного характера синтаксических феноменов карельского языка.

В ходе исследования применялись следующие методы и приемы исследования: общенаучные эмпирические (сравнение, наблюдение, описание), теоретические (ознакомление с материалами, доказательство основательности предположения), общелогические методы и приемы (индукция, дедукция, синтез, анализ, аналогия, обобщение, структурный и системный подходы). Опрос, анкетирование и метод синхронного анализа помогли выявить диалектные особенности употребления дискурсивных слов. В ходе полевого исследования были применены аудиозапись и фотосъемка. С точки зрения обработки материала осуществлена частичная расшифровка и анализ собранных в ходе экспедиции записей. Для проведения анкетирования составлена социолингвистическая анкета, включающая паспортный и основной блоки вопросов, касающихся языковой биографии и языкового поведения информанта. В ситуации с миноритарными языками наиболее эффективным методом исследования становится интервьюирование, поскольку анкетные данные не всегда дают точную информацию. Методы работы с информацией и информационными ресурсами, применяемые в современной прикладной лингвистике, окажутся необходимыми при составлении базы данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Петрозаводский государственный университет является единственным вузом России, в котором преподается и исследуется карельский язык, поэтому именно у представителей Петрозаводской лингвистической школы

имеется богатый опыт работы в области исследования карельского синтаксиса. Из феноменов наиболее изученными являются падежные формы с их связями и функциями, глагольное управление, система словосочетаний, некоторые типы простого предложения. Также с недавнего времени началось комплексное исследование коннекторов диалектов карельского языка [15; 16].

Продемонстрируем методику проводимого исследования дискурсивных слов на примере системы частиц тверского диалекта. Поскольку научных трудов, посвященных теоретическому осмыслению партикул карельского языка, не существует, то на начальном этапе следует обратиться к анализу класса частиц в трудах представителей российского и зарубежного сравнительно-исторического и общего языкознания, а также создателей старых и новых русских грамматик с целью последующего комплексного сопоставительно-типологического и диахронического описания частиц в русском, финском и карельском языках.

Частицы придают высказыванию разнообразные оттенки смысла с целью реализации интенций говорящего, а также участвуют в образовании некоторых морфологических форм, поэтому исследование частиц должно быть разноаспектным с точки зрения лингвистики, в нем необходимо затронуть наиболее важные категории системы языка: слово, часть речи и предложение.

В зарубежной и российской грамматической традиции собственно частицы долгое время не выделялись в качестве отдельной части речи, растворяясь в группах наречий и союзов [17–19]. Широкое понимание термина «частица» для наименования всей сферы незначительных (служебных) слов [20, с. 149] сохранялось вплоть до середины XX в. [21; 22]. Так, представители общего и типологического языкознания высказали мнение о том, что «частицы речи» (в общем понимании термина), которые не имеют номинативного значения, морфологической категории, и собственно частицы не относятся к системе частей речи, членов предложения, однако имеют отношение к предложению, выступая в некоторых случаях как нечленимые слова-предложения [23].

Исследователи-компаративисты и историки языка относят частицы к древнейшим служебным словам [8], некоторые из которых открывали древнее индоевропейское предложение и затем, в результате фонетических изменений, превратились в формо- и словообразующие элементы [24–26].

Ученик Ф. Ф. Фортунатова А. М. Пешковский рассматривал частицы только в связи с характеристикой лексико-грамматических средств, используемых в «вопросительных, восклицательных и повелительных предложениях» [27, с. 392–395]. Еще один сторонник формально-грамматического направления в русском языкознании М. Н. Петерсон определял частицы как «несамостоятельные слова, выражающие какие-нибудь оттенки значений самостоятельных слов», например «отрицание», «усиление», «ослабление», «неопределенность» [28, с. 187]. Очевидно, что также вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Шахматов особо выделяет частицы как «часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат. Таким образом, они имеют формальное, служебное значение...» [29, с. 693].

В 1970–1980-х гг. наблюдалось особое повышение интереса к изучению частиц «практически во всех странах» [30, с. 7]. Так, в работах по сравнительному языковедению и диахронической грамматике второй половины XX в. был накоплен богатый сопоставительно-типологический материал, позволяющий прийти к общим теоретическим заключениям, касающимся этого класса слов (о принципиальной размытости класса частиц, многозначности и синонимии, конситуативности семантики партикул, их активном использовании в разговорной, диалектной речи и др.), и наметить вопросы, остающиеся дискуссионными (например, можно ли считать частицы словами, уменьшается или расширяется со временем разряд партикул в языках мира, первичными или вторичными словами следует считать частицы и др.).

На карельском языковом материале уже использовались опыты функционально-семантической классификации частиц [5; 10], однако созданные типологии представля-

ются недостаточно полными. Материалы составленных А. В. Пунжиной словаря¹ и образцов речи носителей тверского говора² позволяют прийти к выводу о том, что передаваемые частицами оттенки значений разнообразны, а состав данных средств акцентирования достаточно широк.

Главная сфера активного функционирования частиц – живая устная речь. Значения частиц можно отнести, вслед за Э. Сепиром, к «реляционным», гораздо более абстрактным, чем «базовые» (номинативные лексические значения самостоятельных частей речи) [23, с. 101–116]. В соответствии с функционально-семантическим критерием на материале тверского карельского говора можно выделить следующие разряды частиц [31]:

1) акцентулирующие, служащие цели коммуникативного подчеркивания, выделения элементов текста (речи) частицы: *усилительные* (напр., **anoš** ‘ведь’³, **-ba / -bä**, **-bo / -bö**, **-bua / -biä** ‘же’⁴, **ga** ‘да’, **ka(h)** ‘ну, да, вот, вот так, смотри-ка’ и др.); *ограничительно-выделительные* (напр., **ehki** ‘хоть, по крайней мере’⁵, **hos** ‘хоть, хотя бы’, **vain** ‘лишь, только’ и др.); *уточнительные* (напр., **ŕähil’ŕä** ‘почти, около’⁶, **počki** ‘чуть ли не, почти’⁷ и др.); *указательные* (напр., **ka** ‘вот, вон’⁸, **vot** ‘вот’⁹);

2) субъективно-модальные, передающие отношение говорящего к своему высказыванию и к предмету речи: *эмоционально-оценочные* (напр., **ažbi** ‘уж и’¹⁰, **kyl’ŕä** ‘ишь, ну [и]’, **nu** ‘ну, но’¹¹ и др.),

императивные, или повелительные (напр., **ana** ‘пусть, пускай’¹², **ka** ‘да, ну 13, **na** ‘на, возьми, бери (в значении глагола)’¹⁴ и др.); *вопросительные* (напр., **-go** ‘ли’¹⁵, **migo** ‘неужели, разве’¹⁶, **razve** ‘разве’¹⁷ и др.); *утвердительные* (напр., **aha** ‘да, ага’¹⁸, **da** ‘да’¹⁹); *отрицательные* (напр., **ei** ‘не’²⁰, **n’i** ‘ни, даже’²¹); *неопределенные* (напр., **-gi** ‘-либо / -нибудь’²², **kuda-** ‘кое-’²³, **-l’ibo** ‘-либо’²⁴; **-ollou** ‘-нибудь’ и др); *гипотетические* (напр., **avivn** ‘наверно, очевидно’²⁵, **avois** ‘авось, небось’²⁶, **bud’e / bud’o** ‘может быть’²⁷, **odnuakko** ‘наверно, похоже, вероятно’²⁸ и др.).

Решение многих спорных вопросов, касающихся истории разряда частиц в языках мира, как родственных, так и генетически разнородных, возможно только на пути накопления достаточного количества материалов, касающихся эволюции, прагматики, семантики партикул.

Заключение

Служебные части речи в структуре простого и сложного предложения на материале ливвиковского, собственно карельского и людиковского наречий изучены менее детально, чем аспекты фонетики, морфологии и лексики. На основе представленных к изучению материалов планируется подтвердить предположение о том, что богатство функционально-семантического потенциала служебных частей речи в контексте синтаксических конструкций в наречиях карельского языка обусловлено не только исторически сложившимися

¹ Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск : Карелия, 1994. 396 с.

² Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск : Периодика, 2001. 208 с.

³ Словарь карельского языка (тверские говоры). С. 15.

⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki : Lexica Societatis Fenno-Ugricae. IV. 1993. P. 91.

⁵ Словарь карельского языка (тверские говоры). С. 36.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki : Lexica Societatis Fenno-Ugricae. II. 1974. P. 1.

⁹ Словарь карельского языка (тверские говоры). С. 343.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же. С. 181.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 160.

¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki : Lexica Societatis Fenno-Ugricae. V. 1997. 35 p.

¹⁸ Словарь карельского языка (тверские говоры). С. 10.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Там же. С. 37.

²¹ Там же. С. 177.

²² Там же. С. 237.

²³ Там же. С. 119.

²⁴ Там же. С. 137.

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ Там же. С. 22.

²⁸ Там же. С. 187.

имманентными свойствами карельского синтаксиса, но и двойным влиянием близкородственного финского языка и находящегося в отдаленном родстве и принадлежащего другой языковой семье языка русского.

В результате реализации проекта «Дискурсивные слова в карельском языке: сравнительно-типологический аспект» подготовлено актуальное для преподавания грамма-

тики близкородственных финно-угорских языков исследование по малоизученным аспектам синтаксиса карельского языка, а также совершается создание электронной базы «Синтаксис карельских наречий и диалектов», что позволит привлечь к исследованию новое поколение ученых, преподавателей вузов и студентов с целью повышения престижа языка, находящегося на грани исчезновения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937.
2. Бубрих Д. В. Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков // Труды карельского филиала академии наук СССР. Вып. XII. Прибалтийско-финское языкознание. 1958. С. 3–24.
3. Муллонен М. И. О влиянии синтаксического строя русского языка на вепский язык // Прибалтийско-финское языкознание. Л. : Наука, 1967. С. 39–43.
4. Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М. : Наука, 1964. 110 с.
5. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск : Периодика, 1999. 120 с.
6. Zaikov P. Karjalan kielen kielioppi (muotooppi). Petroskoi, 1993. 87 s.
7. Zaikov P. Karjalan kielioppi. Petroskoi : Periodika, 2002. 207 s.
8. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 285 с.
9. Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn : Eesti NSV teaduste akadeemia, 1962. 226 s.
10. Новак И. П. Грамматика тверского карельского языка. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2020. 177 с.
11. Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка: фонетика. Фонология. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. 226 с.
12. Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015. 169 с.
13. Karelian in Grammars: A Study of Phonetic and Morphological Variation. Scientific Electronic Edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen [et al]. Petrozavodsk : KarRC RAS, 2022. 452 p.
14. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск : Карелия, 1990. 157 с.
15. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. К вопросу о коннекторах сложного предложения (на примере ливвиковского наречия карельского языка) // Вестник урovedения. 2020. Т. 10, № 3. С. 517–525. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-517-525>
16. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система частиц в диалектах ливвиковского наречия карельского языка: проблемы описания и интерпретации // Вестник урovedения. 2021. Т. 11, № 4. С. 680–688. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-680-688>
17. Буслев Ф. И. Историческая грамматика. М. : Учпедгиз, 1959. 626 с. URL: <https://djvu.online/file/yYVfIV24CHvMM?ysclid=lzbuy63fn4807154313> (дата обращения: 03.03.2024).
18. Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб : Типография И. Глазунова, 1831. 408 с.
19. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. 7. Труды по филологии. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.
20. Барсов А. А. Российская грамматика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 654 с.
21. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1986. 640 с. URL: <https://djvu.online/file/6icQyDYdBkA50?ysclid=lzbv0ewzh7556354566> (дата обращения: 03.03.2024).
22. Добиаш А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага : Типография др. Э. Грегра, 1897. 544 с.
23. Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. С. 101–116.
24. Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М. : Наука, 1982. 439 с.
25. Красухин К. Г. Закон Вакернагеля и структура индоевропейского предложения // Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М. : Наука, 2005. 239 с.
26. Carruba O. Die satzeinleitende Partikeln in der indogermanischen Sprachen Anatoliens. Roma : Edizioni dell' Ateneo, 1969. 123 s.
27. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Госучпедгиз, 1956. 512 с.
28. Петерсон М. Н. О частях речи в русском языке // Вопросы грамматического строя : сб. статей. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 175–187.
29. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. 720 с.

30. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 167 с.
31. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Семантика и этимология частиц в тверском диалекте собственно карельского наречия карельского языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13, № 2 (53). С. 256–266.
32. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 416 с.
33. Суник О. П. Общая теория частей речи. М.; Л. : Наука, 1966. 132 с.
34. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М. : Госучпедгиз, 1956. С. 23–197.
35. Ahtia E. Karjalan kielioppi III. Johto–oppi. Suojärvi : Kopijyvä, 2014. 113 s.
36. Kiparsky V. Onko venäjän kielessä suomalais–ugrilaista substraattia? // Suomalainen Tiedeakatemia. Esitelmät ja Pöytäkirjat. Helsinki, 1969. S. 137–151.

Поступила 15.11.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2024; принята к публикации 18.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Н. В. Патроева – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (185028, Российская Федерация, г. Петрозаводск, Октябрьский пр-т, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>, nvpatr@list.ru

Т. В. Пашкова – доктор исторических наук, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета (186000, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Питкярантская, д. 16), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>, tvpashkova05@mail.ru

Discursive Words in the Karelian Language: Towards the Formulation of the Question

Natalya V. Patroeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana V. Pashkova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Introduction. Currently, discursive words in the Karelian language have not been subjected to a comprehensive study, and many questions on the categories of connectors of both closely related and unrelated languages of the world cause controversy and discussion. The solution of these controversial issues is supposed to be possible through the accumulation of a significant amount of linguistic material, as well as data on the pragmatics, evolution, semantics and etymology of discursive words. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the official parts of speech (their composition, functions and semantics) in three dialects of the Karelian language (Karelian proper, Livvikov, Ludikov ones) within the framework of the project "Discursive words in the Karelian language: a comparative typological aspect".

Materials and Methods. The study of Karelian syntax was carried out in terms of comparison with the grammatical structure of the Finnish language, which is closely related to Karelian, and the Russian language. The materials for the research were Karelian dictionaries (dialect and new-written) and samples of dialect Karelian speech, which allow to identify the composition and semantics of discursive words, to determine their origin in dialects and dialects of the Karelian language. General scientific and specifically linguistic (comparative-typological, lexicographic, etymological, comparative-historical) methods were applied.

Results and Discussion. The most important result of the conducted research is a comprehensive analysis of discursive words in the dialects of the Karelian language with the use of data from related (Finnish, Veps) and unrelated (Russian) languages.

Conclusion. The results of the study contribute to the study of pragmatics, evolution, semantics and etymology of discursive words of the Karelian language, and help to clarify the issue of connector categories in closely related and unrelated languages of the world.

Keywords: Karelian language, Russian language, syntax, discursive words, Finno-Ugric studies, dialects, comparative-typological analysis, semantics

Funding: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation. № 23-28-000992, <https://rscf.ru/project/23-28-00092/>.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Patroeva N.V., Pashkova T.V. Discursive Words in the Karelian Language: Towards the Formulation of the Question. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):156–164. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.156-164>

REFERENCES

1. Bubrikh D.V. [Grammar of the Karelian Language (Phonetics, Morphology)]. Petrozavodsk; 1937. (In Russ.)
2. Bubrikh D.V. [Comparative Grammar of the Russian, Finnish and Karelian Languages]. In: [Proceedings of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 12. Baltic-Finnish Linguistics]. 1958. p. 3–24. (In Russ.)
3. Mullonen M.I. [On the Influence of the Syntactic Structure of the Russian Language on the Vepsian Language]. In: *Pribaltiisko-Finskoe Yazykoznanie*. Leningrad; 1967. p. 39–43. (In Russ.)
4. Maitinskaya K.E. [The Pronouns in the Mordovian and Mari Languages]. Moscow; 1964. (In Russ.)
5. Zaikov P.M. [Grammar of the Karelian Language]. Petrozavodsk; 1999. (In Russ.)
6. Zaikov P. Karjalan kielen kielioppie (muotooppie). Petroskoi; 1993. 87 s. (In Finn.)
7. Zaikov P. Karjalan kielioppi. Petroskoi; 2002. 207 s. (In Finn.)

8. Riagoev V.D. [Tikhvin Dialect of the Karelian Language]. Leningrad; 1977. (In Russ.)
9. Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn; 1962. p. 226. (In Finn.)
10. Novak I.P. [Grammar of the Tver Karelian Language]. Petrozavodsk; 2020. (In Russ.)
11. Novak I.P. [Tver Dialects of the Karelian Language: Phonetics. Phonology]. Petrozavodsk; 2016. (In Russ.)
12. Rodionova A.P. [Semantics of Karelian Grammar]. Petrozavodsk; 2015. (In Russ.)
13. Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. Karelian in Grammars: A Study of Phonetic and Morphological Variation. Petrozavodsk; 2022. p. 452.
14. Fedotova V.P. [An Outline of the Syntax of the Karelian Language]. Petrozavodsk; 1990. (In Russ.)
15. Patroeva N.V., Pashkova T.V. To the Question of Connectors of a Complex Sentence (On the Example of Livvikiän Dialect of the Karelian Language). *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(3):517–525. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-517-525>
16. Patroeva N.V., Pashkova T.V. Particle System in the Dialects of Livvikiän Dialect of the Karelian Language: Problems of Description and Interpretation. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(4):680–688. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-680-688>
17. Buslaev F.I. [Historical Grammar]. Moscow; 1959. Available at: <https://djvu.online/file/yYvIv24CHvMM?ysclid=lzbuy63fn4807154313> (accessed 03.03.2024). (In Russ.)
18. Vostokov A.Kh. [Russian Grammar]. Saint-Petersbourg; 1831. (In Russ.)
19. Lomonosov M.V. [Russian Grammar. Complete Works]. In: [Works on Philology]. Vol. 7. Moscow; Leningrad; 1952. (In Russ.)
20. Barsov A.A. [Russian Grammar]. Moscow; 1981. (In Russ.)
21. Vinogradov V.V. [Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. Moscow; 1986. Available at: <https://djvu.online/file/6icQyDYdBkA50?ysclid=lzbv0ewzh7556354566> (accessed 03.03.2024). (In Russ.)
22. Dobiash A.V. [Experience of Simasiology of Parts of Speech and Their Forms on the Basis of the Greek Language]. Praga; 1897. (In Russ.)
23. Sepir E. [Language]. In: [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow; 1993. p. 101–116. (In Russ.)
24. Elizarenkova T.Ya. [Grammar of the Vedic Language]. Moscow; 1982. (In Russ.)
25. Krasukhin K.G. [Wackernagel's Law and the Structure of the Indo-European Sentence]. In: [Essays on the Reconstruction of Indo-European Syntax]. Moscow; 2005. 239 p. (In Russ.)
26. Carruba O. Die satzeinleitende Partikeln in der indogermanischen Sprachen Anatoliens. Roma; 1969. 123 s. (In Germ.)
27. Peshkovsky A.M. [Russian Syntax in the Light of Research]. Moscow; 1956. (In Russ.)
28. Peterson M.N. [About the Parts of Speech in the Russian Language]. In: [Questions of Grammatical Structure]. Moscow; 1955. p. 175–187. (In Russ.)
29. Shakhmatov A.A. [Syntax of the Russian Language]. Moscow; 2014. (In Russ.)
30. Nikolaeva T.M. [Functions of Particles in an Utterance: On the Material of Slavic Languages]. Moscow; 2012.
31. Patroeva N.V., Pashkova T.V. Semantics and Etymology of Particles in the Tver Dialect of the Karelian Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(2):256–266. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-2-256-265>
32. Savchenko A.N. [Comparative Grammar of Indo-European Languages]. Moscow; 2010. (In Russ.)
33. Sunik O.P. [General Theory of Parts of Speech]. Moscow; Leningrad; 1966. (In Russ.)
34. Fortunatov F.F. [Comparative Linguistics. General Course]. In: [Selected Works]. Vol. 1. Moscow; 1956. p. 23–197. (In Russ.)
35. Ahtia E. Karjalan kielioppi III. Johto–oppi. Suojärvi; 2014:113. (In Finn.)
36. Kiparsky V. Onko venäjän kielessä suomalais–ugrialaista substraattia? Suomalainen Tiedeakatemia. Esitelmät ja Pöytäkirjat. Helsinki; 1969. s. 137–151. (In Finn.)

Submitted 15.11.2023; revised 10.08.2024; accepted 18.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

N. V. Patroeva – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (68 Oktyabrsky Avenue, Petrozavodsk 185028, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>, nvpatr@list.ru

T. V. Pashkova – Dr.Sci. (Hist.), Head of the Baltic-Finnish Philology Department, Petrozavodsk State University (16 Pitkyarantskaya St., Petrozavodsk 186000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>, tvpashkova05@mail.ru

Имена собственные в поэзии Марины Слугиной

Светлана Васильевна Шеянова

*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В финно-угроведении практически отсутствуют работы, посвященные литературной ономастике, недостаточно изучены семантические функции имени собственного в структуре художественного текста. Цель статьи – выделить типы онимов в произведениях М. Слугиной, определить их функционально-семантические особенности.

Материалы и методы. Материалом исследования явились произведения М. Слугиной из поэтического сборника «Тюст» («Оттенки»). В работе использованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению литературного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение. Определены типы онимов в поэтических текстах М. Слугиной, очерчены ядро и периферия ономастического пространства ее произведений, проведен семантический анализ ономастической лексики. Отмечается, что ядро ономастического пространства поэзии М. Слугиной составляют антропонимы, топонимы (ойконимы, хоронимы, гидронимы), периферию – мифонимы, зоонимы, урбанонимы, дридонимы, теонимы, космонимы, гемеронимы, хрононимы, геортонимы, религиозно-культурные топонимы. В произведениях автора они выполняют текстообразующую, стилистическую (информационно-стилистическую, эмоционально-стилистическую), оценочную, эстетическую, символическую, концептуальную функции.

Заключение. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшей разработки проблем поэтической ономастики в финно-угорском языкознании.

Ключевые слова: литературная ономастика, имена собственные, оним, семантика имени, функция онима, М. Слугина, современная мордовская поэзия

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шеянова С. В. Имена собственные в поэзии Марины Слугиной // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 165–177. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.165-177>

Введение

Ономастика как раздел лингвистики включает в себя исторические, географические, этнографические, культурологические, социологические, литературоведческие компоненты, что делает ее междисциплинарной наукой, перемежающейся также со знаниями о Земле, Вселенной. Особое развитие в настоящее время получает освещение функциональности имен собственных в художественном тексте, поскольку они являются стилистической категорией, конструкторами пространственно-временных отношений,

несут ярко выраженную эмоционально-экспрессивную нагрузку, способствуют формированию ассоциативно-символического фона. По утверждению исследователей, «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, одним из средств, создающих художественный образ. Онимы могут нести на себе смысловую нагрузку, иметь звуковой облик, обладать ассоциативным фоном. Удачно выбранное имя становится дополнительным средством характеристики

персонажа, усиливает эмоциональное впечатление от всего произведения. Каждое собственное имя получает в тексте определенную эстетическую нагрузку, цель которой – представить фигуру героя более наглядно. Большую роль играют имена собственные, с помощью которых автору удается не только подчеркнуть характерную черту героя, но и придать особый колорит изображаемой реальности» [1, с. 182–183].

Ономастические элементы в поэзии, безусловно, подчиняются общим законам эстетики, при этом исследователи говорят о характерной для поэзии «обобщенно-символической номинации». Поэтическое творчество представляет абсолютную свободу употребления и способов преобразования имен собственных посредством ассоциативных сближений, сопоставлений, что приводит к смысловой многозначности художественного контекста. Одной из ярких функциональных особенностей ономастической лексики в поэзии является метафоризация текста, использование прецедентных имен, которые являются культурными знаками, формируют широкое ассоциативное поле. В стихотворном тексте, помимо семантической емкости имени собственного, большое внимание уделяется также его звуковой организации.

Изучение ономастикона произведений отдельного писателя способствует раскрытию его индивидуально-творческой концепции, поскольку литературные имена отражают знания художника о мире, природе человека, исторических, географических, астрономических и других реалиях, позволяют воссоздать его мирореальность. С другой стороны, авторское мировидение, жанровая и тематическая специфика произведения обуславливают конструирование ономастического пространства, в котором онимы получают различную эстетическую нагрузку – становятся основой концептосферы произведения, его ключевой идеей, «духовным центром»,

способствуют отражению географических реалий, особенностей национальной действительности, менталитета.

В произведениях разных авторов наблюдается определенная концентрированность онимов. Объем их использования обусловлен авторскими стилистическими приоритетами, жанром и темой произведения, его структурно-содержательными особенностями. Масштабность, активность и функциональность ономастической лексики наблюдается в структуре поэтических текстов эрзянского поэта М. Слугиной. Стилистически-эмоциональный модус ее произведений достигается разными видами онимов – доминирующих и периферийных, а также микропонимами, реализующими национально-географический компонент, семантическая многогранность которых вызывает необходимость их скрупулезного изучения, что не только позволит раскрыть индивидуально-авторскую концепцию мира, но и расширит представления о мордовском литературном дискурсе начала XXI столетия, актуализирует проблемы поэтической ономастики в национальном языкознании.

Обзор литературы

В отечественной науке литературная ономастика как самостоятельная дисциплина формируется в середине XX столетия. Вопросы поэтической ономастики в разных аспектах рассмотрены в работах Н. В. Васильевой [2], В. М. Калининна [3], Ю. А. Карпенко [4], Г. Ф. Ковалева [5], Т. Н. Кондратьевой [6], В. Н. Михайлова [7], В. А. Никонова [8], О. И. Фояковой [9] и других ученых. Изучению функций и семантики имени собственного в литературном произведении посвящены диссертационные работы современных исследователей¹, которые признают его эмоциональные возможности и конструктивную роль в раскрытии

¹ Бунеева Е. В. Ономастическое пространство поэм С. А. Есенина : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 163 с.; Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 213 с.; Иванова О. В. Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009. 287 с.; Курс К. Ю. Имена собственные в поэзии М. В. Исаковского: структурно-семантический и функциональный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2013. 217 с.; Никитина Н. В. Ономастическое пространство поэзии А. Т. Твардовского : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 226 с.; Сивцова А. А. Имена собственные в лирике Н. И. Рыленкова : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. 230 с.; Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. Волгоград, 2000. 78 с.

индивидуально-творческой концепции автора, отражении фрагментов частного ономастического пространства в общей картине мира, текстопостроении, моделировании его стилистической и эмоциональной содержательности. По утверждению исследователей, «являясь микроэлементами текстового пространства, имена собственные организуют целостное отражение действительности, свойственное определенному времени в творчестве конкретного автора»².

Актуальность предпринятого нами исследования состоит не только в том, что ономастическое пространство поэзии М. Слугиной до настоящего времени не являлось предметом специального исследования, но и в том, что в финно-угроведении крайне мало работ по поэтической ономастике. Изучению функциональной семантики онимов в художественном дискурсе посвящено небольшое количество статей [10–14]. Мордовская женская поэзия последних десятилетий до настоящего времени не становилась объектом исследования в аспекте литературной ономастики.

Материалы и методы

Материалом исследования явились наиболее репрезентативные в аспекте заявленной проблемы произведения М. Слугиной из поэтического сборника «Тюст» («Оттенки»). Книгу составили тексты разных жанров – лирические и сатирические стихотворения, послания, басни, сказки, что свидетельствует о широте и оригинальности авторского мировидения, комическом, порой критическом восприятии реалий современной действительности. Научная оценка произведений автора основывается на том, что онимистическая лексика у поэта – это эстетический способ отражения индивидуально-творческой концепции, обуславливающей идейно-тематический, мотивно-образный кластеры текста, средство воссоздания основанной на общечеловеческом и национальном опыте картины мира. В 55 произведениях сборника мы обнаружили онимы разных категорий, они представлены в заглавиях 20 стихотворений.

Методологической основой при подготовке статьи стали теоретические положения литературной ономастики, в ней используется традиционная ономастическая терминология. В работе использованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению художественного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе эстетического освоения действительности каждый поэт выбирает такие художественные приемы, средства, технологии, которые позволяют ему эмоционально, экспрессивно раскрыть творческий замысел, воссоздать индивидуальную мирореальность, передать уникальность авторского мироощущения. В поэтическом мире М. Слугиной функционально значимой структурно-семантической единицей становится ономастическая лексика. Ядро ономастического пространства ее текстов составляют антропонимы (имена, фамилии, прозвища), топонимы (ойконимы, хоронимы, гидронимы), определенную структурообразующую, эмоционально-стилистическую, информационную нагрузку получают периферийные мифонимы, зоонимы, урбанонимы, дридонимы, теонимы, гемеронимы, хрононимы, геортонимы, космонимы, религиозно-культурные топонимы. Посредством микротопонимов (*Солалейка, Боризвеле, Кобай веле, Кенде, Улоне, Верене, Вирьалкс, Солаведь, Жилинень вирь и др.*) и микрогидронима (*Явлейка*), известных лишь на региональном уровне, создается образ малой родины, раскрывается эмоциональное, трепетное авторское отношение к родному краю.

Выдающийся православный мыслитель П. А. Флоренский не только указывает на необходимость использования имени в структуре художественного текста, но и считает его первичным по отношению к самому образу, который интерпретируется

² Иванова О. В. Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009. С. 164.

«промежуточным» звеном «самораскрытия имени» – «именем в развернутом виде». В философской концепции ученого имя как «тончайшая плоть» в литературном творчестве воспринимается «категорией познания личности»: «... Только имя предельно прилегает к сущности в качестве ее первообнаружения или первооявления, и потому оно преимущественно именуется сущность в полноте ее энергий» [15, с. 16].

Современные исследователи говорят о важности и «принципиальной неслучайности» имени в художественном произведении: «Имя обеспечивает восприятие персонажа как единой личности, концентрирует в себе всю информацию, которая сообщается о персонаже и формирует его образ, актуализируя свой семантический потенциал»³. Оно становится не только характеризующей, но и аксиологической категорией – отражает в себе нравственно-этические основы, ценностные приоритеты автора и общества в целом. Такие функции антропонимов наблюдаются в произведениях М. Слугиной, в которых мы обнаружили разные модели имянаречения: краткая форма имени (*Матя, Клава*), парные имена (*Настат-Колят, Петят-Полят, Пашат-Дашат*), имя + фамилия (*Миша Боров*), уменьшительно-ласкательная форма имени (*Ванятка*), краткая форма имени + отчество (*Марь Сергеевна*), имена исторических личностей (*Тюштя, Пургаз*), мифологических персонажей (*Инешкипаз, Масторава*), фамилии известных людей (*Пушкин, Путин, Ленин, Роналдо, Джоли, Питт, Кадышева, Панишева, Князькова*), творческие псевдонимы (*Бакич Видяй, Мельседей, Август-Эллат*), уличные фамилии (*Кандрать Варка, Прокань Ким*), прозвища (*Тумо Петя*), имена мультипликационных героев (*Фиксик, Лунтик, Автобот, Томас, Маша и Медведь*).

В стихотворении «Паро мирде» («Хороший муж») для номинации героини используется краткая форма имени Матрена – *Матя*. Очевидно, автор осознанно выбирает такую модель имянаречения. Отказ от «монументальной формы имени» (П. А. Флоренский) следует

интерпретировать как символ измельчания в личности, а посредством нее – в обществе в целом нравственных основ. Антропоним *Матя* наделяется эмоционально-оценочной функцией, получает негативно-ироничную коннотацию – автор неодобрительно относится к хвастливой «домохозяйке», проводящей время за обсуждением семей своих соседей. Женщина знает, кто из них «собакой ругается» («*кискакс севноть*»), «ежедневно дерется» («*чинь-чоп тюрить*»), «пьет» («*сими*»), «с ума сходит» («*сырни*»), «ходит налево» («*кершев яки*»)⁴, однако не способна реалистично оценить свое положение «любимой жены», муж которой приезжает из Москвы два раза в год. Посредством образа *Мати* автор актуализирует не только семейно-бытовые вопросы, но и проблемы онтологического содержания о самореализации личности, предназначенности женщины быть матерью, деформации в современном социуме общечеловеческих ценностей, традиционных моральных принципов.

В стихотворении «Чиявтызе» («Выдала замуж») двучленная модель именовании героини – краткая форма имени + отчество (*Марь Сергеевна*) – несет уничижительную эмоционально-семантическую нагрузку. Имя становится приемом сатирического осмеяния персонажа. Негативные эмоции вызывает банковская служащая *Марь Сергеевна*, которая безответственно относится к судьбам окружающих, берет на себя право устроить личную жизнь скромной уборщицы Клавы, используя для этого самый доступный путь – поиск мужчины на сайте знакомств. Изменение фотографии Клавы в «Фотошопе», ее представление «директором банка» не приводят к ожидаемому результату. Финальное фиаско истории позволяет автору имплицировать глубокую мысль о сложности человеческих взаимоотношений.

Образы древних эрзянских князей *Тюшти* и *Пургаза* реанимированы в стихотворении «Шкань сьумавкст» («Связи времен»), в котором антропонимы кроме структурирующей архитектонику текста функции получают информационно-познавательную

³ Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. С. 108.

⁴ Слугина М. Тюст (Оттенки). Саранск, 2021. С. 100. Перевод здесь и далее подстрочный. Наш. – С. Ш.

нагрузку – раскрывают исторический контекст от мифологических картин создания земли Великой Птицей (Иненармунь) до «кровопролитных сражений» во времена *Тюшты*, защиты родной земли от ханских набегов князем *Пургазом*. Актуализация поэтом имен этих личностей обусловлена их знаковостью в исторической судьбе эрзянского народа. Особое авторское уважение и почитание передается лексемой «леля» («дядя», «старший брат») – *Пургаз леля*. Использование онима в данном произведении концентрирует интенции автора относительно истории народа, памяти о великих людях и эпохах.

Большой сегмент антропонимического сектора онимической системы языка составляют уличные фамилии, которые, по утверждению исследователей, «содержат индивидуальную или групповую оценку особенностей личности, несут информацию о культурно-национальной идентичности жителей и культурных переменах, происходящих в деревне» [16, с. 210]. Последняя функция четко прослеживается в стихотворении М. Слугиной «Емазь кудолемть» («Исчезнувшие уличные фамилии»). Поэт перечисляет множество уличных фамилий: *Малянь Катя, Андрань, Полякаень, Шаргаень, Хомань, Егань, Палагань, Пятуки Санянь, Зотань, Ленькенъ, Тюмань, Самкаень, Серьгань, Кирянь, Гуреень, Каймак Нинань, Федяень, Егай Таянь*. В основе большинства фамилий – имя конкретного родоначальника (*Полякаень, Егань, Палагань, Серьгань, Федяень*), базой для других послужили прозвища, указывающие на физические особенности или черты характера носителей (*Шаргаень, Деляень, Каймак Нинань, Малянь Катянь, Пятуки Санянь*). В тексте они используются для раскрытия масштабов национально-общественной ситуации, манифестируемой в первой строфе в назывной форме «Каштмолема. Сэтьмечи. Чаво кудот. Съкамочи»⁵ («Молчание. Тишина. Пустые дома. Одиночество»). Ретроспективные картины минувших десятилетий (жизнь кипит в селе, в семьях по десять детей, они гурьбой идут в школу) усугубляют

контраст с настоящим («*эрямонть прок сась пе*» / «жизни словно конец пришел»). Драматизм ситуации побуждает автора использовать элементы молитвы, что усиливает критический пафос текста, передает экзистенциальную сущность бытия: «*Вай, авакай, велинем, / Чаво кудонь ванстынем! / ...Вай, кудынетъ-тиринеть, / Эйстэнк якшамо чить-веть*»⁶ («Ой, маменька, село мое, / Хранительница опустевших домов! / ...Ой, домики-родненькие, / От вас холод днем и ночью»). Фольклорная стилизация молитвы, эсхатологические мотивы свидетельствуют о приверженности автора народно-поэтической традиции, рецепции им элементов мифологической картины мира.

Поэтические топонимы – это «важный, незаменимый компонент стиля произведения. Помимо того, что они являются средствами номинации индивидуальных географических объектов, они обладают возможностью создания точной локальной ориентации событий, о которых идет речь в произведении, и отражения эмоционально-эстетического отношения героев произведения к этим местам, ...связаны с эмоциональной оценкой писателя, с его мировоззрением» [17, с. 263]. В поэтическом языке М. Слугиной топонимическая лексика занимает значительное место. В ее произведениях мы обнаружили большое количество ойконимов (*Москва, Лондон, Токио, Пекин, Саранск, Кобале / Кабаево, Боризвеле / Борисово, Кенде, Улопе, Верепе, Вирьалкс*), хоронимов (*Россия, Перу, Дания, Колумбия, Япония, Иран, Португалия, Панама, Тунис*), гидронимов (*Рав / Волга, Сура, Явлейка*). Микроойконимы выносятся в заглавие произведения, таким образом становятся концептуально значимой единицей, к примеру, в стихотворениях «Боризвеле» («Борисово»), «Солалейка», «Кобай велем – Пазонь эле» («Мое село Кабаево – Божий край») и др. Очевидно, что эти объекты не случайно попадают в поле зрения поэта и вызывают у него потребность словом выразить эмоции: они либо являются частью его биографии, либо оказали на него впечатление. В стихотворении

⁵ Слугина М. Тюст. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

«Борисово» село наделяется положительной коннотацией, воспринимается лирической героиней местом гармонии, умиротворения, что манифестируется метафорой «утопает в садах» («*копачазь садсо*»)⁷. Однако автор не ограничивается лишь созерцанием идиллической картины, уже со следующей строки текст начинает обрастать деталями, образами, которые придают произведению драматический подтекст. Украшением села является «белая церковь», в авторском сознании вызывающая ассоциации с «лебедем, вытянувшим в небо черный клюв» («*ашо церковьовась локсейне ладсо / Менельс венстизе раужо неренть*»⁸). Птица стремится взлететь в небо, «утонуть в бесконечности» («*певтемечинтень ваямо*»), однако «скована железным забором» («*кшининь пирявкосоь рунгонзо кершизе*»), ее врагами становятся «злой ветер» («*злыдарди вармась*»), «застлавшая дорогу крапива» («*палакс каштазсо кинзэ ацызе*»). В финальной строфе образ церкви трансформируется в образ «окутанной грехами души» («*нежетень канстнэсэ оймесь*»), которая может «обрести покой на небе» («*менеленть ежосо ойми*»). Метафора наполняет произведение глубоким онтологическим смыслом о физическом и духовном началах, греховности человеческой природы, стремлении к очищению. Заявленный в названии стихотворения ойконим способствует воссозданию хронотопа текста (в сознании реципиента возникает картина сельской местности, окруженной железным забором белой церкви в центре села), позволяет экспрессивно передать авторские интенции о вечных понятиях.

Синтез лирического и драматического прослеживается в стихотворении «Солалейка», в котором реализуется актуальная проблема вымирания деревни. Посредством пространственного хронотопа автор констатирует безрадостные реалии современности: «*Ардат-ардат – / Ве веле арась килангсо*»⁹ («Едешь-едешь – / Ни одного села по пути»), которые на мгновение сменяются сказочной картиной: маленькое

село Солалейку охраняют «горы-богатыри», в ногах у которых простираются густые леса, «стройные ивы склоняются к воде цвета неба» («*чова рунго калътне комасть / Менель тюсонь веденть малав*»¹⁰). Описание самого села переданы в драматичных тонах: многие из деревянных домов практически разрушились («*ламонь латост каладыцят*»), прикикли к земле, затерялись в зарослях деревьев, опустели, жителей в деревне осталось мало. Автор имплицитно описывает объективные факты, негативные обстоятельства разорения села, поэтому в стихотворении доминирует интенция разочарования, грусти. Ойконим *Солалейка* наделяется обобщающим смыслом, становится символическим знаком вымирания и опустошения российской деревни.

Название стихотворения «Мое село Кабаево – Божий край» имеет открытую оценочную семантику. Ойконим *Кабаево* в поэзии М. Слугиной вполне ожидаем, поскольку образ малой родины, рефлексия современных реалий бытования села, импликация боли, тоски по родному краю являются доминирующим мотивно-образным в ней кластером. Село воспринимается героиней как «земля благословенная» («*модаськак тесэ баславазь*»), богатый край («*стакат умарде пирензэ, / А лововить эмежензэ*»), родина многих известных людей («*тесэ чачозь ине ломанть*»), место силы («*вийде ойменек пештеви*»)¹¹. Однако образ родного села рождает в ее сознании и негативные эмоции, сердце сжимается оттого, что «пустеет село очень быстро» («*чами велем пек бойкасто*»). Поэт проводит мысль об экзистенциальной сути этого явления, нет возможности остановить его, поскольку урбанизация оторвала людей от своей земли, они приезжают в деревню лишь «отдохнуть от города» («*ошонть эйтэ лекстямо*»). Ойконим *Кабаево* в тексте данного стихотворения несет эстетическую, а также информационно-коммуникативную функцию: дает сведения о региональном объекте, побуждает читателя к рефлексии образа малой родины.

⁷ Слугина М. Тюст. С. 14.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Там же. С. 20.

В стихотворении «Эрзямо» («“Пре-
вращение” в эрзя») репрезентированные
в форме градации названия многочислен-
ных городов (*Лондон, Токио, Пекин, Дели,
Мехико, Москва, Рим, Канберра, Брюссель,
Анкара, Алжир, Тунис*) выполняют эстети-
ческую функцию – создают сатирическую
гиперболу, посредством которой обличается
нивелирование национального самосозна-
ния, осуждается отказ от эрзянского язы-
ка. Обрисовывается утопическая картина:
в расположенных на разных континентах
городах люди разговаривают на эрзянском
языке, они приветствуют героиню, общаются
с ней на эрзянском. Среди перечисленных
городов нет лишь Саранска, метаморфоза
происходит и с самой героиней: «Верну-
лась в Саранск – / По-русски заговорила»
(«*Саранское пачкоднй – / Рузок корта-
мо карминь*»¹²). Языковая идилия – это
сон героини, однако в этом ирреальном
фрагменте четко отражаются негативные
национально-культурные реалии современ-
ности – в Саранске практически не слышно
эрзянской речи, от языка отказываются даже
его носители. Героиню это беспокоит, она
искренне желает, чтобы эрзян настигла такая
«пандемия», переболев которой, они пре-
вратились бы в настоящих эрзян, знающих
родной язык («*Эрва эрзясь эрзяволь, /
Истямо кезов эрволь*»¹³).

В контексте изучения проблемы эстетики
языковых единиц современные исследова-
тели выявили, что гидроним *Волга* «входит
в состав наиболее часто употребляемых
в поэтическом дискурсе» [18, с. 116], по-
этому использование этой лексемы в про-
изведениях М. Слугиной вполне ожидаемо.
Следует отметить, что она обращается
к эрзянскому варианту названия реки
Рав, который тем не менее соотносится с
понятием «большая Родина», символизи-
рует Россию-матушку. Гидронимы у по-
эта передают положительные коннотации,
они связаны с воспеванием богатства,
красоты страны, одновременно вызывают

философские рассуждения о вневременном –
добре и зле, эмоциональности человеческой
природы. В стихотворении «Равжо парсеекс
вень Равось...» («Черным шелком ночной
Рав...») метафорическое описание ночной
реки трансформируется в образ «сказоч-
ной страны», где «не потухает мягкий свет
звезд», «не ощущается тяжесть пережива-
ний» («*А лепами чевте валдось! / А маряви
ризксэнь сталмось*»¹⁴). Колористическая
характеристика объекта создается посред-
ством цветообозначений: «*равжо парсей*» /
«черный шелк», «*ковонь валдо*» / «лунный
свет»¹⁵, создающих впечатление мистиче-
ского пространства.

Символизация Волги как животворящей
силы («*оймесэредькс матры*») представ-
лена в стихотворении «Рав леесь келейде
келей...» («Река Волга широка...»). При
создании зрительной характеристики реки
используется языковая объективация ее
огромных размеров, силы, мощи, уникаль-
ности, красоты, что обеспечивается за счет
использования прилагательных («*келейде
келей*», «*домка ды кувака*»), глагольных
лексем («*тарадсост ахолить*», «*налкси
ведесь*», «*толкунт палсить*», «*варминесь
седясь*», «*морось салси*»¹⁶).

Микрогидроним *Явлейка* («Кобалень
леесь» – «Река у Кабаева») наделяются
информационно-стилистической нагрузкой:
дает сведения о региональном географи-
ческом объекте, имеет ключевое значение
для передачи интенций автора – умиро-
творенного созерцания гармонии в при-
родном мире («*Кувалт венстевезь Явлейка
леесь. / Вельксээнзэ нурьги пиже килеесь, /
Лия энганзо – сэтъме селеесь. / Эрексиянь
ванькс сонзэ ведезэ. / Уи эйсэнзэ менелень
ковось*»¹⁷ («Растянулась река Явлейка. / Над
ней склонилась зеленая береза, / С другой
стороны – тихий вяз. / Как ртуть чиста ее
вода. / Плывет по ней луна»). Образное
использование гидронима в сочетании
с названием жидкого металла, ртути, об-
условлено, на наш взгляд, сходством зри-

¹² Слугина М. Тюст. С. 123.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 29.

тельных ощущений: в ночное время, при лунном свете, поверхность реки кажется серебристого цвета, приобретает своеобразный металлический блеск. Традиционное сочетание гидронимов *Волга*, *Сура* с микрогидронимом *Явлейка* получает символическую нагрузку: ассоциирующийся с речушкой образ малой родины перерастает в образ огромной, богатой реками, морями России. *Явлейка* впадает в *Суру* («*Сура патянтень кандсы ведензэ*» / «К старшей сестре *Суре* несет свои воды»), с водами которой «входит в *Волгу*» («*Равонтень совить*»), они «спокойно направляются к морю» («*састыне иневедьс сыргить*») ¹⁸.

По утверждению исследователей, мифонимы в поэтическом дискурсе являются «теми устойчивыми языковыми знаками, которые несут огромный объем историко-культурной информации и обладают богатым ассоциативным потенциалом, аккумулируя специфику мировоззрения писателя, они способствуют моделированию текстового пространства» [19, с. 136]. В произведениях М. Слугиной мы выявили несколько групп мифонимов: мифотеонимы *Масторава*, *Верепаз*, *Инешкипаз*, мифоорнитоним *Иненармунь* (Великая Птица), мифозооним *Покиш Гуй* (Большой Змей), мифоастионим *Содом*. Они наделяются как положительным, так и отрицательным коннотативным фоном. Так, мифотеоним *Масторава* в стихотворении «Тюст» («Оттенки») несет явно положительную коннотацию, наделяется оригинальной символической семантикой, способствует авторской реализации образа детства как беззаботной счастливой поры, «где нет никаких высоких преград» («*косо арасть мьнегак сэрей пирьякст*») ¹⁹. Актуализируя отрицательную эмоционально-оценочную нагрузку мифонима *Содом*, автор имплицитно свое восприятие современного «жестокое», «зловонное» города, поглощающего гармоничный мир природы. М. Слугина чаще использует заимствованные, общеизвестные мифонимы, однако создает и индивидуально-авторские. К ним относятся мифоантропоним *Наболго Кечай* (сказка «*Наболго Кечай* и Большой Змей»),

образованные от апеллятива мифоперсоны *Коцькерьган*, *Колган*, *Цюлан*, *Каштом*, *Тенсть*, *Ведь*, *Пенчть-Вакант* (сказка «Кие Цюлансо азорось?» – «Кто в Чулане хозяин?»), *Ташто Кем*, *Од Кем* (басня «Ташто ды Од Кемть» – «Старый и Новый Валенки»), *Тиринь Кель* (юмореска «Мезе машты Эрзянь Келесь?» – «Что умеет эрзянский язык?»), в структуре текстов актуализирующие проблемы сохранения национальных языков, вопросы взаимоотношений между поколениями, нравственного потенциала человека, этических норм и принципов, получающих аксиологическую нагрузку. Мифонимы *Менель Тетя* (от слова «менелень» – «небесный»), *Масторкирдий* (от словосочетания «масторонь кирдиця» – «держатый землю») образованы по модели «прилагательное + существительное» и «причастие + существительное». Оба компонента мифонимов восходят к апеллятивам, на процесс номинации образования онимов влияет ассоциативное поле лексемы «Паз». К примеру: «*Нолдык монь пежетем, Масторкирдий! / Зярс максовить монень Пазонь читне, / Седейшкава еван Теть сюкпрятнь!*» ²⁰ («Отпусти мои грехи, Земли Держатель! / Сколько отпущено мне Божьих дней, / От души говорю Тебе спасибо!»). В лирических текстах М. Слугиной часто используется прием онимизации апеллятивов. Лексико-семантическим способом образованы онимы *Вечкема* / Любовь («Ули мелем а улемс...» – «Есть желание не быть...»), «*П. Михайловнень*» («П. Михайлову»), *Кемема* / Вера («Кемема»), которые относятся к контекстуальным мифонимам, не являются порождением творческого таланта поэта, однако играют такую важную роль в идейной ткани текстов, что пишутся с заглавной буквы.

По утверждению исследователей, «процессы перехода апеллятивной лексики в ономастическую и ономастической в апеллятивную непрерывны. Одно и то же слово и сочетание слов может быть и именем собственным, и апеллятивом» [20, с. 38]. Данный процесс можно наблюдать на примере сказок М. Слугиной «Овгонь форум» («Медвежий форум»), «Кто в Чулане хозяин?»,

¹⁸ Слугина М. Тюст. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ Там же. С. 7.

басни «Старый и Новый Валенки», в которых отапельлятивные онимы становятся концептуальными, текстообразующими компонентами, отражают методику авторского имянаречения, специфику идиостиля поэта. В сказке «Медвежий форум» зоонимы *Овто* (Медведь), *Нумол* (Заяц), *Ривезь* (Лиса), *Верьгиз* (Волк) созданы посредством семантической онимизации апеллятивов. Антропоморфизированные персонажи-звери помещаются в социальный контекст, наделяются человеческими характеристиками, определенными ролями. С помощью них автор имплицитно проблематизирует действительности – нивелирование национальной культуры, формальный подход к вопросу о сохранении родных языков. Комизм ситуации заключается в том, что в лесном, на первый взгляд, демократическом обществе все подчиняется авторитарному «демократу» Медведю, живут по «написанным на медвежьем языке законам» («эрий лувтне сермадозь овтонь кельсэ»²¹). Чтобы продемонстрировать свою толерантность, он организывает «Вселенной день зверей», на котором предлагает обсудить вопрос о родных языках. Истинное положение дел в лесном обществе раскрывается посредством поведения Зайца, который из-за страха перед Волком и Лисой отказывается говорить на родном языке.

В произведениях М. Слугиной редко встречаются урбанонимы (стадион «*Мордовия Арена*», магазины «*Эльдорадо*», «*Сателлит*»), дринонимы (*Солаведь*, *Жилинэнь вирь* / лес Жилина), религиозно-культурные топонимы (*Ханаан*), теонимы (*Христос*), гермеронимы («*Эрзянь правда*»), хрононимы (*Од ие* / Новый год, *Тундо* / Весна, *Кизэ* / Лето), космонимы (*Каргонь Ки* / Млечный Путь), геортонимы (*Ине чи* / Пасха), однако в структуре текстов они становятся концептуальной единицей, средоточием идейно-образного ядра. К примеру, в стихотворении «Адя, ялгай, Солаведев» («Пойдем, подруга, в Солаведев») вынесенный в заглавие дриноним, находящийся в сильной позиции, становится концептуальной, текстообразующей, инфор-

мативно-стилистической единицей. Читатель узнает, что *Солаведь* – это местное название леса у села Кабаево. Текстовое описание леса моделируется посредством метафор, олицетворений, сравнений, эпитетов, передающих зрительные, звуковые, обонятельные, осязательные ассоциации. Звуковое пространство леса воссоздается в гиперболизированной форме: «*Кунсоллок нармунень вайгельть – / Истят а марят оркестрат, / Весе музыканть сынь айгить, / Еमितь вакссост покш маэстрат*»²² («Послушай голоса птиц – / Таких не услышишь оркестров, / Они заглушают всю музыку, / Не сравнить с большими маэстро»). Восприятие героиней леса как сакральной среды, источника жизни соотносится с мифологическими представлениями эрзян: «*Виресь – шумбрачи певтеме! / Виресь – свал лембе кудонк. / Мезе эрзятне виртеме? / Вирь! Тон ванстык эрямонок*»²³ («Лес – здоровье бесконечное! / Лес – всегда теплый наш дом. / Что эрзяне без леса? / Лес! Сохрани наши жизни!»).

В двух произведениях М. Слугиной упоминается построенный к Чемпионату Мира по футболу 2018 г. стадион «*Мордовия Арена*», причем в текстах он получает антиномичную семантику. В стихотворении «*Афиша*» урбаноним «*Мордовия Арена*», хоронимы *Перу – Дания, Колумбия – Япония, Иран – Португалия, Панама и Тунис* позволяют передать масштаб спортивного мероприятия, перечислить проведенные на стадионе футбольные матчи, передать ожидания болельщиков. В стихотворении «*Чаво вакан*» («*Пустая миска*») стадион наделяется отрицательной коннотацией, что передается лексемами с негативной семантикой: «*ожо-якстере варя*» («желто-красная дыра»), «*ажияшка вакан*» («миска с оглоблю»)». Неодобрение в отношении спортивного сооружения обусловлено неопределенностью вопроса о его обслуживании, на что может потребоваться немало материальных средств. Автор искренне переживает, чтобы эти затраты не легли на плечи жителей республики и не отразились на их финансовом благополучии.

²¹ Слугина М. Тют. С. 130.

²² Там же. С. 28.

²³ Там же. С. 28.

²⁴ Там же. С. 139.

Заключение

Высказанные в работе рассуждения приводят к заключению: в поэзии М. Слугиной они являются важным компонентом, раскрывающим индивидуально-творческую концепцию автора, его мироощущение, позволяющим репрезентировать яркий образ современности, отразить колорит национальной действительности. Как элементы поэтики текста онимические единицы полифункциональны, они выполняют текстообразующую, концептуальную, стилистическую (информационно-стилистическую, эмоционально-стилистическую), оценочную, символическую нагрузку, наделяются разнообразными коннотациями.

Ядро поэтического ономастикона М. Слугиной составляют антропонимы (имена, фамилии, прозвища), топонимы (ойконимы, хоронимы, гидронимы). К периферийным

следует отнести мифонимы, зоонимы, урбанонимы, теонимы, дринонимы, гемеронимы, хрононимы, геортонимы, космонимы, религиозно-культурные топонимы. Выбор того или иного онима обусловлен творческим замыслом произведения, эстетическими целями, содержательно-эмоциональным смыслом текста.

Ономастическая система поэзии М. Слугиной расширяет представления об особенностях творчества поэта, выбираемых им методиках моделирования поэтических образов, способах отражения общечеловеческого опыта и национальной действительности.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в изучении особенностей ассимиляции художественного дискурса и функциональной семантики омонимических единиц в творчестве других национальных писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Соколова Е. Ю. Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 182–184.
- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
- Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк : Юго-Восток, 1999. 408 с.
- Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
- Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж : Научная книга, 2014. 447 с.
- Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени : Опыт словаря. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. 110 с.
- Михайлов В. Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965. 54 с.
- Никонов В. А. Имя и общество. М. : Наука, 1974. 278 с.
- Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990. 104 с.
- Дядюн С. Д. Антропонимия хантыйских сказок // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 33–38. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/dyadyun_s.d.pdf (дата обращения: 02.03.2024).
- Ларкович Д. В. Поэтическая география Ю. Н. Шесталова // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (11). С. 41–49. <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2022.14.36.008>
- Лисовская Г. К., Цыпанов Е. А. Функции топонимов в художественных произведениях К. Ф. Жакова // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 147–156. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.147-156>
- Цыпанов Е. А. Коми лексические архаизмы в сказке И. А. Куратова «Микул» // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 441–449. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.04.441-449>
- Шеянова С. В., Юсупов А. Ф. Антропонимическое пространство современного мордовского романа // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122>
- Флоренский П. Имена. М. : Эксмо, 2007. 400 с.
- Тюрина Г. Н. Онимы и апеллятивы как производящая база для нижегородских уличных фамилий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 210–214.
- Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. Поэтическая ономастика татарской поэзии первой половины XX века // Филологические науки.

- Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 261–264. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.55>
18. Хайрутдинова Г. А., Лутфуллина Г. Ф. Особенности функционирования гидронимов *Волга* и *Нева* в произведениях русской поэзии // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 115–120.
19. Селеменова О. А. Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина // Научный диалог. 2021. № 6. С. 136–150. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-136-150>
20. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская [и др.]. М. : ЛИБРОКОМ, 2019. 256 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 16.08.2024; принята к публикации 24.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. В. Шеянова – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Proper Names in the Poetry of Marina Slugina

Svetlana V. Sheyanova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. In Finno-Ugric studies, there is a noticeable lack of research on literary onomastics, and the semantic functions of proper names within the structure of literary texts are insufficiently explored. The purpose of this article is to identify the types of onyms in the works of M. Slugina and to determine their functional and semantic features.

Materials and Methods. The study material consisted of works by M. Slugina from the poetry collection "Tyust" ("Shades"). The research employed traditional linguistic methods: descriptive, functional-semantic, comparative-historical, as well as modern approaches to the study of literary texts – interpretative and gender-based.

Results and Discussion. The types of onyms in M. Slugina's poetic texts have been identified, the core and periphery of the onomastic space in her works have been outlined, and a semantic analysis of onomastic vocabulary has been conducted. It is noted that the core of the onomastic space in M. Slugina's poetry consists of anthroponyms and toponyms (including oikonoms, choronyms, and hydronyms), while the periphery includes mythonyms, zoononyms, urbanonyms, dryonyms, theonyms, cosmonyms, hemeronyms, chrononyms, geortonyms, and religious-cultural toponyms. In the author's works, these serve text-forming, stylistic (informational-stylistic, emotional-stylistic), evaluative, aesthetic, symbolic, and conceptual functions.

Conclusion. The results of this study can be useful for further research into poetic onomastics within Finno-Ugric linguistics.

Keywords: Literary onomastics, proper names, onym, semantics of the name, function of the onym, M. Slugina, modern Mordovian poetry

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098 "Mordovian women's literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality", <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Sheyanova S.V. Proper Names in the Poetry of Marina Slugina. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):165–177. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.165-177>

REFERENCES

1. Sokolova E.Y. [Functional and Stylistic Load of the Name of One's Own in the Literary Text]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2011;(33):182–184. (In Russ.)
2. Vasilyeva N.V. [Proper Name in the World of Text]. Moscow; 2009. (In Russ.)
3. Kalinkin V.M. [Poetics of Onym]. Donetsk; 1999. (In Russ.)
4. Karpenko Y.A. [Proper Name in Fiction]. *Philological Sciences*. 1986;(4):34–40. (In Russ.)
5. Kovalev G.F. [Favorites. Literary Onomastics]. Voronezh; 2014. (In Russ.)
6. Kondratyeva T.N. [Metamorphoses of One's Own Name]. Kazan; 1983. (In Russ.)
7. Mikhailov V.N. [Proper Names as a Stylistic Category in Russian Literature]. Lutsk; 1965. (In Russ.)
8. Nikonov V.A. [Name and Society]. Moscow; 1974. (In Russ.)
9. Fonyakova O.I. [Proper Name in Literary Text]. Leningrad; 1990. (In Russ.)
10. Dyadyun S.D. Anthroponymy of Khanty Fairy Tales. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015;(4):33–36. Available at: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/>

- [vu/dyadyun_s.d.pdf](#) (accessed 02.03.2024). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Larkovich D.V. Poetic Geography of Yu.N. Shestalov. *Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2022;(3):41–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2022.14.36.008>
  12. Lisovskaya G.K., Tsypanov E.A. The Functions of Toponyms in the Works by K.F. Zhakov. *Finno-Ugric World*. 2023;15(2):147–156. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.02.147-156> (In Russ., abstract in Eng.)
  13. Tsypanov E.A. Komi Lexical Archaisms in Fairy Tale «Mikul» by I.A. Kuratov. *Finno-Ugric World*. 2023;15(4):441–449. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.04.441-449>
  14. Sheyanova S.V., Yusupov A.F. Anthroponymic Space of a Modern Mordovian Novel. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):113–122. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122> (In Russ., abstract in Eng.)
  15. Florensky P. [Names]. Moscow; 2007. (In Russ.)
  16. Tyurina G.N. Onyms and Appellatives as the Source Base for Nizhni Novgorod Street Family Names. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2015;(2):210–214. (In Russ., abstract in Eng.)
  17. Yusupov A.F., Yusupova N.M. Poetic Onomastics of the Tatar Poetry of the First Half of the XX Century. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(3):261–264. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.55>
  18. Hayrutdinova G.A., Loutfullina G.F. Function Features of the Hydronyms *Volga* and *Neva* (Based on Russian Poetry). *Philology and Culture*. 2017;(1):115–120. (In Russ., abstract in Eng.)
  19. Selemenova O.A. System of Mythonyms in Poetry of Ivan Bunin. *Nauchnyi Dialog*. 2021;(6):136–150. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-136-150>
  20. Superanskaya A.V., Stalman V.E., Podolskaya N.V., Sultanov A. H. [Theory and Methodology of Onomastic Research]. Moscow; 2019. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 16.08.2024; accepted 24.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. V. Sheyanova – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Охрана здоровья детского населения Карелии в первой половине 1920-х гг.

Александра Вячеславовна Чебаковская

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. Система охраны здоровья детей в начале XX в. представляла собой комплекс организационно-правовых мер с целью обеспечения общества необходимыми условиями для полноценного развития здорового ребенка, включавших не только лечение заболеваний, но и проведение профилактики. Несмотря на существовавшие проблемы в вопросах организации качественной медицинской помощи детям, в первой половине 1920-х гг. были заложены основные идеи в деле охраны здоровья детского населения, получившие развитие в последующий период. Цель исследования – реконструкция предпринятых новым государством мер по охране здоровья подрастающего поколения в первые годы советской власти (на материалах Карелии).

Материалы и методы. На основе комплекса архивных материалов и опубликованных источников продемонстрированы мероприятия, направленные на решение проблемы высокой детской смертности и заболеваемости. При подготовке статьи использованы системный, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Проанализированы факторы, сказавшиеся на положении детского населения Карелии; представлены показатели детской смертности и ее причины, уровень рождаемости и естественного прироста населения; охарактеризовано санитарно-эпидемиологическое состояние края. Рассмотрены предпринятые государством меры по устранению проблем охраны здоровья детей, в том числе действия, направленные на создание и развитие сети учреждений, оказывающих медицинскую и профилактическую помощь детям, что в то время привело к снижению детской смертности и увеличению рождаемости.

Заключение. основополагающими направлениями в работе по охране здоровья детского населения были выбраны диспансеризация, профилактика и вакцинация. Сделанные автором выводы способствуют изучению системы детского здравоохранения в начальный период советской эпохи.

Ключевые слова: охрана здоровья детей, детская смертность, рождаемость, заболеваемость, профилактика, Карелия

Финансирование: финансовое обеспечение исследования осуществлялось за счет средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чебаковская А. В. Охрана здоровья детского населения Карелии в первой половине 1920-х гг. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 178–190. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.178-190>

Введение

К началу 1920-х гг. в стране складывалась крайне неблагоприятная ситуация в отношении разных групп населения, особенно страдала самая уязвимая категория общества – дети. В условиях острой социально-экономической обстановки в России и в Карелии в частности, их положение было очень тяжелым, что подтверждалось высоким ростом детской беспризорности, преступности и смертности.

Государство и общественность выступали за расширение мер социальной поддержки нуждающихся детей, одним из направлений которых была охрана здоровья подрастающего поколения. Перед советской властью встали задачи формирования новой системы здравоохранения и качественного улучшения медицинской помощи, что было возможно воплотить только при значительных финан-

совых и интеллектуальных инвестициях [1]. Система охраны здоровья детей включала комплекс организационно-правовых мероприятий для обеспечения благоприятных условий укрепления здоровья ребенка, включая не только лечение болезней, но и профилактические меры. Несмотря на проблемы, связанные с организацией качественной медицинской помощи детям, в первой половине 1920-х гг. были заложены основные идеи по охране здоровья детей, которые впоследствии получили активное развитие.

Проблема сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения не утрачивает своей актуальности и в современных условиях. В последние годы в России приоритетами в охране здоровья детей являются проблемы здоровья подростков, детская инвалидность, профилактическая и лечебная помощь. В связи с этим научный и практический интерес представляет изучение и обобщение исторического опыта, накопленного в системе детского здравоохранения на начальном этапе создания советского государства.

Обзор литературы

Тема охраны здоровья детей традиционно привлекала внимание специалистов разных направлений: врачей, демографов, историков, социологов, политиков, являясь междисциплинарным полем для изучения. Как отмечает исследователь П. П. Щербинин, «темы здоровья, воспитания и социализации в раннем детском возрасте являются, с одной стороны, конкретно-историческими вопросами, но с другой стороны – отражают социокультурные, этносоциальные и конфессиональные, политико-правовые направления развития социума и отдельных его членов, социальных групп и сообществ» [2, с. 187]. Интерес к этой теме проявился уже в 1920-е гг., когда врачи включались не только в теоретическую, но и в практическую деятельность по сниже-

нию заболеваемости и смертности детей¹. Взросшие показатели этих явлений требовали проведения скорейших мероприятий по улучшению положения нуждающихся. Внимание отечественных и зарубежных исследователей к рассматриваемой теме не уменьшается и сегодня. Проблемы, которые оказываются в центре внимания ученых, охватывают широкий спектр: от демографических процессов и связанных с ними таких показателей, как рождаемость, детская и младенческая смертность, беспризорность, до системы охраны материнства и младенчества [3–5]. В региональной историографии отдельные аспекты истории здравоохранения в Карелии представлены в трудах А. И. Афанасьевой, И. И. Колесьянкиной, С. М. Левина, С. Н. Филимончик и др. [1; 6–8]. Исследователи не выносят тему охраны здоровья детей в отдельное поле изучения, а только в некоторой степени затрагивают ее в своих работах. Таким образом, лагуну в исследуемом поле представляет область детской медицины и охраны здоровья ребенка в первые годы советской власти.

Ряд исследователей изучали дореволюционные практики оказания помощи и поддержки в сохранении здоровья матери и ребенка. О. П. Илюха и Ю. В. Литвин рассмотрели характерные для карельской народной культуры представления о способах оздоровления населения, а также охарактеризовали процесс проникновения в деревню профессиональной медицинской помощи [9]. В их статье уделяется внимание проблеме сосуществования официальной медицины и народных традиций врачевания в условиях расширяющегося медицинского обслуживания крестьян, организованного земством. Исследовательница Т. В. Пашкова прослеживает сосуществование государственного здравоохранения и народных способов лечения в карельских деревнях в 1860–1910 гг. [10]. Анализ этих работ позволяет, опираясь на опыт предшествовав-

¹ Программа и тезисы // VI Всерос. съезд по охране здоровья детей и подростков 16–22 ноября 1925 г. М.: Жизнь и знание, 1925. 141 с.; Труды III Всесоюзного съезда по охране материнства и младенчества. 1–7 декабря 1925 г. М., 1926. 199 с.; Здоровые дети – светоч будущего. М., Пг.: Гос. изд-во, 1923. 102 с.; Кашенко В. П., Мурашев Г. В. Исключительные дети. Дети нервные, трудные и слабоодаренные. Их изучение и воспитание. М., 1926. 128 с.; Ксенофонтов И. К. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. М.: Взаимопомощь, 1925. 62 с.; Радин Е. П. Охрана здоровья детей и подростков и социальная евгеника. Орел, 1923. 58 с.; Радин Е. П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. Вятка, 1921. 16 с.

шего периода, изучить состояние медицины в первые послереволюционные годы.

В данной статье осуществлена попытка реконструкции предпринятых новым государством мер по охране здоровья подрастающего поколения в первые годы советской власти (на материалах Карелии).

Материалы и методы

На основе архивных материалов и опубликованных источников рассмотрен начальный этап развития системы охраны здоровья в Карелии с учетом региональной социальной политики и подходов к обеспечению заботы о детях. На примере данной группы населения прослеживаются общественные сдвиги в построении социальной политики в области охраны здоровья. Исследование проводилось с использованием междисциплинарного подхода, охватывающего исторические, педагогические, медицинские, социальные, политические и психологические аспекты. При подготовке статьи использованы системный, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

В дореволюционный период земская медицина Олонецкой губернии имела значительные успехи за счет установления врачебных участков и фельдшерско-акушерских пунктов, проведения земством успешной санитарно-профилактической работы: было снижено количество смертей, ликвидированы крупные эпидемии [11]. Государственная система советского здравоохранения формировалась с опорой на дореволюционный опыт и основывалась на принципах, разработанных земскими врачами. Охрана материнства и младенчества вовсе не велась, а охрана детства была представлена только зачатками школьно-санитарного надзора². Создание сети акушерских и фельдшерских пунктов поспособствовало обеспечению

специализированной медицинской помощи для женщин и детей, а также распространению медицинских знаний в сельской местности. Массовая медпомощь детям выражалась, прежде всего, в оспопрививании [12]. Социально-экономическая обстановка региона в начале 1920-х гг. отбросила многие достижения в сфере медицины дореволюционного периода в прошлое и заставила искать новые направления развития системы здравоохранения в экстремальных условиях жизни людей.

В послевоенное время численность детей составляла более трети всего населения страны, что было связано с изменением возрастной структуры общества в ходе войн и миграционных процессов. Для Карелии подобная особенность также была характерна: дети составляли около половины жителей региона. По данным статистического обзора, в 1920 г. численность детей и подростков до 19 лет³ в Карелии составляла от 43 до 53 % жителей в зависимости от пола и характера местности⁴. В 1922 г. дети составляли около 45,7 % от общей численности населения края⁵. В обществе, которое пережило военные потрясения и находилось на грани демографического перехода, наблюдалось значительное преобладание детей и подростков над взрослым населением. По мнению правоведа П. И. Люблинского, именно Первая мировая и Гражданская войны породили «миллионы сирот, обездолили миллионы семей», «подорвали здоровье детского населения длительными лишениями»⁶.

Как отмечают исследователи, после Гражданской войны два фактора поставили Советскую Россию на грань демографической катастрофы: огромные людские потери на фронтах и снижение в городах ее европейской части естественного прироста гражданского населения вследствие падения рождаемости и роста смертности (особенно младенческой и детской) [4]. Общий коэффициент рождаемости по стране в 1920 г.

² Ярошевич В. Т. Способы разработки плана нормальной сети медико-профилактических участков в условиях Карелии: с прил. схемы сети. Петрозаводск, 1926. С. 3.

³ Статистический обзор 1923–1924 гг. / Предисл.: управляющий Стат. упр. АКССР Б. Потапов. Петрозаводск, 1925. С. 26.

⁴ Верхний порог определен возрастом 19 лет, потому что данные возрастные рамки представлены в переписи.

⁵ Статистический ежегодник Карелии. 1922. Вып. II. Ч. 1. Петрозаводск, 1923. С. 7–8.

⁶ Люблинский П. И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. 1927. № 8. С. 28.

в среднем колебался в пределах 23–35 % [4]. В ряде городов страны смертность превышала рождаемость.

Анализировать данные о рождаемости и смертности детей в Карелии затруднительно из-за отсутствия полноценной и достоверной статистики с мест. В первой половине 1920-х гг. уровень младенческой и детской смертности в Карелии оставался достаточно высоким, поскольку «третья часть родившихся детей умирала на первом году жизни» [13, с. 5]. Самыми распространенными причинами смерти в 1921 г. в Карелии являлись «врожденная слабость и прочие болезни новорожденных», «болезни органов пищеварения», дизентерия, воспаление и туберкулез легких⁷. Наибольшее число детей погибало от желудочно-кишечных инфекций.

После 1921 г. случаи смерти из-за дизентерии в Карелии стали уменьшаться, а из-за сыпного и возвратного тифа, наоборот, увеличиваться⁸. Несмотря на прогресс в области педиатрии в 1920-х гг., в Карелии сохранялся высокий уровень детской смертности, вызванный различными заболеваниями. Данные И. П. Покровской показывают, что в этот период детская смертность в Карелии колебалась от 18 до 29 % [14]. Некоторые исследователи отмечали, что изменения в уровне детской смертности в то время происходили главным образом вследствие преобразования всего уклада жизни, а не благодаря конкретным мерам.

Одной из характерных особенностей восстановительного периода являлось улучшение режима воспроизводства населения: в 1921–1926 гг. коэффициент рождаемости в Карелии составлял 40–48 % против 24,9 % в 1917 г. [14]. С ростом рождаемости и усилением притока рабочей силы извне значительно улучшилась возрастная структура населения, произошло заметное его омоложение [14]. Сравнение данных переписей 1920 и 1926 гг. свидетельствует об увеличении доли детей в возрасте до 5 лет с 12,3 до 14,5 %. В указанный период

основные направления демографической политики на государственном уровне включали в себя меры по охране материнства и детства, а также борьбу со сверхсмертностью населения, вызванную эпидемиями и инфекционными заболеваниями [15].

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в регионе, как и в целом по стране, была критической из-за массовых заболеваний, увеличения числа эпидемий, недостатка медицинского персонала, лекарств и других проблем, способствующих ухудшению положения детей [15]. Отсутствие планомерных профилактических и противоэпидемических мероприятий способствовало широкому распространению инфекционных и социальных болезней среди населения [13]. В начале 1920-х гг. жизнь местного населения, в том числе и детского, сопровождалась эпидемиями брюшного и сыпного тифа, кори, скарлатины, дифтерии, дизентерии, распространением холеры и туберкулеза. Суровость климата края заставляла население большую часть времени находиться в жилищах, что вредно сказывалось на их здоровье⁹.

Доклады руководителей местных детских учреждений свидетельствовали о «катастрофическом» положении дел в вопросах санитарно-эпидемического состояния¹⁰. На этом фоне ухудшились все показатели здоровья детей: увеличилась общая заболеваемость, многие от постоянного недоедания отставали в физическом развитии [3].

После установления советской власти были приняты решения по борьбе с эпидемиями, включая Постановление «Об обязательном оспопрививании на территории Карельской Трудовой Коммуны» [7]. Вакцинация, начавшая массово применяться только во второй половине 1920-х гг., способствовала снижению распространения заболеваний.

Постепенно уровень эпидемий снижался, некоторые болезни стали встречаться реже (заболевание дизентерией сократилось в три

⁷ Статистический обзор 1925 и 1926 гг. Петрозаводск : Стат. упр-ние АКССР, тип. им. П. Ф. Анохина, 1927. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Государственный и местный бюджет Автономной Карельской Социалистической Советской Республики за 1924–1925 г. Петрозаводск, 1925. С.76.

¹⁰ Отчет Областных учреждений Карельской трудовой коммуны СНК и СТО на 1 октября 1921 года. Петрозаводск, 1922. С. 109.

раза, корь и коклюш практически исчезли, заболевание малярией резко снизилось»¹¹. Другие эпидемии (брюшного тифа, дифтерита, скарлатины и натуральной оспы) оставались на прежнем уровне. «Каждый день все новые и новые жертвы из среды детей попадают на койки заразного отделения»¹², – фиксировалось на страницах местной газеты «Красная Карелия», и содержался призыв делать здоровым детям противоскарлатинозную прививку.

В 1924–1925 гг. заметно улучшилось эпидемическое состояние края, в связи с чем сокращалось количество «заразных» коек и персонала¹³. Так, по уездам уменьшилось количество эпидемических врачей на 5 человек, в дезинфекционном отряде – с 8 до 5 человек, закрылось 50 коек временных заразных бараков¹⁴. В 1925 г. возникла идея о создании специализированного учебного учреждения для обучения специалистов вакцинации от оспы. Однако данная идея была отклонена из-за отсутствия необходимого финансирования и ресурсов для его организации и функционирования [1].

С первых дней своего существования советское государство приняло ряд законов и разработало специальные меры по охране здоровья матерей и детей. Было объявлено, что все дети страны находятся под защитой государства. Важными лозунгами новой власти стали: «Дети – наше будущее», «Охрана детства – лозунг советской власти», «Дети – надежда Советской России. Берегите детей» и др. [2, с. 189]. Целью руководства страны было сделать заботу о здоровье детей всех возрастов от рождения до взросления обязанностью государства¹⁵. Важность для советского государства охраны жизни подрастающего поколения, будущих граждан страны, подтверждали

создаваемые в структуре государственного аппарата соответствующие специальные подразделения, отвечавшие за социальное обеспечение детского населения [16]. Так, с 1917 г. при Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР стал функционировать Отдел охраны материнства и младенчества.

Санитарно-эпидемическая организация в Карелии возникла в 1918 г. и начала развиваться с образованием Карельской Трудовой Коммуны в сентябре 1920 г. В начальный состав организации входили два врача, которые работали с минимальным запасом медицинского оборудования¹. В 1923–1924 гг. в Карелии работало 6 санитарных врачей¹⁷. Большая протяженность Карелии и ее малонаселенность создавали огромные препятствия для правильного санитарно-просветительского обслуживания края. В 1919 г. при Олонецком губернском отделе здравоохранения был организован Подотдел охраны материнства и младенчества, где инспектором работал врач К. А. Гуткин. В обязанности инспектора кроме всего прочего входило распределение по уездам мануфактуры (полотна) на «приданое» для новорожденных¹⁸.

С 1920 г. начался резкий и коренной сдвиг в сторону расширения лечебной сети: против функционировавших в 1919–1920 гг. 19 больниц, 10 врачебных амбулаторий, 82 фельдшерских пунктов, 4 аптек, в 1920–1921 гг. существовало уже 23, 20, 60, 7 соответственно¹⁹. В 1920 г. насчитывалось следующее количество специалистов: 41 врач, 4 зубных врача, 174 представителя среднего медперсонала²⁰. В 1921 г. на территории Карелии работало 23 врача, 76 фельдшеров, 23 сестры милосердия, 27 акушерок и 342 специалиста вспомо-

¹¹ Статистический ежегодник Карелии. С. 123.

¹² Эпидемия скарлатины в г. Петрозаводске // Красная Карелия. 1924. № 232. С. 4.

¹³ Государственный и местный бюджет. С. 77.

¹⁴ Медико-санитарное дело в АКССР // Красная Карелия. 1924. № 234. С. 3.

¹⁵ Радин Е. П. Что делает Советская власть. С. 4.

¹⁶ Лискиер М. 10 лет на фронте здравоохранения в АКССР // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 268.

¹⁷ Государственный и местный бюджет. С. 76.

¹⁸ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача // На фронте мирного труда: воспоминания участников социалистического строительства Карелии. 1920–1940. Петрозаводск, 1976. С. 303.

¹⁹ Лискиер М. 10 лет на фронте здравоохранения. С. 266.

²⁰ Там же. С. 267.

гательного персонала²¹. Ситуация с педиатрами, обслуживающими детские учреждения, была совершенно иной. Только две медсестры работали в них на постоянной основе, остальные работники посещали их по совместительству²².

В первые годы советской власти основное ядро врачебных кадров г. Петрозаводска составляли бывшие земские врачи. Позже стали прибывать молодые специалисты, выпускники Ленинградских медицинских вузов²³. Для улучшения борьбы с детской смертностью проводились курсы подготовки врачей и медперсонала, специализированного на уходе за детьми²⁴. С 1918 г. Школьно-санитарный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР регулярно проводил шестинедельные курсы для школьных врачей [15]. Новые специалисты внедряли в жизнь политику партии по охране здоровья детей. Вместо школьного «врача-чиновника», отвечающего только за антропометрические измерения детей, пришел врач-педагог с психологической подготовкой, выступающий в роли наблюдателя, контролера за психическим и физическим развитием ребенка, наставника по отношению к «дефективным» детям²⁵. Врачам, обслуживающим несколько детских учреждений одновременно, было трудно выполнить весь перечень обязанностей.

В период НЭПа число школьно-санитарных врачей на местах было сокращено на 38,8 %²⁶. До 1924 г. в Петрозаводске работали по совместительству несколько подобных врачей, позже были приняты три постоянных школьных врача, которые в среднем обслуживали по 10 учреждений с числом учащихся до 1 600 чел. [1].

Народный комиссариат здравоохранения Автономной Карельской ССР (Наркомздрав АКССР) пытался решить проблему нехватки

медицинского персонала, отправляя участковых врачей на курсы повышения квалификации в Ленинград [15]. Так, в 1924–1925 гг. курсы прошли 6 чел., в 1925–1926 гг. – 9²⁷. В области здравоохранения в Карелии в 1926 г. отмечался рост численности медицинского персонала: 87 врачей, 180 фельдшеров, 59 акушеров, 3 фармацевта и 15 зубных врачей²⁸. Однако квалифицированный медперсонал неохотно переезжал в сельскую местность из крупных городов. Ссылаясь на отсутствие оплаты труда, врачи в Карелии очень редко посещали детские учреждения²⁹. Недостаток медперсонала и оборудования оказывал существенное влияние на работу в сфере здравоохранения, включая заботу о детях и подростках, проведение медицинских консультаций и борьбу с эпидемиями. К этому добавлялись случаи недобросовестного отношения к служебным обязанностям ряда сотрудников. Так, в родильном отделении было замечено равнодушие нянек к плачущим детям, о чем неоднократно писалось в местной газете («дети плачут, а нянюшкам и дела нет, они наслаждаются в больничном саду и не думают о плачущих ребятишках») ³⁰.

Сложности, возникающие при борьбе с эпидемическими заболеваниями и смертностью детей, были обусловлены недостаточной эффективностью санитарной организации и малочисленностью медперсонала. Врачам приходилось оказывать медицинскую помощь детям в условиях дефицита продовольствия, практически полного отсутствия лекарств и острой нехватки основных санитарно-гигиенических средств [15].

В сфере оказания медицинской помощи детям работа была сконцентрирована в г. Петрозаводске, где к началу 1920-х гг. функционировали Дом матери и ребенка и Дом ребенка. Позже учреждения были объединены в Дом ребенка для перерас-

²¹ Отчет Областных учреждений. С. 110.

²² Там же. С. 112.

²³ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача. С. 298.

²⁴ Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. М., 1920. С. 28.

²⁵ Радин Е. П. Охрана здоровья детей и подростков // Здоровые дети – светоч будущего. М., 1923. С. 7.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-580. Оп. 4. Д. 79. Л. 81.

²⁸ Справочная книжка Автономной Карельской Социалистической Советской Республики. Петрозаводск, 1929. С. 202.

²⁹ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

³⁰ Поплачут, мол, да перестанут // Красная Карелия. 1924. № 154. С. 3.

пределения средств на открытие первых дневных яслей на 20 мест [1]. В 1923 г. в Карелии насчитывалось двое постоянных яслей и трое летних сельских яслей³¹. Им среди учреждений Наркомздрава придавалось особое значение [12]. Однако местное население в деревнях ясли встречало сначала недоверчиво и враждебно³². В 1924 г. было открыто трое яслей на 55 мест: в Петрозаводске, Сороке и Кеми³³. С целью борьбы с продовольственным кризисом и сохранения здоровья детей предлагалось передавать ясли на учет различных местных организаций. Ясельная сеть строилась для правильного и всестороннего развития детей, поскольку профессиональный уход за ними и хорошее питание играли большую роль в профилактике заболеваний.

В условиях продовольственного кризиса в стране здоровье детей страдало из-за недостатка необходимых питательных элементов [15]. Количество воспитанников в детских учреждениях росло, продовольственных пайков не хватало.

Охрана материнства и младенчества осуществлялась по линии организации не только яслей, но и акушерских пунктов, консультаций для детей и женщин; с целью улучшения питания детей открывались детские столовые и молочные кухни. Последние получили свое развитие в основном в больших городах. Так, в 1924 г. в Петрозаводске стала функционировать Детская консультация с молочной кухней. Позже откроются консультации в Сороке, Олонце, а также одна передвижная для всей Карелии³⁴. Создание детских и женских консультаций способствовало улучшению медицинского наблюдения за состоянием детей и беременных женщин, что выстраивало положительную динамику в вопросах младенческой и детской смертности. Важность консультаций неоднократно под-

черкивалась на всесоюзных совещаниях по охране материнства и младенчества [12]. В рамках деятельности детских консультаций проводились мероприятия по пропаганде грудного кормления, противодействию раннего и нерационального введения прикорма, обучению матерей правильному уходу за детьми, регулярному наблюдению за развитием ребенка в семье, назначению и выдаче молочных смесей для детей, нуждающихся в дополнительном питании, а также борьбе с социальными болезнями, такими как туберкулез, сифилис и рахит [17].

Диспансеризация детского населения должна была лечь в основу всех мероприятий Подотдела охраны здоровья детей Наркомпроса РСФСР. Она означала взятие на учет, лечение и оказание профилактической помощи как здоровому, так и больному ребенку³⁵. Сама система диспансеризации требовала поднятия лечебного дела на должную высоту, чтобы можно было обеспечить общедоступную, квалифицированную и бесплатную медицинскую помощь населению³⁶. В 1924–1925 гг. было сокращено количество коек в Доме ребенка (закрытого типа) на 20 мест для увеличения финансирования для содержания двух новых учреждений открытого типа: консультации для грудных детей и детской профилактической амбулатории³⁷. Деятельность в области диспансеризации осуществлялась детской амбулаторией в Петрозаводске, в ней находились антропометрический, глазной, зубной и психоневрологический кабинеты³⁸, где работники проводили профилактические осмотры, лечение дошкольников и школьников. В 1925 г. детская амбулатория обслужила за год 26 991 обращение, действовавший при ней врачебно-педагогический кабинет – 3 544 чел.³⁹.

Для профилактической работы привлекались школьно-санитарные врачи, однако

³¹ Лискиер М. 10 лет на фронте здравоохранения. С. 270.

³² Здравоохранение в Карелии // Красная Карелия. 1927. № 254. С. 3.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Иванова В. Н. Диспансеризация как метод работы ОЗД // VI Всероссийский съезд по охране здоровья детей и подростков. 16–22 ноября 1925 г. Программа и тезисы. М., 1925. С. 11.

³⁶ Ярошевич В. Т. Способы разработки плана нормальной сети. С. 8.

³⁷ Государственный и местный бюджет. С. 78.

³⁸ Здравоохранение в Карелии // Красная Карелия. 1927. № 254. С. 3.

³⁹ Статистический обзор АКССР, 1925 и 1926. С. 38.

их штат постоянно сокращался, и в 1924 г. в крае насчитывалось всего три специалиста, обслуживавших только г. Петрозаводск. В уездах эта работа была возложена на санитарных врачей, в волостях – на участковый медперсонал. В деле охраны здоровья детей работа в уездах осуществлялась на низком уровне.

Развитие сети учреждений по охране здоровья детей и подростков стало заметным во второй половине 1920-х гг. Открытие пункта охраны материнства и младенчества в Петрозаводске в 1926 г.⁴⁰, который позднее был реорганизован в детскую и женскую консультацию, стало важным шагом в обеспечении детей юридической и социальной поддержкой. Детская консультация стала основой дифференцированного медицинского обслуживания детей. Развитию данного направления способствовало открытие во второй половине 1930-х гг. Детского отделения в Центральной городской больнице г. Петрозаводска, что оказалось важным событием в возникновении стационарной педиатрической помощи.

Высокий показатель младенческой и детской смертности связывали не только с практически полным отсутствием какой-либо помощи в селе, но и с низкой грамотностью населения в санитарно-гигиенических вопросах [18]. Санитарно-эпидемиологическая деятельность в Карелии сопровождалась динамичным процессом санитарного просвещения местного населения. В работе использовались различные формы деятельности, включая лекции, в том числе по радио, занятия в специализированных кружках, информирование во время экскурсий, показы фильмов кино-передвижкой, выставки, вечера вопросов и ответов, обслуживание в санбиблиотеках, публикации статей в «Красной Карелии» (за 1924–1925 гг. – 34 статьи⁴¹) и в издательстве специальной газеты «Народное здоровье», выходящей с 1921 по

1924 г. Эти публикации играли важную роль в санитарном просвещении населения, так как в них давались разъяснения течения различных заболеваний и методов их лечения. Например, один из выпусков газеты был посвящен эпидемическим болезням и способам борьбы с ними⁴², другой включал статьи о туберкулезе и его лечении, о формах борьбы с этим недугом в Западной Европе и России⁴³. В 1921 г. по Карелии было прочтено 14 санпросветлекций, в 1922 г. – 40, 1923 г. – 478, 1924 г. – 1 235⁴⁴. Кроме лекций ставились показательные санитарные пьесы и суды. Так, в мае 1924 г. в Карелии был объявлен Трехдневник по туберкулезу, содержащий разный спектр мероприятий. Предварительно по школам были проведены лекции-беседы о борьбе с чахоткой. Открыло Трехдневник в Петрозаводске шествие детей со знаменами, сотрудники Санпросвет Наркомздрава АКССР организовали выставку картин по туберкулезу с разъяснениями дежурных врачей (посещаемость – 70–100 чел. в час), провели санитарный суд над туберкулезом, собравший около 250 чел., из них 70 детей⁴⁵. Доктор Шиф выступил в летнем театре по проблеме «Туберкулез и новый быт» (количество слушателей – 230 чел.). В деревнях просветительская деятельность была менее последовательной, чем в городах, и концентрировалась в избах-читальнях, местных амбулаториях и школах [1]. Санитарно-гигиенические правила отправлялись Наркомпросом в каждое детское учреждение края, однако при проверке не всегда эти документы можно было найти⁴⁶. Элементарные санитарно-гигиенические правила 1920 г. состояли из правил хранения продуктов, уборки помещений, использования белья и одежды и др.⁴⁷ Санитарно-эпидемиологическая работа проводилась в виде проверок детских учреждений Карелии, к делу санитарного контроля власть привлекала широкие массы населения через организацию

⁴⁰ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача. С. 302.

⁴¹ Лискиер М. 10 лет на фронте здравоохранения. С. 269.

⁴² Народное здоровье. № 1/2. Петрозаводск, 1923. С. 1–3, 9–11.

⁴³ Народное здоровье. № 13/15. Петрозаводск, 1922. С. 1–28.

⁴⁴ НА РК. Ф. Р-580. Оп. 4. Д. 21. Л. 18.

⁴⁵ Итоги туберкулезного трехдневника // Красная Карелия. 1924. № 149. С. 2.

⁴⁶ НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 901. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Л. 12.

сельских санитарных комиссий, волостных и уездных советов [1].

В исследуемый период выдвинута идея о важности сотрудничества между врачами и педагогами в области охраны здоровья детей и было подчеркнуто, что гигиена и педология являются основой профилактической работы⁴⁸. Отмечалось также, что в области гигиены, наряду с учетом и нормированием физической среды, важно учитывать и социальные условия жизни детей, а физкультура – это не только физические упражнения, но и режим здоровья⁴⁹.

Как отмечает исследовательница Лорэн де ля Фэ, советская идентичность для детей в области оздоровительных практик была ответственностью взрослых [19, с. 76]. Несмотря на то, что надзор за гигиеническими процедурами и медицинским обслуживанием детей являлся обязанностью взрослых, главной целью педагогов было приспособление детей к гигиеническим процедурам и другим практикам ухода за телом [19, с. 76]. Педагогический персонал должен был принимать активное участие в систематическом проведении плана гигиенического воспитания среди детей⁵⁰, что было невозможно без достаточной подготовки сотрудников детских учреждений. В учебных планах всех учреждений для детей и подростков выделялись специальные часы для занятий физической культурой и санитарного просвещения⁵¹.

Основными направлениями демографической политики рассматриваемого периода становились борьба со смертностью детей и укрепление детского здоровья, для чего общество старалось развивать санаторное лечение [4]. Поскольку после питания для укрепления здоровья детей на первом месте стояли «лучшие доктора – солнце и воздух»⁵², в исследуемый период в летнее время

детей вывозили в колонии [15]. Еще в 1918 г. в селе Деревянное для детей Петрозаводска предполагалось организовать колонию для слабых детей, однако сотрудники отдела народного образования остановились на мысли устроить колонию педагогического характера с главным принципом «изучение ребенка, его интересов и потребностей в зависимости от возраста»⁵³. С июня 1918 г. стала действовать летняя колония, которая обслуживала около 40 детей обоих полов. В 1924 г. Деревянская летняя колония принимала уже 70 детей, слабых и нуждавшихся в отдыхе. Во время пребывания в ней (около двух месяцев) дети получали усиленный паек, в который входили яйца, сливочное масло и молоко⁵⁴. Кроме данного направления, детей отправляли в летние колонии в села Соломенное и Ялгуба. В местной газете неоднократно публиковались заметки о положительном влиянии подобных форм отдыха на детей, отмечалось, что «благоприятная погода, усиленное питание сделали детишек неузнаваемыми: необычайная живость, значительно пополневшие личики, здоровый загар и светившиеся восторгом удовольствия глазенки свидетельствовали о том благотворном влиянии, какое ожидалось НКП [Наркомпросом] от этих колоний»⁵⁵.

В исследуемый период неоднократно возникла необходимость организации санаторных учреждений. Так, в 1921 г. в докладе уполномоченного Губернского исполнительного комитета говорилось о возможном открытии трех домов санаторного типа в бывших монастырях (Ежезерском, Палеостровском и Клименецком) для «дефективных» детей (на 170 чел.)⁵⁶. Однако в Карелии первые учреждения санаторного типа появятся только во второй половине 1920-х гг.: будут созданы детские противотуберкулезные

⁴⁸ Радин М. К учету работы по охране здоровья детей и подростков на местах в 1922 году // Здоровые дети – светоч будущего. С. 18.

⁴⁹ Радин Е. П. Задачи НКЗДрава в области физической культуры // VI Всероссийский съезд по охране здоровья детей и подростков. С. 14.

⁵⁰ Страшун И. Д. Единый план гигиенического воспитания // Здоровые дети – светоч будущего. С. 92.

⁵¹ Радин Е. П. Резолюция по докладу о гигиеническом био-социальном воспитании // Педологический журнал. 1924. № 1 (4). С. 120.

⁵² Радин Е. П. Что делает Советская власть. С. 5.

⁵³ НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 153. Л. 1.

⁵⁴ Деревянская летняя колония // Красная Карелия. 1924. № 157. С. 2.

⁵⁵ В детских колониях // Красная Карелия. 1924. № 207. С. 3.

⁵⁶ НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 941. Л. 2.

и общеоздоровительные санатории в деревнях Уя, Видлица, Судалица [6]; детей станут отправлять на лечение в санатории, расположенные в Ленинградской области и Крыму⁵⁷.

В исследуемый период продвигалась идея создания единого диспансера «Дом здоровья трудящихся»⁵⁸, который мог связать и объединить под руководством различные направления охраны здоровья населения: внебольничную помощь в городе, амбулаторные приемы, квартирную и скорую помощь, консультации, охрану материнства и младенчества, детскую профамбулаторию, тубдиспансер и вендиспансер, а также санитарные организации города. Частично эта сеть организаций и учреждений получит развитие только во второй половине 1920-х гг., когда станут функционировать санатории, туб- и вендиспансеры, венотряды и др.⁵⁹. Так, в феврале 1925 г. в Петрозаводске открылся первый противотуберкулезный диспансер с диетической столовой, который в дальнейшем стал центром борьбы с туберкулезом в республике⁶⁰; в 1931 г. в Олонце открыли профилактический детский санаторий на 20 коек⁶¹, в 1933 г. дополнительно стал функционировать ночной санаторий для школьников Олонецкого района на 20 коек⁶².

Заключение

В контексте послереволюционного периода такие факторы, как последствия войн, голода, экономического кризиса и санитарное состояние края, оказали влияние на положение детей. Эти факторы сказывались на показателях рождаемости, смертности и состоянии здоровья детей. Распространение массовых эпидемий, таких как сыпной и возвратный тиф (начиная с 1919 г.), и последующий голод 1921 г. способствовали увеличению доли детского населения, нарастанию числа сирот и беспризорных детей. Вышеперечисленные факторы определили невозможность полноценного развития ребенка, что требовало принятия решительных мер со стороны государства для помощи

нуждающимся детям страны. Медико-санитарное дело в первые годы советского государства основательно базировалось на принципах бесплатности, общедоступности, квалифицированности и профилактики заболеваний. В вопросах охраны здоровья детского населения эти принципы соблюдались, а главными направлениями работы были выбраны диспансеризация, профилактика и вакцинация. С этой целью усиленно проводилось санитарное просвещение населения, открывались ясли для правильного выстраивания профессионального ухода за детьми, консультации с молочными кухнями для улучшения продовольственного вопроса и повышения уровня знаний по уходу за грудными детьми. Оздоровительная работа осуществлялась летними кампаниями через организацию детских колоний и площадок. Увеличение количества больниц, врачей происходило постепенно, но ввиду ограниченности государственного финансирования медицинская забота страны осуществлялась неполноценно, что заметно по имевшимся в то время проблемам: нехватке кадров или их сокращению, отсутствию изоляторов и санитарно-гигиенических правил в детских учреждениях и др. Руководящие указания в вопросах охраны детей, даваемые центральными органами управления, не подкреплялись необходимым финансированием и обеспечением нужным количеством специалистов. Средств у государства на реализацию всех запланированных проектов в области медицинской помощи детям не было, поэтому многие замыслы остались не реализованы. Однако в исследуемый период были воплощены важные составляющие медицинской помощи и заложены основы системы детского здравоохранения, получившие дальнейшее развитие во второй половине 1920-х и в 1930-х гг. Предпринятые государством меры по охране здоровья детей были направлены на создание и развитие сети учреждений, оказывающих медицинскую и профилактическую помощь детям.

⁵⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 800. Л. 92.

⁵⁸ Лискиер М. 10 лет на фронте здравоохранения. С. 271.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача. С. 300.

⁶¹ Крылова Ф. В. Забота о детях // На фронте мирного труда. С. 305.

⁶² Карельские пионеры – в Крым // Красная Карелия. 1928. № 195. С. 4.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

---

1. Колесьянкина И. И. Здравоохранение в Карелии в период нэпа // Вопросы истории Европейского Севера: Проблемы развития культуры : сб. науч. ст. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2002. С. 130–142.
2. Щербинин П. П. Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 179. С. 186–197. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197>
3. Альбицкий В. Ю. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России (1917–1930 гг.). М. : Союз педиатров России, 2018. 207 с.
4. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М. : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. 223 с.
5. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб. : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
6. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. Петрозаводск : Карелия, 1989. 279 с.
7. Левин С. М. Охрана народного здоровья в Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1972. 72 с.
8. Филимончик С. Н. Развитие здравоохранения в Карелии в 1930-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 44–53. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.851>
9. Илюха О. П., Литвин Ю. В. Забота о здоровье матери и ребенка в карельской деревне конца XIX – начала XX вв.: семейные традиции и профессиональная медицина // Общество: философия, история, культура. 2012. № 3. С. 33–41. URL: <https://archive.dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obschestvo-filosofiya-istoriya-kultura/2012/3> (дата обращения: 17.01.2024).
10. Пашкова Т. В. Государственное здравоохранение и народная медицина в карельской деревне в конце XIX – начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2015. Т. 2, № 3 (148). С. 11–14.
11. Баданов В. Г. Земские учреждения Олонецкой губернии (1867–1918 гг.). Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2017. 369 с.
12. Егорышева И. В. Охрана материнства и младенчества в первые годы деятельности Народного комиссариата здравоохранения РСФСР // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2015. № 7. С. 29–36. URL: <http://bulleten-nriph.ru/journal/article/view/2416> (дата обращения: 17.01.2024).
13. Зелинская А. И., Левин С. М. Здравоохранение Карельской АССР за 50 лет советской власти // Здравоохранение Карельской АССР : сб. ст. Вып. 7. Петрозаводск : Карелия, 1970. С. 5–23.
14. Покровская И. П. Население Карелии в 1920–1969 гг. // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1969. С. 268–308.
15. Чебаковская А. В. Решение проблемы детской беспризорности в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2021. 348 с.
16. Федоров А. Н. Охрана материнства и детства в Советской России в условиях революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Вып. 11, № 9 (64). С. 175–182.
17. Афанасова Е. Н. Организация медико-социальной помощи в женских и детских консультациях на территории Забайкальской губернии и БМАССР во второй половине 1920-х гг. // Вестник ЗабГУ. 2012. № 12 (91). С. 4–8.
18. Васеха М. В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.10>
19. Loraine de la Fe. Empire's Children: Soviet Childhood in the Age of Revolution. Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in History. Miami, Florida, 2013. 204 p.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 28.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Чебаковская – кандидат исторических наук, ученый секретарь, научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5750-956X>, chebakovskaja@yandex.ru

The Protection of Children's Health in Karelia in the Early 1920s

Aleksandra V. Chebakovskaya

*Institute of Language, Literature and History, Karelia Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The child health protection system represented a complex of organizational and legal measures aimed at providing the necessary conditions for the full development of a healthy child, which included not only the treatment of diseases but also the implementation of preventive measures. Despite existing challenges in organizing quality medical care for children, the fundamental ideas for protecting children's health were established in the first half of the 1920s and were further developed in the following period. The aim of this research is to reconstruct the measures undertaken by the new government to protect the health of the younger generation in the early years of Soviet power (based on materials from Karelia).

Materials and Methods. Based on a collection of archival materials and published sources, measures aimed at addressing the issue of high child mortality and morbidity are demonstrated. The preparation of the article utilized systematic, comparative-historical, and problem-chronological methods.

Results and Discussion. The factors affecting the situation of the child population in Karelia have been analyzed; indicators of child mortality and its causes, birth rates, and natural population growth are presented, and the sanitary-epidemiological state of the region is described. The state measures taken to address child health protection issues are examined, including actions aimed at creating and developing a network of institutions providing medical and preventive care to children, which led to a decrease in child mortality and an increase in birth rates.

Conclusion. The fundamental areas of focus in the work on protecting children's health were chosen to be screening, prevention, and vaccination. The conclusions drawn by the author contribute to the study of the child healthcare system in the early period of the Soviet era.

Keywords: Child health, infant mortality, fertility, morbidity, prevention, Karelia

Funding: The research was funded from the federal budget as part of the state project of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Chebakovskaya A.V. The Protection of Children's Health in Karelia in the Early 1920s. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):178–190. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.178-190>

REFERENCES

1. Kolesyankina I. I. [Health Care in Karelia During the New Economic Policy]. In: [Questions of the History of the European North: Problems of Cultural Development]. Petrozavodsk; 2002. p. 130–142. (In Russ.)
2. Shcherbinin P.P. Protection of Motherhood and Infancy in the First Decade of Soviet Government in the Tambov Region (1918–1928). *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2019;24(179):186–197. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197>
3. Albitsky V.Yu. [Origins and Development of the State Child Welfare System in Soviet Russia]. Moscow; 2018. (In Russ.)
4. Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. [Russian Children in the Late 19th – Early 21st Century: Historical and Demographic Essays]. Moscow; 2018. (In Russ.)
5. Smirnova T.M. [Children of the Soviet Country: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. Moscow; 2015. (In Russ.)
6. Afanasieva A.I. [Cultural Transformation in Soviet Karelia. 1928–1940]. Petrozavodsk; 1989. (In Russ.)

7. Levin S.M. [Protection of Public Health in Karelia]. Petrozavodsk; 1972. (In Russ.)
8. Filimonchik S.N. Healthcare Development in Karelia in the 1930s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):44–53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.851>
9. Ilyukha O.P., Litvin Yu.V. Mother and Child's Health Care in the Karelian Village in the Late 19 – Early 20 Centuries: Family Traditions and Professional Medicine. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2012;(3):33–41. Available at: <https://archive.dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obshchestvo-filosofiya-istoriya-kultura/2012/3> (accessed 17.01.2024). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Pashkova T.V. Public Health and Traditional Medicine in Karelian Villages in Late XIX – Early XX Centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015;2(3):11–14. (In Russ., abstract in Eng.)
11. Badanov V.G. [Zemstvo Institutions of Olonets Province (1867–1918)]. Petrozavodsk; 2017. (In Russ.)
12. Egorysheva I.V. Motherhood and Infancy Care in the First Years Activity of the RSFSR People's Commissariat of Health. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2015;(7):29–36. Available at: <http://bulleten-nriph.ru/journal/article/view/2416> (accessed 17.01.2024). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Zelinskaya A.I., Levin S.M. [Health Care in the Karelian ASSR for 50 Years of Soviet Power]. In: [Healthcare of the Karelian ASSR]. Issue 7. Petrozavodsk; 1970. p. 5–23. (In Russ.)
14. Pokrovskaya I.P. [Population of Karelia in 1920–1969]. In: [50 Years of Soviet Karelia]. Petrozavodsk; 1969. p. 268–308. (In Russ.)
15. Chebakovskaya A.V. [Solving the Problem of Child Homelessness in Karelia in 1918 – The First Half of the 1930s : Dissertation ... Cand.Sci. (Hist.)]. Petrozavodsk; 2021. (In Russ.)
16. Fedorov A.N. Problems of Maternity Protection in Soviet Russia under Conditions of the Revolution and the Civil War in 1917–1920. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economy. Computer Science*. 2009;11(9):175–182. (In Russ., abstract in Eng.)
17. Afanasova E.N. The Organization of Medical and Social Assistance in the Maternity and Child Welfare Centres on the Territory of Transbaikalia and BMASSR in the Second Half of 1920-s. *Transbaikal State University Journal*. 2012;(12):4–8. (In Russ., abstract in Eng.)
18. Vaseha M.V. The Policy of Motherhood and Infanthood Protection in the 1920s and “Designing” of a New Type Mothers: The Experience of the Siberian Village. *Woman in Russian Society*. 2019;(2):107–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.10>
19. Loraine de la Fe. Empire's Children: Soviet Childhood in the Age of Revolution. Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in History. Miami; 2013.

Submitted 09.07.2024; revised 13.08.2024; accepted 28.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Chebakovskaya – Cand.Sci. (Hist.), Scientific Secretary, Research Fellow, Department of History, Institute of Language, Literature and History, Karelia Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5750-956X>, chebakovskaja@yandex.ru

Темниковская засека: пограничная служба и пограничная черта в системе защиты «украины» Русского государства в XVI – первой трети XVIII в.

Елена Петровна Лезина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Темниковская засека является наименее исследуемой в рамках Большой засечной черты, что говорит об актуальности введения в научный оборот сохранившегося в архивах ее описания и анализа пограничной и сторожевой службы на данной территории Мордовского края (в междуречье Суры, Мокши и Цны). Цель исследования – дать комплексный анализ Темниковской засеки в системе защиты Русского государства в XVI–XVII вв.

Материалы и методы. В основе исследования лежит анализ единственного известного рукописного источника, сохранившегося в Центральном государственном архиве Республики Мордовия и содержащего описание Темниковской засеки. При рассмотрении пограничной службы по городу Темникову и засеке использовался метод анализа нормативных документов XVI–XVII вв., регулирующих эту службу; содержатся в «Актах Московского государства, изданных Императорскою Академией наук» (1890). В ходе работы применялся комплекс методов: сравнительно-исторический, логический, системно-структурный, системного анализа, анализа нормативных документов.

Результаты исследования и их обсуждение. В научный оборот введено описание Темниковской засеки, ее место и роль в системе укрепленной линии Большой засечной черты. В ходе исследования было уточнено местонахождение Темниковской засеки, а также точное расположение Ногайских и Чижиковских темниковских засечных ворот. Проведен анализ пограничной и сторожевой службы в Мордовском крае, показана роль Темниковской крепости в системе организации охраны и обороны русских границ.

Заключение. Изучение истории Темниковской засеки более детально демонстрирует опыт пограничной службы и систему обороны границ Русского государства в XVI – первой трети XVIII в., показывая процессы в масштабах страны на примере организации обороны Мордовского края, вносит новые нюансы, создавая цельную картину развития Российского государства.

Ключевые слова: Темниковская засека, сторожевая служба, «сторожа», станичная служба, пограничная черта, пограничная служба, города-крепости, Мордовский край, Русское государство XVI–XVII вв., служилые люди

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лезина Е. П. Темниковская засека: пограничная служба и пограничная черта в системе защиты «украины» Русского государства в XVI – первой трети XVIII в. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 191–202. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.191-202>

Введение

В XVI–XVII вв. через междуречье Суры, Мокши и Цны проходили пути набегов ногайцев, кочевавших в прикавказских и прикаспийских степях, на Российское государство. Эти пути пролегли в промежутках между двумя мощными лесными массивами, протянувшимися с севера на юг: на западе – Большой Мокшанский лес вдоль реки Мокша,

на востоке – Большой Сурский лес вдоль реки Сура. В северной части этой территории лесные массивы соединялись с полосой лесов, простирающейся с запада на восток: обширным Саровским лесом в низовьях Мокши и Алатырским лесом вдоль левого берега реки Алатырь, притока Суры. Приход ногайцев в центральные районы государства осу-

шествовался через междуречье Волги и Дона. Пройдя этот узкий промежуток, Большая (или Посольская, Ногайская) дорога делилась на несколько ветвей. Крайнее западное ответвление пересекало верховье реки Цны и шло вдоль нее в направлении Шацка. Следующее ответвление, называвшееся Большой Сурской дорогой, доходило до верховьев Суры и шло далее вдоль реки Мокши. Еще одно ответвление, крайнее восточное, шло по водоразделу Суры и Волги и называлось с конца XVI в. Саратовской дорогой. Большие дороги делились на отдельные участки и многочисленные ответвления от них.

Внутренние районы Московского царства с давних времен прикрывала линия крепостей по рубежу реки Оки (с востока на запад): Нижний Новгород, Муром, Мещера, Касимов, Рязань, Кашира, Тула, Серпухов, Звенигород. На этот рубеж, называемый Берегом, выставляли пять полков, общая численность которых могла достигать 65 тыс. чел. Однако такая система обороны была малоэффективной во время войны на западе и плохо защищала значительную часть окраинных территорий государства южнее Оки. Потому возросшая в связи с Ливонской войной интенсивность набегов с юга вынудила русское правительство заняться возведением новых укрепленных линий, что отягощало истощенную войной государственную казну. Для покрытия расходов на ремонт и укрепление засечных черт был введен налог – засечные деньги.

В первой половине 1560-х гг. южнее Оки, на базе уже существовавших крепостей, началось строительство сплошной линии укреплений, называвшейся Черта, или Государева заповедь, поскольку там были закрыты (заповедные) для общего доступа места. В наше время эту линию укреплений обычно называют Большой засечной чертой. Она прикрывала подходы к Москве с Крымской стороны между Мещерскими и Брянскими лесами и тянулась от Переяславля-Рязанского на востоке до Козельска и Болхована на западе. Укрепление южной границы государства не ограничилось Крымской стороной – строительство засечных укреплений продолжилось от Мещерских лесов на восток для прикрытия границы с Ногайской стороны. В 1578 г. эта

оборонительная линия соединила засеками уже существовавшие крепости: Шацк, Кадом, Темников, Алатырь. Позднее эту линию продолжила на восток Карлинская черта, далее – Тетюшская черта, заканчивавшаяся крепостью Тетюши на берегу Волги. Этот рубеж оставался передовым в обороне границы на кавказском направлении до 30-х гг. XVII в.

Темниковская засека – наименее исследуемая в рамках защиты «украины» Русского государства в XVI в. Нет работ, посвященных непосредственно Темниковской засечной черте, что указывает на актуальность введения в научный оборот сохранившегося в архивах ее описания и анализа пограничной и сторожевой службы на ней.

Обзор литературы

Данная статья является продолжением исследований автора роли городов-крепостей и засечных черт на территории Мордовского края. В монографии «Города на территории Мордовии в XVI–XVIII вв.» рассмотрены становление и развитие административного и военного управления в Темникове и Темниковском уезде, а также определены основные категории населения и источники их формирования [1]. В работе «Борьба Российского государства за безопасность южных и юго-восточных границ в XVI–XVII веках» анализируются политика присоединения земель за счет строительства городов-крепостей и засечных черт на границах Российского государства в XVI–XVII вв., формирование и состав служилых людей на границе, специфика воеводского и местного управления на пограничных территориях [2].

В дореволюционное время роли пограничной службы и пограничных черт в системе защиты Российского государства посвящены работы И. Д. Беляева [3], Д. И. Багалея [4], А. И. Яковлева [5], в советское время – С. Л. Марголина [6], А. В. Никитина [7], А. А. Новосельского [8], в первое десятилетие XXI века – диссертации В. А. Волкова [9], Т. Н. Кадеровой [10], Д. А. Карпова [11] и др.

О ранней истории Темникова вышел лишь ряд очерков, представляющих собой небольшие зарисовки: до

революции – А. Н. Нарцова, Н. С. Рейтарова, В. и Г. Холмогоровых [12–14], в советский период – А. А. Чернухина и В. П. Ямушкина [15; 16]

Первое упоминание о Темниковской засеке содержится в статье В. Сторожева по исследованию засечных книг. Упоминание о ее существовании он случайно нашел во Владимирской десятне 1621 г. [17].

В советское время существование в Мордовском госархиве описания Темниковской засеки упоминалось в исследованиях И. Д. Воронина и В. И. Лебедева [18; 19].

«Книга Темниковской засеки Матвея Нестерова 1724 года» [20], в которой сохранился пересказ «Книг Темниковской засеки письма и дозору Дмитрия Полтина и подьячего Василия Ракова» 1624 и 1635 гг. – единственное сохранившееся в архивах описание Темниковской засеки, позволяющее нам исследовать участок черты, проходившей по территории Мордовии.

Материалы и методы

В основу исследования лег анализ единственного известного рукописного источника, содержащего описание Темниковской засеки, сохранившегося в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, – «Книги Темниковской засеки Матвея Нестерова 1724 года».

В процессе анализа рукописного текста использовались сравнительно-исторический и логический методы, позволившие сделать географическую привязку населенных пунктов XVIII в. к современной топонимике. Для описания пограничной службы по городу Темникову и засеке применялся метод анализа нормативных документов XVI–XVII вв., регулирующих эту службу («Боярские приговоры» [21–23], «Росписи сторожам» [24; 25], «Государевы грамоты в Темников» [26], «Доклад о росписи детей боярских на полевую службу» [27; 28], содержащиеся в «Актах Московского государства, изданных Императорскою Академией наук»). Системно-структурный метод позволил показать Темниковскую засеку как часть системы защиты границ Русского государства XVI – первой трети XVIII в.

Результаты исследования и их обсуждение

В XVI в. стратегически важные дороги Русского государства с юга были защищены крепостями Кадом, Темников, Алатырь. Они, за исключением Алатыря, стояли за крупными реками на выходе дорог из лесного массива. Кадом был самым древним из них населенным пунктом (впервые упоминается в XIII в.), позднее он был перенесен на несколько км ниже по течению Мокши. Темников – тоже старая крепость, которая в 1536 г. также была перенесена на новое место южнее прежнего. Возведение Алатырской крепости относится к периоду завоевания Казани и датируется 1552–1555 гг.

В дополнение к строительству новых укреплений русское правительство в начале 1571 г. приняло решение реорганизовать сторожевую службу для своевременного оповещения о приближении противника. Это было поручено боярину Михаилу Ивановичу Воротынскому. Тогда же были назначены ответственные лица за южные направления. Для определения сложившегося положения со сторожевой службой и поисков путей ее улучшения князь Воротынский вызвал в Москву из украинских, т. е. приграничных, городов опытных, хорошо знавших южные территории служилых людей: станичных голов и станичников, вожей и сторожей [29].

На основе сведений, полученных при опросе служилых людей, и ранее составленных по этому вопросу документов было выпущено несколько боярских приговоров – указов, регламентирующих сторожевую и станичную службу. В первую очередь это был общий документ «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», утвержденный Боярской думой в феврале 1671 г., который является первым известным нам уставом, зафиксировавшим правила несения пограничной службы [21].

За ногайское направление отвечали Юрий Булгаков и Борис Хохлов, которые составили отчет об обновлении системы предупреждения о появлении противника на территории между Сурой и Цной. Эта система называлась «Мещерские сторожа» [25], так как дозоры высылались из крепостей, стоявших в Мещерских лесах.

«Сторожа» представляла собой группу конных дозорных-сторожей из нескольких человек, имевшую постоянную точку базирования – стан на указанном им рубеже-урочище в проходе между лесами. Разделившись по двое, они разъезжали в стороны от стана, чтобы своевременно заметить противника и оповестить ближайшую крепость. Первоначально было четыре «Мещерских сторожи» [24], позднее, согласно «Росписи Мещерским сторожам по дозору Юрья Булгакова да Бориса Хохлова 79 года» (1571 г.), их количество увеличили до пяти [25], разделив вторую сторожу на две отдельных.

I. Первая сторожа находилась на правом восточном берегу Суры и состояла из шести алатырских служилых людей. Их основной стан располагался на левом (северном) берегу речки Карсанаевой (Карсунка) притока Борыша (Барыш), в углу под Пичимром. Местом стана, по-видимому, являлась точка впадения в Карсунку речки Сухой Карсунки, где первая образует угол, изменяя направление течения с севера на восток. Из этой точки сторожа должны были двигаться по Карсунке налево до Барыша (около 15 верст) и направо – до Сурского леса (также около 15 верст). По этому проходу между лесами можно было беспрепятственно добраться до Промзина Городища (совр. п. Сурское) и Баранчеева Городища (совр. с. Барышская слобода), старейших крупных поселений, где была возможность переправиться через Суру.

II. Вторая сторожа состояла из шести служилых людей: по два человека из Кадома, Темникова и Алатыря. Их стан был на левом западном берегу Суры, у Сурского леса в месте впадения в нее речки Шокши (Шукша). Оттуда сторожа должны были ездить вверх по Шукше до устья речки Кивлея, притока Шукши.

III. Третья сторожа также состояла из шести человек: по двое из Кадома, Темникова и Алатыря. Их стан тоже был на Шукше, но примерно на 30 верст западнее второй сторожи, там, где направление течения Шукши менялось с северного на восточное, под Мокшанским лесом. Оттуда сторожа должны были ездить вниз по Шукше до встречи со сторожами второй сторожи на устье речки Кивлея. Эта сторожа вместе с предыдущей перекрывала проход между Сурой и Мокшей, по которому можно было

почти беспрепятственно выйти к переправам на реке Алатырь и одноименной крепости.

IV. Четвертая сторожа состояла из шести служилых людей: по три человека из Кадома и Темникова. Их стан был на реке Ломовой (Ломовка), в устье ее левого притока Шукстра (Шуструй), который был выше по течению от Козлятского брода на Ломовке. От брода шла большая дорога вдоль левого берега Мокши через Наровчатское городище к Темникову. Разъезды этой сторожи осуществлялись вниз по реке Ломовка до Мокшанского леса (около 15 верст) и вверх – до ее верховьев, далее – до вадовских сторожей (примерно 25 верст). В 1636 г. на левом берегу Ломовки построили крепости Нижний и Верхний Ломов.

V. Пятая сторожа (вадовская) состояла из шести человек: по три человека из Кадома и Темникова. Их стан был у лесного массива, в котором сходились верховья рек Ломовка, Вад и Буртас. От леса разъезды должны были осуществляться на запад, между реками Буртас и Нокса до их слияния с рекой Выша. При этом сторожа пересекали Вадовскую дорогу, шедшую на север и вдоль левого берега реки Вад, а затем ехали по Идовской дороге, тянувшейся на северо-запад вдоль правого берега реки Выши. В одну сторону они проезжали примерно 40 верст, пока река Выша не становилась достаточно глубокой, а леса вдоль нее – достаточно труднопроходимыми [25].

Посылка сторожей в поле начиналась с 1 апреля и продолжалась до декабря или дольше, если к этому времени не ложился глубокий снег [30]. На Алатыре было три смены сторожей, каждая из которых не имела права покидать свое урочище, не дождавшись сменщиков. Весной и летом смена продолжалась шесть недель, а осенью – один месяц. Одна смена Мещерских сторожей состояла из 30 человек: по десять человек из Кадома, Темникова и Алатыря. Если на других сторожах состав служилых – дети боярские и казаки, то «на Кадомских и на Темниковских сторожах стерегут» татары и мордва [28, с. 36–37].

Система дозорной службы на ногайском направлении не ограничивалась сторожами. Южнее Мещерских сторожей, далеко в степи стояли два станичных головы: на Волге

у Караманского леса (в районе современного Саратова) и в Вежках (Вешках) на Дону выше рек Хопер и Медведица. В распоряжении голов были разъезды-станции – дозоры из 4–6 человек, которые выполняли те же функции, что и разъезды сторожей, только в степи, в непосредственной близости от противника [21].

Согласно приговору 1571 г., сторожа и станичники должны были выбирать для дозорной службы удобные места, разъезжать дозорами по два человека, нести службу в постоянном движении, не отдыхать, не ночевать и не готовить пищу в одних и тех же местах, держаться подальше от леса, где противник мог устроить им засаду. При обнаружении противника положено было высылать гонцов в те крепости, к которым он направлялся, а остальным дозорным следить за передвижениями врага и доносить о смене направления его движения. Каждый сторож и станичник обязан был иметь два хороших коня, за что персонально отвечали воеводы и станичные головы. Приговор учитывал компенсацию при потере имущества и коней в ходе несения службы. Предусматривались и наказания: за опоздание при выходе на место несения дозора взимался штраф в пользу предыдущей смены сторожей; за небрежное несение службы или невыход на рубеж своего участка – битье кнутом; за оставление своего участка без сменщика, в результате чего враг прошел незамеченным, – смертная казнь. Станичники и сторожа предупреждались о точности передаваемых сведений, чтобы не попасться на уловки противника, который пытался ввести их в заблуждение относительно направления главного удара. Если дозорные попадали в плен, им самим рекомендовалось сообщать ложные сведения, преувеличивая силы своих войск [21].

Кадомская, Темниковская и Алатырская крепости, служилые люди из которых несли дозор в Мещерских сторожах, входили в сплошную оборонительную линию – засечную черту, которую условно можно обозначить как Мещерская засечная черта. Линия укреплений проходила в основном по лесным массивам, и термин «засека» по своему значению связан с созданием завалов из засеченных (подрубленных) деревьев. Однако уже в XVI в. этот термин означал

также административно самостоятельный участок укрепленной линии. Строительство черты началось в 1578 г. Ногайским ханам было передано, что засечная черта строится для того, «чтобы ногайцы не ходили мордовской землей» [1, с. 13].

Мокшанский, Саровский и Алатырский леса были обширными и перекрывали крымское направление перед Окой. Для создания труднопреодолимого препятствия для конного противника достаточно было возвести укрепления в виде лесных завалов, надолб и частоколов в отдельных местах, где леса были недостаточно обширны и густы, например в пойме рек, на полянах, в редколесье, некоторых дорогах и тропинках. Кроме того, все засеки дублировались крупными реками: Кадомская – Цной, Темниковская – Мокшей, Алатырская – Алатырем.

Граничащая с Темниковской засекой Кадомская черта на западе начиналась у правого берега Цны, у современного села Лесное Конобеево Рязанской области. Известны трое засечных ворот, находившихся в Кадомской засеке и определявших ее расположение: Идовские, Овдаловские (Авдаловские), Водовские (Вадовские). О существовании Идовских ворот упоминает П. Н. Черменский [31]. Ими заканчивалась Идовская дорога, проходившая вдоль реки Выши. От места впадения Выши в Цну Идовская дорога шла еще около 5 км по правому берегу Цны до устья впадающей в нее Идовки, где было самое удобное место для переправы через Цну. За переправой, на другом берегу Цны начиналась дорога к Шацкой крепости. Место нахождения Авдаловских ворот определяют селом Авдалово на реке Вад (Зубово-Полянский район Республики Мордовия). В нем жили засечные сторожа этих ворот [19]. Существует предположение, что Вадовские ворота находились севернее села Вадовские Селищи (Зубово-Полянский район), так как села засечных сторожей обычно находились за чертой в засечном лесу. Далее северная граница Кадомской черты проходила по реке Виндрей и соединялась у нее с Темниковской засекой между селом Куликово и деревней Старое Четово (Торбеевский район Республики Мордовия).

Самое раннее упоминание о существовании Темниковской засеки дает В. Сторожев,

оно сохранилось во Владимирской десятье 1621 г. [17]. Полное описание Темниковской засеки хранится в фонде Темниковского уездного суда Тамбовской губернии в Центральном государственном архиве Республики Мордовия [20]. Почти двадцать страниц подробного описания засеки содержат названия деревень, рек и географических названий.

В 1727 г. присутствовавшие при составлении «Книги Темниковской засеки» и осмотре черты старожилы из «мордовских деревень» Четовы, Варжелай, Куликовы Темниковского уезда засвидетельствовали, что о стыке Темниковской засеки с Кадомской «от дедов и от отцов своих» не слышали» [20, с. 43]. Описание засеки начинается «от деревни Мордовской Куликовы и от речки Виндрей». В селе Куликово, расположенном на левом берегу реки Виндрей (Торбеевский район), и сегодня проживает в основном мордва. Ширина засеки в этом месте была около 3 км. «От вышеписанной деревни Куликова до пустоши Старой Четовы две версты триста пятьдесят сажень под той путошью Чотова речка Нумут Кужалей вышла из засеки, а впала в речку Виндрей» [20, с. 43]. Далее Темниковская засека, пересекая речку Шуструй, доходила до Лячи: «...речка Ляча левая сторона Темниковской засеки засечного лес, а правая сторона лес деревни Кишал мордвы, а от пустоши Сырсят до пустоши Кишал две версты сто сажень под той пустошью речка Евас вышла ис поля и вошла в засеку...» [20, с. 44]. На другой стороне реки Явас «была сторожевая деревня Кишал в которой жили Ногайских ворот засечные сторожи» [20, с. 44]. Пересекая реки Явас и Пишляй, засечная линия шла вдоль реки Шавры близ деревень Пичеполонги и Мордовской Козловки (Атюрьевский район Республики Мордовия). «...Левая сторона Темниковской засеки засечный лес, а правая сторона деревни Козловки и Пичеполонги, промеж них семь верст» [20, с. 6]. В описании Темниковской засеки говорится о двух грамотах 1615 и 1616 гг., данных «мордве Пичеполонского угла». «От тех де деревень Пичеполонского угла лесу Большого будет вдоль да Кадомской засеки на пятьдесят верст, а поперег верст на сорок и больше,

а те деревни в тех местах стоят истари до Казанского взятия» [20, с. 46]. Далее черта проходила вдоль деревень Барашево (Атюрьевский район Республики Мордовия) и Кушки (Темниковский район Республики Мордовия), пересекая реку Пишляй. В документе упоминается несколько раз Большая Старинная дорога у деревень Пичеполонги и Кушки, далее вдоль черты она шла «к оврагу которой под деревнею Селищами», предположительно, современные Подгорные Селищи (Темниковский район). Деревни Татарское Адаево и Старое Авкиманово находились внутри засеки на дороге, которая шла через засеку и речку Мокшу в сторону села Митрялы (Темниковский район).

Пропускными воротами через Темниковскую засеку были Ногайские и Чижиговские. Ногайские ворота находились у пересечения дорог в полутора километрах от деревни Кушки. По дороге, проходившей через Ногайские ворота, «изстари ездят через тое засеку темниковского уезда села Ишейки разных чинов жители в дачи свои за хоромном и дровяном лесом» [20, с. 49]. Проходя деревни Третьякову и Сторожевую Баеву, «в которой жили Ногайских ворот засечные сторожа», засека шла на деревню Подгорные Селищи. Деревня Сторожевая Баева находилась между речкой Ломовкой и деревней Подгорные Селищи.

«Чижевские (Чижиговские) засечные ворота» находились на кряже у деревни Подгорные Селищи, несмотря на то, что деревня Чижигово (Темниковский район) находится на противоположном берегу реки Мокши, где, по-видимому, жили засечные сторожа Чижиговских засечных ворот. «До означенного ж места Чижиговские ворота левая сторона кряжем и до речки Мокши засечный лес, а правая сторона поля вышеписанной деревни Селища...» [20, с. 49]. Далее засека шла вдоль деревни Алкаево, села Аксел, деревень Русское Адаево и Агеево к селу Старый Ковыляй (Темниковский район). «Левая сторона засечный лес, а правая сторона вышеписанных деревень». Ширина засечной черты в этом месте была 6 верст (6,400 км). Окончанием Темниковской засечной черты была речка Урей. «Пришла засечная черта концом к речке Урею», – сказано в документе [20, с. 50].

На северо-восток к реке Алатырь от Темниковской засеки шла Пузская засека, подчиненная Алатырю, так как собственной крепости у нее не было. Пузский участок тянулся от Саровского леса вдоль правой стороны реки Алатырь и до речки Инелей (Ичалковский район Республики Мордовия). В Пузской засеке было двое проезжих ворот: Пузские и Гуляевские, расположенные у сел Пузская Слобода (Починковский муниципальный округ, Нижегородская область) и Гуляево (Ичалковский район Республики Мордовия) [18].

За Пузской засекой вдоль реки Алатырь шла Алатырская засека, центром которой был город Алатырь. У засеки были только одни – Ардатовские (Ордатовские) – ворота. О местонахождении ворот вполне аргументированно говорит В. И. Лебедев. Ворота стояли «в лесу, недалеко от того места, где в реку Алатырь впадает речка Пичевель» [19, с. 26]. Таким образом, Ардатовские ворота находились на территории современного города Ардатова (Республика Мордовия), а засечные сторожа Ардатовских ворот жили в селе Старое Ардатово (Ардатовский район Республики Мордовия).

Сведения о Темниковской крепости XVI в. представляют особый интерес, поскольку описаний деревянных крепостей этого периода сохранилось мало. По описанию крепости 1713 г. можно составить представление о ее форме, длине и сохранности стен [32]. Крепость представляла собой неправильный четырехугольник. Лучше всего сохранилась восточная стена, где был въезд в крепость: 26 саженей стены и 3 сажени в ее центре, на месте въездной башни (всего – 63 м). Самой длинной была южная сторона крепости, обращенная в сторону Мокши. От ее первоначальной стены длиной 59 саженей (127 м) оставалась только 21 сажень (45 м). Продолжением этой стены служил острог, тянувшийся от нее в восточном направлении, который защищал южную границу слободы. Западная сторона крепости образовывала с южной стороной острый угол и была защищена крутым склоном с озером у его подножия. Здесь от 36 саженей (78 м) стены не оставалось ничего. Также ничего не сохранилось от 40 саженей (86 м) северной стены.

Таким образом, размер Темниковской крепости был небольшим – 354 метра. Для сравнения: параметры стен Кадомской крепости – 767 м, Алатырской крепости – 719 м.

Стены были составлены из отдельных срубов, т. е. были рублены городнями. Сохранившиеся части стен общей длиной 47 саженей (102 м) состояли из 20 срубов, длина сруба достигала примерно 2,9 сажени (5,4 м), ширина, вероятно, была в два раза меньше. Крепость окружал ров, который к 1667 г. был занесен песком. Площадь крепости составляла всего около 0,7 га (по внешнему периметру стен).

Нам известно лишь об одних воротах в крепость. В начале XVIII в. эта въездная башня еще существовала, хотя уже тогда от крепости оставалось только полторы стены общей длиной 55 саженей (119 м). Первоначально башен было не менее пяти: проездная и четыре угловых. В крепости был подземный ход-тайник, проложенный к подземному колодцу у основания горы.

Можно сравнить ее с другими крепостями передовой линии Мещерской засечной черты – Кадомской и Алатырской. Периметр стены Кадомской крепости – 767 м, Алатырской – 719 м, Темниковской – всего 354 м. Скромные размеры последней можно объяснить тем, что эта затерявшаяся в лесах крепость имела первоначально небольшой гарнизон, так как стояла на менее опасном направлении и была хорошо защищена естественными преградами: лесами и рекой Мокшей.

Темниковская крепость раньше других утратила свое значение, ее укрепления не обновлялись с момента строительства в 1536 г., а после пожара 1667 г. они совершенно обветшали, но важность пограничной службы сохранялась до начала XVIII в.

Заключение

Проведенное исследование позволяет ввести в научный оборот описание Темниковской засеки и показать ее роль в борьбе Российского государства за безопасность и организацию обороны юго-восточных границ.

Система защиты границ Российского государства в XVI–XVII вв. представляла собой несение сторожевой и станичной службы по

городу-крепости, которая предупреждала о появлении противника на территории государства и сплошной линии засек в рамках Большой засечной черты. Темниковская крепость и Темниковская засека были частью Большой засечной черты в системе защиты «украины» Русского государства и входили в состав Мещерской сторожевой службы.

Темниковская засека проходила по территории Торбеевского, Атюрьевского, Темниковского районов Республики Мордовия. По территории Мордовии проходила большая часть Кадомской, Темниковская засека, а также часть Пузской и Алатырской, что показывает важность этой территории в системе защиты «украины» Русского государства в XVI – первой трети XVIII в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лезина Е. П. Города на территории Мордовии в XVI–XVIII вв. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 100 с.
2. Лезина Е. П. Борьба Российского государства за безопасность южных и юго-восточных границ в XVI–XVII веках. Саранск, 2007. 121 с. URL: <https://rucont.ru/efd/199684> (дата обращения: 20.01.2024).
3. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846. 86 с.
4. Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М. : Издание Императорского общества истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1887. 614 с.
5. Яковлев А. И. «Засечная черта» Московского государства в XVII веке. Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. 312 с.
6. Марголин С. Л. Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды государственного Исторического музея. Вып. 3. М. : Изд-во ГИМ, 1948. С. 34–58.
7. Никитин А. В. Оборонные сооружения засечной черты XVI–XVII веков // Материалы и исследования по археологии СССР. 1977. № 44.
8. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.
9. Волков В. А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV – первой половины XVII вв. : дис. ... д-ра истор. наук. М., 2005. 438 с.
10. Кадерова Т. Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI–XVII веков : дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2001. 226 с.
11. Карпов Д. А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века : дис. ... канд. истор. наук. Брянск, 2009. 283 с.
12. Нарцов А. Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. № 46. Тамбов, 1902. С. 1–53.
13. Рейтаров Н. С. Город Темников и его уезд // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1876 г. Тамбов, 1876. С. 1–19.
14. Холмогоровы В. И. и Г. И. Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст. (Темниковская десятина). Тамбов, 1890. 138 с.
15. Чернухин А. А. Темников. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1973. 205 с.
16. Ямушкин В. П. К истории г. Темникова и его уезда // Записки МНИИЯЛИЭ. 1952. № 15. С. 121–138.
17. Сторожев В. Засечные книги как историко-географический и археологический источник // Библиограф. 1892. № 6–7. С. 230–240.
18. Воронин И. Д. Саранск. Историко-документальные очерки. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. 168 с.
19. Лебедев В. И. Легенда или быль: по следам засечных сторожей. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1986. 136 с.
20. Центральный государственный архив Республики Мордовии. Ф. 101. Оп. 1. Д. 63.
21. Боярский приговор о станичной и сторожевой службе № 2 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 2–5.
22. Боярский приговор о назначении мест, где стоять головам в поле и до коих мест ездить от них станицам № 4 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 17.
23. Боярский приговор о пожеге полей, с расписанием: из каких городов станицам какие поля жечь № 13 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип.

- Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 15.
24. Роспись Мещерским сторожам № 9 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 11–12.
  25. Роспись Мещерским сторожам по дозору Юрья Булгакова да Бориса Хохлова 79 года № 14 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 17.
  26. Государева грамота в Темников князю Еникееву о посылке сторожей на польский сторожи и запись о посылки таких же грамот воеводам украинских городов, с приложением росписей сторожам № 18 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 19–31.
  27. Доклад и боярский приговор о росписи детей боярских на полевую службу в Разряде, а не воеводам № 20 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 32–34.
  28. Доклад и боярский приговор о прибавке казакам украинских городов, которые несут сторожевую службу, поместного оклада по тридцати четей, и о выдачи им денежного жалованья № 23 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 35–37.
  29. Царский указ о назначении князя Михаила Ивановича Воротынского ведать станицы и сторожа, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для распроса № 1 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 1–2.
  30. Указ о бытии головам на поле на прежних местах и о посылке станиц и на сторожи сторожей с 1 апреля № 22 // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571-1634. С. 35.
  31. Черменский П. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 54. Тамбов, 1911. С. 185–281.
  32. Российского государственного архива древних актов. Ф. 401. Оп. 1. Д. 250. Опись г. Темникова. Л. 2–4.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 18.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. П. Лезина – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права и международного права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6761-4494>, lezina_l@mail.ru

Temnikovskaya Zaseka: Border Service and Frontier Line in the Defense System of the “Ukraine” of the Russian State in the 16th – First Third of the 18th Century

Elena P. Lezina

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The Temnikovskaya Zaseka is the least studied part of the Great Zasechnaya Line, highlighting the relevance of introducing its preserved archival descriptions into scientific circulation and analyzing the border and guard services in this area of the Mordovian region (in the interfluvium of the Sura, Moksha, and Tsna rivers). The purpose of the study is to provide a comprehensive analysis of the Temnikovskaya Zaseka within the system of defense of the Russian state in the 16th–17th centuries.

Materials and Methods. The research is based on the analysis of the only known manuscript source preserved in the Central State Archive of the Republic of Mordovia, which contains a description of the Temnikov defensive line. In examining the border service in the city of Temnikov and the defensive line, the method of analyzing regulatory documents from the 16th–17th centuries, which governed this service, was employed; these documents are found in the “Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences” (1890). A range of methods was used in the study: comparative-historical, logical, systemic-structural, systems analysis, and regulatory document analysis.

Results and Discussion. The scientific discourse has introduced a description of the Temnikovskaya Zaseka, highlighting its place and role within the fortified line of the Bolshaya Zasechnaya Cherta. During the study, the exact location of the Temnikovskaya Zaseka was clarified, along with the precise locations of the Nogai and Chizhikov Temnikovskaya Zasechnaya Gates. An analysis of the border and guard services in the Mordovia region was conducted, demonstrating the role of the Temnikovskaya Fortress in the organization of the protection and defense of Russian borders.

Conclusion. The study of the history of the Temnikovskaya defensive line provides a more detailed demonstration of the experience of border service and the defense system of the Russian state from the 16th to the first third of the 18th century. It illustrates the nationwide processes through the example of the defense organization of the Mordovian region, adding new nuances and creating a comprehensive picture of the development of the Russian state.

Keywords: Temnikovskaya zaseka, guard service, village service, border line, border service, fortress cities, Mordovian Region, Russian state in the XVI-XVII centuries

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Lezina E.P. Temnikovskaya Zaseka: Border Service and Frontier Line in the Defense System the “Ukraine” of the Russian State in the 16th – First Third of the 18th Century. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):191–202. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.191-202>

REFERENCES

1. Lezina E.P. [Cities on the Territory of Mordovia in the XVII–XVIII Centuries]. Saransk; 2002. (In Russ.)
2. Lezina E.P. [The Struggle of the Russian State for the Security of the Southern and Southeastern Borders in the XVI–XVII Centuries]. Saransk; 2007. Available at: <https://rucont.ru/efd/199684> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)
3. Belyaev I.D. [About the Guard, Village and Field Service in the Polish Ukraine of the Moscow State, Before Tsar Alexey Mikhailovich]. Moscow; 1846. (In Russ.)
4. Bagaley D.I. [Essays from the History of Colonization and Life of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow; 1887. (In Russ.)
5. Yakovlev A.I. [“Zasechnaya Trait” of the Moscow State in the XVII Century. Essays from the History of the Defense of the Southern Outskirts of the Moscow State]. Moscow; 1916. (In Russ.)
6. Margolin S.L. [Defense of the Russian State from Tatar Raids at the End of the XVI Century]. In: [Proceedings of the State Historical Museum]. Issue 3. Moscow; 1948. (In Russ.)
7. Nikitin A.V. [Defensive Structures of the Zasechnaya Line of the XVI–XVII Centuries]. *Materialy i Issledovaniya po Arheologii SSSR*. 1977;(44). (In Russ.)
8. Novoselsky A.A. [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the XVII Century]. Moscow–Leningrad; 1948. (In Russ.)
9. Volkov V.A. [The Main Problems of the Military History of the Russian State at the End of the XV – First Half of the XVII Century. Dissertation ... Dr.Sci. (Hist.)]. Moscow; 2005. (In Russ.)
10. Kaderova T.N. [Organization of Defense of the South-Eastern Borders of the Russian State and Serving People in the Mordovian Region in the Second half of the XVI–XVII Centuries. Dissertation ... Cand.Sci. (Hist.)]. Saransk; 2001. (In Russ.)
11. Karpov D.A. [Fortified Points of the South-Western Borderlands of the Moscow State in the XVI – Mid-XVII Century. Dissertation ... Cand.Sci. (Hist.)]. Bryansk; 2009. (In Russ.)
12. Nartsov A.N. [Archaeological Trip to Temnikovsky District in August 1901]. In: *Izvestiya Tambovskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*. No. 46. Tambov; 1902. p. 1–53. (In Russ.)
13. Reitarov N.S. [The City of Temnikov and Its County]. In: *Pamyatnaya Knizhka Tambovskoj Gubernii za 1876 g.* Tambov; 1876. p. 1–19. (In Russ.)
14. Kholmogorovy V. I. and G. I. [Materials for the History, Statistics and Archeology of the City of Temnikov and Its County of the XVII and XVIII Centuries (Temnikovskaya Desiatina)]. Tambov; 1890. (In Russ.)
15. Chernukhin A.A. [Temnikov]. Saransk; 1973. (In Russ.)
16. Yamushkin V.P. [On the History of Temnikov and His District]. Notes of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Economics. 1952;(15):121–138. (In Russ.)
17. Storozhev V. [Zasechnye Books as a Historical, Geographical and Archaeological Source]. *Bibliograf*. 1892;(6–7):230–240. (In Russ.)
18. Voronin I.D. [Saransk. Historical and Documentary Essays]. Saransk; 1961. (In Russ.)
19. Lebedev V.I. [Legend or Byl: In the Footsteps of the Security Guards]. Saratov; 1986. (In Russ.)
20. Central State Archive of the Republic of Mordovia. F. 101. Op. 1. D. 63. (In Russ.)
21. Boiarskij Prigovor o Stanichnoi i Storozhevoi Sluzhbe No. 2. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 2–5. (In Russ.)
22. Boiarskij Prigovor o Naznachanii Mest, Gde Stoiať Golovam v Pole i do Koikh Mest Ezdit' ot Nikh Stanitsam No. 4. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 17. (In Russ.)
23. Boiarskij Prigovor o Pozhege Polei, s Raspisaniem: Iz Kakikh Gorodov Stanitsam Kakie Polia Zhech' No. 13. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 15. (In Russ.)
24. Rospis' Meshcherskim Storozham No. 9. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 11–12. (In Russ.)
25. Rospis' Meshcherskim Storozham po Dozoru Yur'ia Bulgakova da Borisa Khokhlova 79 goda No. 14. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 17. (In Russ.)
26. Gosudareva Gramota v Temnikov Kniazuiu Enikeevu o Posylke Storozhei na Pol'skii Storozhi i Zapis' o Posylki Takikh zhe Gramot Voevodam Ukrainnykh Gorodov, s Prilozheniem Rospisei Storozham No. 18. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 19–31 (In Russ.)
27. Doklad i Boyarskij Prigovor o Rospisi Detej Boiarskikh na Polevuiu Sluzhbu v Razriade, a Ne Voevodam No. 20. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 32–34. (In Russ.)
28. Doklad i Boiarskij Prigovor o Pribavke Kazakam Ukrainnykh Gorodov, Kotorye Nesut Storozhevuyu Sluzhbu, Pomestnogo Oklada po Tridsati Chetei, i o Vydachi Im Denezhnago Zhalovan'ya No. 23. In: *Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk*. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 35–37. (In Russ.)

29. Carskij Ukaz o Naznachenii Knyazyia Mihaila Ivanovicha Vorotynskogo Vedat' Stanicy i Storozha, i o Sozyve v Moskvu Stanichnyh Golov, Vozhej i Storozhej dlya Rasprosa No. 1. In: Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 1–2. (In Russ.)
30. Ukaz o Bytii Golovam na Pole na Prezhnih Mestah i o Posylke Stanic i na Storozhi Storozhej s 1 Aprelya No. 22. In: Akty Moskovskogo Gosudarstva, Izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk. Saint-Petersburg; 1890. Vol. 1. p. 35. (In Russ.)
31. Chermensky P. [Essays on the History of Colonization of the Tambov Region]. In: Izvestiya Tambovskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii. No. 54. Tambov; 1911 p. 185–281. (In Russ.)
32. The Russian State Archive of Ancient Acts. F. 401. OP. 1. D. 250. Opis'g. Temnikova. L. 2–4. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 09.08.2024; accepted 18.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. P. Lezina – Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of Theory, History of State and Law and International Law, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6761-4494>, lezina_1@mail.ru

Огонь в обрядовой культуре мордвы: истоки, традиции, область применения

Галина Альбертовна Корнишина

*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Обрядовая сфера этнической культуры традиционно является предметом изучения этнологии. В последние десятилетия появились новые позиции исследования этого круга проблем, среди которых особое место занимает понимание того, что обрядность в современных условиях – один из важных идентификационных факторов. Это особенно актуально для мордвы, в среде которой довольно быстрыми темпами развиваются ассимиляционные процессы. Цель исследования – выявить истоки, ритуальные функции, первоначальное и современное значения в обрядности мордовского народа огня и его производных (золы, угля, дыма и т. п.).

Материалы и методы. Методологической базой работы явились такие традиционные методы, как сравнительно-исторический и историко-генетический. Они позволили основательно изучить исследуемые явления и с помощью логических и эвристических технологий реконструировать тенденции развития изучаемого объекта. Применялись также методы полевых исследований и анализ историографических трудов и источников.

Результаты исследования и их обсуждение. Отмечается, что область применения огня и его производных была весьма обширна: они выполняли функции оберегов, могли использоваться в качестве лечебных средств, объединять участников ритуальных действий. Такое широкое ритуальное использование огня было тесно связано с солярным культом, т. е. восприятием его как небесной стихии, которая может оказывать воздействие на жизнь людей. Материальным отражением солярного культа были священные свечи – штатолы. Они связывались с образом верховного мордовского бога Шкай-Нишке, который и сам считался солнечным божеством.

Заключение. Ритуальные функции огня в обрядовой культуре мордвы постепенно трансформируются: к настоящему времени практически исчезли магические ритуалы с пламенем костров и домашним очагом, а их место заняли церковные свечи, которые используются во многих современных обрядах. Результаты исследования могут быть полезны для более полного понимания эволюции традиционного мировоззрения мордовского народа, его связей с другими этносами, а также отдельных аспектов его духовной и материальной культуры.

Ключевые слова: мордва, обрядовая культура, солярный культ, Шкай-Нишке, покровители огня, ритуальные костры, штатолы, домашний очаг

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Корнишина Г. А. Огонь в обрядовой культуре мордвы: истоки, традиции, область применения // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 203–213. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.203-213>

Введение

Этническая культура (в особенности ее обрядовая сфера) традиционно является предметом изучения этнологии. В последние десятилетия появились новые позиции исследования данного круга проблем, базирующиеся на понимании того, что обрядность, которая сохраняет в своей структуре весьма архаичные элементы, позволяет проследить процесс этногенеза определенного народа, эволюцию его мировоззрения, межэтнические контакты. Кроме того, обряд-

ность в современных условиях – важный идентификационный фактор, что особенно актуально для мордвы, в среде которой довольно быстрыми темпами идут ассимиляционные процессы.

В обрядовой культуре мордвы до настоящего времени сохраняются рудименты почитания природных стихий (огня, воды, земли). Традиционно они выполняли разнообразные ритуальные функции, а во время проведения церемоний, как правило, соче-

тались, образуя единый комплекс, становясь взаимосвязанными, как в природе.

Цель данного исследования – выявление истоков, первоначального и современного значений в обрядности мордовского народа огненной стихии и ее производных (зола, угля, дыма и др.), рассмотрение их ритуальных функций.

Обзор литературы

В XIX – начале XX в. о роли природных стихий в обрядности мордвы говорили многие исследователи. В первом монографическом издании «Очерки мордвы» П. И. Мельников, описывая систему дохристианских воззрений терюхан (этническая группа мордвы, проживавшая в пределах Нижегородской губернии), упоминает солярное божество, непосредственно связанное с огненной стихией. Он называет его Ши-паз (Чи-паз), то есть солнечный бог, и объединяет его образ с одним из главных мордовских божеств Нишке-пазом, или Инечи-пазом [1]. И. Н. Смирнов в своей монографии «Мордва» также отмечает это божество, считая его верховным богом мордвы [2].

Об обрядовых функциях огня упоминают в своих сочинениях К. Митропольский, В. Н. Майнов, А. Ф. Можаровский, М. Е. Евсевьев и др. Можаровский отмечал, что во время молянов нижегородская мордва применяла огонь, добываемый посредством трения. Его считали священным и надеялись с его помощью уберечь себя, животных, посевы от различных бедствий [3]. Одним из первых об использовании так называемого «живого» огня еще в XVIII в. писал И. И. Лепехин [4]. О его ритуальном использовании также говорили в своих трудах А. Н. Минх и Х. Паасонен [5; 6].

Исследователи рубежа XIX–XX вв. отмечали еще один вид ритуального огня, а именно огонь от священных свечей – «штатолов». М. Е. Евсевьев и Уно Харва подчеркивали их связь с солярным культом, магией плодородия и лечебной магией [7; 8]. Способы их изготовления и внешний вид подробно описал в своей работе В. Н. Майнов [9]. Тему ритуальных функций штатолов затрагивали также Н. И. Дубасов, К. Макарий, Д. Н. Орлов [10–12].

В контексте изучения обрядовой культуры мордвы данной тематики в своих работах касались этнографы Н. Ф. Мокшин и Е. Н. Мокшина, фольклористы Т. П. Десяткина и Н. Г. Юрченкова, искусствовед В. С. Брыжинский и др. [13–16]. Исследователи анализировали эволюционные изменения, происходящие с этим элементом ритуалов на протяжении определенного исторического периода.

Материалы и методы

В качестве источников для написания статьи были использованы полевые материалы автора и фольклорные тексты. Методологической базой работы являются сравнительно-исторический и историко-генетический методы. Сравнительно-исторический метод позволяет основательно изучить исследуемые объекты и с помощью применения логических и эвристических технологий реконструировать тенденции их развития. Историко-генетический метод дает возможность выявить истоки появления и дальнейшую трансформацию свойств и функций элементов обрядовой культуры и наметить дальнейшие перспективы их существования. Также в работе применялись методы полевых исследований и анализ историографических трудов и источников.

Результаты исследования и их обсуждение

Поклонение огненной стихии было важным компонентом культуры практически всех народов. У мордвы до настоящего времени сохраняются некоторые проявления данного явления. Как непосредственно сам огонь, так и пепел, угли, дым продолжают применяться во многих мордовских ритуалах.

Почитание огня берет свое начало со времен поклонения солнцу. Недаром вплоть до XX в. у мордвы существовал обычай, согласно которому во время моления люди обращали свои лица на восток. Двери в традиционном мордовском жилище также прорубались на восточной стороне. Нижегородский и Алатырский епископ И. Дамаскин, исследователь мордвы, отмечал, что «двери мордвы, чуваш и черемис направлены на восток, и как только первые солнечные лучи попадали через дверное окошечко

вовнутрь помещения, люди вставали на колени и молились» [17, с. 171].

Одним из древнейших материальных воплощений солнца, который часто использовался в различных ритуалах, было колесо. Колеса фигурировали в обрядах, непосредственно связанных с солярным культом и проводившихся в дни зимнего и летнего солнцеворота. Например, в период масленичных гуляний в мордовских селениях изготавливали карусель, которая символизировала солнце с распростертыми лучами. Основой карусели была большая ось, ее вставляли в кучу снега, а сверху закрепляли колесо от телеги. На него устанавливали длинную жердь, по обоим концам которой привязывали сани. В них садились девушки или дети, а парни вращали колесо, приводя таким образом карусель в движение [18].

В последний день масленичной недели в некоторых регионах проживания мордвы колесо, которое надевали на жердь и обматывали соломой, провозили на санях по селу, а затем поджигали его. В этом случае оно служило символом зимы, как и широко распространенные соломенные чучела. Кроме того, горящие колеса, также обмотанные соломой, во время Масленицы и Пасхи скатывали с гор. В. Я. Пропп полагал, что эта церемония обозначала зарождение «нового» солнца, которое способствовало наступлению весны, возрождению природы, плодородию земли [19, с. 85–86].

Постепенно поклонение небесному светилу заменилось почитанием солнечных божеств. В мифологии многих народов именно они считались создателями мира и всех его обитателей. Таким представляла солнечного бога и мордва (Шкай, Шкабаваз – м.; Инешке паз, Чи паз – э.¹). Поклонение ему происходило ежедневно. Оно выражалось, например, в стремлении людей не «задеть» каким-то образом солнечные лучи: не принято было наступать на солнечные блики на полу, чтобы не «наступить» на ноги Инешке-паза; во время купания остерегались переплывать через отражение солнца в воде, чтобы не повредить его «бороду» [20, с. 13–14].

Во время молений к этому богу (среди всех божеств) обращались в первую очередь,

но ему одному молились довольно редко. Обычно такие моления устраивались перед началом или после окончания значимых моментов сельскохозяйственного календаря, т. е. перед посевной и после окончания уборки урожая. В это время Нишке-пазу обычно приносили жертвы и просили даровать благополучие, здоровье, хорошую погоду. Известный исследователь мордвы В. Н. Майнов, побывавший на подобной церемонии в с. Палаевка Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне Рузаевский район Республики Мордовия), пишет, что жители селения молили Шкаю: «*Восходящий, заходящий и вращающийся ши баваз, дай нам дождя, хорошей погоды и тихого ветра*» [8, с. 131].

В обрядовой практике мордвы наиболее древними формами использования непосредственно огня являлись костры. Их было принято разжигать во время таких важных событий, как весеннее и осеннее равноденствие, Новый год, Пасха, Крещение, Масленица и т. д. Костры непременно зажигали и во время общественных молянов. Люди верили, что огонь ритуальных костров обладает сакральной силой, в том числе он может благоприятно воздействовать на урожай. Недаром хозяева во время Рождества зажигали от пламени костров свечку, которую приносили в дом. Там они молились над ней о благоприятной погоде и хорошем урожае: «*Пусть родится хлеб, пройдет сквозь камень, теплый дождичек его польет, теплый ветер обдует*». В древности возник и обычай приношения даров ритуальному огню. Во время обряда его руководители кидали в костер хлеб, мясо, соль, при этом они говорили: «*Поднимающийся дым, прими нашу жертву!*» [8, с. 429]. Все присутствующие наблюдали, как горят принесенные дары, и по интенсивности горения старались угадать, приняли ли высшие силы их жертву.

Дары подносили не только огню, но и его покровителям – Тол-аве и Тол-ате. В качестве жертвы им обычно предназначались курица или петух красной или коричневой окраски. Обязательной для этих божеств была жертва во время пожаров. Чтобы огонь

¹ м. – мокшане; э. – эрзяне.

скорее погас, в пламя кидали яйцо-болтун или яблоко, которое первым срывали на Преображение. Этим же божеств просили вылечить ожоги. Обращаясь к Тол-ате, которого представляли в образе человека в красной одежде или в образе красного петуха, молили:

*«Ожог от огня,
Боль от огня
Клювом клюнь,
Лапами смахни,
Ногтями соскреби...»* [21, с. 231].

Ритуальные костры считались также надежными оберегами от всяческих бед и несчастий. В пламя крещенских костров, которые разжигали после окончания святочных гуляний, бросали маски, изготавливаемые молодежью для обхода домов своих односельчан. Этот обряд назывался сжиганием масок (харь) ряженных – «пултамо харянь прят». Он символизировал прощание с бедами и несчастьями старого года, а также и с потусторонними силами, которые, по народным поверьям, были наиболее «активны» в период Святков и которых изображали ряженные. Это подтверждают слова, произносимые во время данной церемонии с обращением к детям: *«Теперь уж не бойтесь, хари сожгли, их головы в огне»*².

Огонь использовался как охранительная сила и в других обрядах. Например, чтобы защитить новорожденного от потусторонних сил, его держали над костром, который разводили из мусора, собранного на берегу. Считалось, что злые ведуны опасаются этого дыма и не тронут младенца. С целью уберечь себя от соприкосновения со смертью мордва разводила костры во время проведения так называемых «больших» поминок, которые устраиваются через 40 дней после смерти человека. Их разжигали на могиле или во дворе дома покойного, вокруг костров проносили еду, приготовленную для поминальной трапезы, через костры перепрыгивали или обходили их вокруг. Отголоском подобных обрядов можно считать обычаи, которые проводятся во время похоронно-поминальных церемоний в настоящее время, а именно окуривание

ладаном или богородской травой помещения, где происходит церемония.

Огонь также выполнял функцию оберега во время первого весеннего выгона скота на пастбище. В это время было принято весь деревенский скот прогонять через специально сделанные земляные валы или овраг, по бокам их обязательно зажигали костры. Полагали, что их пламя, во-первых, очищает животных от болезней, во-вторых, помогает сохранить их от всяческих несчастий во время их нахождения на выпасе. По мере того, как в среде мордовского народа стало укрепляться православие, ритуальные костры стали заменять свечами и иконами [20].

Надо отметить, что специальные ритуальные свечи – штатолы – использовались в обрядности мордвы издревле. Они ассоциировались с образом солнечного божества Шкая-Нишке. Согласно мифологическим воззрениям, именно он преподнес людям первый штатол. Ритуальные свечи считались вечными, так как после каждого использования в них добавляли новую порцию воска, которую хозяева пасек обязательно выделяли для этой цели во время первого сбора меда.

Штатолы были разной формы и величины в зависимости от их предназначения. Обычно они напоминали сахарную голову с плоским верхом. Такая форма была обусловлена способом изготовления свечи в деревянных кадках или берестяных туесах, куда клали воск и уплотняли его пестом. Таким образом, они принимали контуры своей емкости. Также бытовали штатолы в форме спирали, конец которой загибали вверх, чтобы удобней было его зажигать. Подобные свечи удобно было прикреплять к посуде, бревнам избы, косякам дверей и ворот. Гораздо реже использовались штатолы в виде восковой лепешки, в которую при молении втыкали монеты [10; 2].

Самыми большими были общинные свечи, на которые воск жертвовали все жители общинного социума. Полагали, что если кто-то из домохозяев не присоединится к этому, то его семье грозят несчастья. Фитили для подобных свечей изготавливали из

² РФ НИИ ГН. Описание обычаев, обрядов, свадьбы в мордовских селах (извлечения из архива М. Е. Евсевьева). Л-52. С. 16.

нитей, которые тоже приносили хозяйева каждого сельского дома. Вследствие этого в общинных штатолах количество фитилей соответствовало количеству крестьянских хозяйств [20]. Ритуальные свечи были также у каждого родственного коллектива (патронимии) и половозрастной группы, члены которых и поставляли воск для их изготовления. Так, на моление взрослых женщин – бабань каша – воск приносили женщины, на девичий праздник в честь Варма-авы – девушки, на моление в честь бога грома (Пурьгине озкс) – молодые парни [9].

К священным свечам относились с большим почтением. Они хранились в особых помещениях, откуда доставались лишь во время ритуальных действий. В обычные дни к ним нельзя было даже прикасаться, чтобы не навлечь несчастий на общину или патронимию. О почитании штатолов свидетельствует тот факт, что во время проведения женских братчин, когда свечи нужно было переместить из одного дома в другой, их не просто переносили на руках, а «перевозили» на своеобразных «лошадях». В качестве них использовали изогнутые палки – алашат, люлямкат [7, с. 358].

В конце XIX в. штатолы стали уходить из быта мордвы, вместо них стали использоваться церковные свечи. Просветитель и исследователь культуры своего народа М. Е. Евсевьев отмечал, что в мордовском селе Волгапино Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Ковылкинский район Республики Мордовия) в начале XX в. только пять патронимий из одиннадцати смогли сохранить свои старинные штатолы [7].

Штатолы, а позже и церковные свечи, были составной частью ритуалов, которые устраивались с целью обеспечить плодородие полей, плодовитость людей и домашних животных, благополучие семьи. Дело в том, что воск, из которого были изготовлены свечи, являлся продуктом деятельности пчел. Пчелы же в мордовской мифологии были символом плодовитости. Пчелиная Матка (Мекш-ава), согласно преданиям, обитает на так называемом мировом дереве (обычно яблоне), ветви которого упираются в небо, а корни раскиданы по всей земле. Воск из пчелиных сот стекает к корням дерева, а за-

тем распространяется по всей земле, даруя ей плодородие. Именно из этого воска якобы и изготавливались штатолы:

«Яблоня, яблоневое дерево, красивое дерево, Яблоня, яблоневое дерево, садовое дерево... Ой, по листьям (ее) воск скатывается... Воск падает для яркой свечки» [22, с. 13–114].

Штатолы, вставленные в фонари, носили с собой участники обряда обхода домов в день Рождественского сочельника. Они исполняли ритуальные песни-колядки, в которых желали хозяевам успехов в хозяйственных делах, здоровья и радости всем членам семьи в наступающем году. Если свеча в фонаре по какой-либо причине гасла, это считалось предвестником несчастий как в отдельно взятых семьях, так и в целом крестьянском обществе [1; 20]. Штатолы обязательно использовали на моляне, проводившемся перед началом весенних полевых работ в каждом доме. Хозяева молились о благополучии всех семейных и о хорошем урожае: *«Кормилец воск, вот настал твой праздник; все мы собрались к тебе с хлебом-солью; дай нам здоровья и хорошую жизнь. Пусть уродится у нас хлеб и размножится скот»* [7, с. 348].

Применяли ритуальные свечи и в обрядах жизненного цикла. Благословляя свою дочь на счастливую замужнюю жизнь, ее отец передавал ей зажженный штатол, с которым она была на венчании. После приезда в дом мужа новые родственницы молодой жены опускали свечу в стакан с пивом, желая новобрачным веселой жизни [1]. Жених во время венчания также держал в руках зажженную свечу, которую затем его отец забирал домой, ее устанавливали в переднем углу, и она горела на протяжении всего свадебного пира [9]. Свечи обязательно зажигали во время моления, устраиваемого на новоселье (од кудонь озкс). Хозяйка перед ними молила богов о благополучии семьи в новом жилище:

*«Господи, кормилец, прими нас!
Не пугайся, не сердись.
Юрт-ава с нами,
Здесь теперь будем жить»* [23, с. 83].

Определенные ритуальные функции отводились штатолам и в похоронно-поминальной обрядности. Их зажигали во время похорон, чтобы обеспечить умершему человеку

благоприятное существование в загробном мире. Свечи или лампадки до настоящего времени оставляют гореть в доме покойного до 40 дней. По народным поверьям, это помогает его душе найти дорогу домой.

Использовали штатолы также в очистительных целях. Ими окуривали гроб перед укладыванием в него тела умершего человека, обводя его три раза в направлении движения солнца. Во время свадебной церемонии с горящей свечой или лучиной стряпухи обходили вокруг пирогов, которые пекли для участников свадебного поезда. Родственницы невесты окуривали дымом сундук с ее приданым [7]. Священные свечи обязательно фигурировали на молениях, которые проводились с целью избавления от моровых болезней. Их несли впереди участников так называемых «опахиваний» селений, которые призваны были создать магическую преграду для эпидемий, наносивших вред людям и домашнему скоту. Чтобы защититься от несчастий, хозяева проносили штатолы вокруг своих домов перед Пасхой.

Поклонение огню проявлялось в традиционной культуре мордвы и посредством почитания печи, которая была центром традиционного жилища. Согласно мифологическим воззрениям мордвы, именно под печью было обиталище покровительницы дома Куд-авы. В связи с этим здесь устраивались ритуалы, которые должны были обеспечить благополучие семье. Например, для того чтобы приобщить новорожденного к семейному коллективу, а также получить для него покровительство божеств дома и семейного очага, повитуха после обмывания младенца клала его на лежанку печи. При этом она молила богов о долгой и счастливой жизни ребенка [23].

Печь фигурировала и в свадебном цикле. Именно у печки невеста выполняла обряд прощания с родным домом. Здесь же подруги и родственницы просватанной девушки передавали поезжанам приданое, которое давали за нее родители. В доме родителей мужа молодую также вели к печке, где она должна была «познакомиться» с по-

кровителями своего нового дома и очага. При этом приговаривали: «*Каитом-ава, матушка! Молодую взяли, будет теперь перед тобой ходить, полюби ее!*» [7, с. 285]. Молодая жена должна была поклониться и попросить богиню печи во всем помогать ей. Здесь же невеста брала на руки ребенка, все присутствующие желали молодым супругам завести много детей.

Печь была центром ритуалов, которые знаменовали собой закрепление молодой женщины в семейном коллективе мужа. И. И. Лепехин оставил сведения о том, что до того времени, когда в среде мордвы утвердилось православие, именно возле печки происходило заключение брачного союза: «По входе невесты в дом, дружка, поставя жениха и ее спинами к печи и держа перед ними хлеб и соль, при всем собрании делает им о сохранении супружеского союза вопросы, которые, отвечая ему на оные, клянутся друг другу наивсегдашнюю верностью...» [4, с. 172].

Возле печки проводили и так называемый обряд «прикармливания». Его выполняла мать молодого мужа, которая кормила молодую из своих рук, приговаривая: «*Как печь из избы не выходит, так чтобы и ты не выходила*». Молодая женщина при этом старалась не двигаться, положив свои руки на шесток печи. После этого действия свекровь надевала на сноху головной убор замужней женщины. Его было принято подавать через дымовое отверстие над печью [9, с. 84–85]. Таким образом нового члена семьи символически «прикрепляли» к дому, центром которого являлся домашний очаг.

Печь выполняла и функции оберега. До недавнего времени у мордвы сохранялся обычай смотреть в печь после возвращения с похорон. Делали это для того, чтобы обезопасить себя от соприкосновения со смертью. М. Е. Евсеев пишет, что люди, пришедшие с кладбища, при этом обращались к покровительнице печи со следующими словами: «*Каитом-ава матушка, возьми со своим дымом печаль моего сердца*»³. У печки проводили и обряды, которые были направлены на защиту домашних животных. Если

³ РФ НИИ ГН. Описание обычаев, обрядов, свадьбы в мордовских селах (извлечения из архива М. Е. Евсеева). Л-52. С. 34.

какое-то из них терялось во время пастьбы, то хозяйка вечером оставляла в печке опрокинутый чугунок. При этом она говорила: *«Каменный двор сделаю для лошади (или коровы, овцы), железным забором загорожу, чтобы ее волки не съели, чтобы она далеко не ушла»*. Это повторялось каждый вечер, пока животное не найдется [22, с. 87].

Печь часто использовали в лечебной обрядности. Когда младенец плохо спал, много плакал, то его подносили к печке, предварительно открыв заслонку, и просили Каштом-аву исцелить его:

*«Сбереги его, когда он пьет,
Сбереги его, когда он ест,
Сбереги его, когда он спит»*⁴.

При лечении детей от сглаза ведунья клала на шесток определенное количество лыковых отрезков и лучинок, зажигала их и некоторое время держала над дымом этого импровизированного костра больного дитя. При этом она произносила следующие слова: *«Кошка (или другое животное), бери хворь ребенка»*. У многих народов, как и у мордвы, был распространен так называемый обряд «припекания» новорожденного. Его проводили в тех случаях, когда младенец рождался слабым, плохо рос, не мог ходить и т. п. Он мог совершаться по-разному. В одних случаях в теплую печь на капустные листья клали тесто, при этом исполнитель этого действия говорил: *«Болезнь припекаю, ребенка ходить пускаю»*. Могли на хлебной лопате в печь поместить и самого больного ребенка, причем иногда его также обмазывали тестом⁵.

Магические функции приписывались не только самому пламени, но и углям, золе, тлеющим головням. Они применялись во время очистительных и лечебных обрядов. Так, хорошим лечебным средством считался настой золы, а горячие угли использовались для излечения животных. Для этого хозяйка ночью обходила с горшком горящих углей дом и двор [24].

Зола и угли считались хорошими защитными средствами. Недаром на порог

нового дома перед заселением насыпали золу – таким образом старались перекрыть проникновение в избу потусторонних сил. В качестве оберегов зола и угли использовались для отпугивания колдунов, которые могли навредить маленьким детям. Для этого их в течение 40 дней после рождения младенца помещали на подоконники и порог избы. Данные производные огня в качестве защиты от смерти применяли и в похоронной обрядности. Когда гроб с телом умершего поднимали с лавки, чтобы вынести его из дома, на лавку насыпали из горнушки золы [22, с. 89]. После ее старались зарыть в землю, причем в потаенном месте, чтобы на него никто не наступил. Это делалось для предохранения людей от болезни. Участников похорон и поминок нередко заставляли переступать через горшок с углями, чтобы их не коснулось влияние смерти. Вероятно, этот обычай пришел на смену древнему ритуалу – очищению с помощью пламени костров.

Угли в апотропеических целях использовали и в обряде встречи новобрачных в доме жениха. Под ноги молодым бросали плоску с горячими углями, чтобы уберечь их от порчи. Впоследствии магический смысл этого действия был забыт и оно стало одним из увеселительных моментов свадебного цикла. Родственники жениха следили за тем, каким образом невеста отталкивала от себя посуду с углями. По силе удара судили о характере молодухи.

Заключение

В традиционной культуре мордвы имело место обожествление огня, что было тесно связано с солярным культом. Издревле для того, чтобы обеспечить благосклонность этой стихии, ей даровали ритуальную пищу, напитки и др. Так проявлялось преклонение именно перед огненной стихией, а не перед божествами-покровителями.

Почитание огня предопределило его широкое ритуальное применение, которое

⁴ ЦГА РМ. Черновые записи М. Е. Евсевьева. Мордовская свадьба записана в селе Подлесная Шентала Самарской губернии. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 42. Л. 41 об.

⁵ РФ НИИ ГН. Беляева Н. Ф., Корнишина Г. А., Лузгин А. С. Отчет об этнографической экспедиции по Куйбышевской области в 1984 г. И-1125. С. 28.

было довольно разноплановым. Издревле огонь наделялся магической способностью поддерживать плодородие земли и плодovitость людей и животных. Данные убеждения возникли из-за утилитарных свойств золы повышать плодородие полей. В связи с этим утвердились поверья в то, что все составные части пламени имеют благодатную силу. Недаром повсеместно был распространен магический обряд раскидывания по пашне головней от костров, перепрыгивания через их пламя. Широко бытовал также обычай окуривания дымом людей и животных, чтобы обеспечить их здоровье.

Огонь применялся и в очистительных обрядах, когда использовались его обеззараживающие и очищающие свойства. Подобные ритуалы проводили, как правило, перед началом нового времени года, нового хозяйственного цикла, перемен в личной жизни людей. В это время старались очиститься как физически, так и духовно, защитить себя и окружающее пространство от влияния потусторонних сил. При этом нередко проводились реальные действия, как например сжигание старых вещей, мусора.

Кроме того, имели место и иррациональные моменты: уничтожение масок ряженных, ритуальных чучел, человеческих волос. С очистительными обрядами перекликаются лечебные ритуалы. Во время их проведения огонь использовали не только для излечения людей и животных от болезней, но и для попытки прогнать смерть, колдунов и т. п.

Ритуальные функции огня в обрядовой культуре мордвы постепенно трансформируются. К настоящему времени практически не осталось магических ритуалов с пламенем костров и домашним очагом. Их место заняли церковные свечи, которые используются во многих современных обрядах. В тех же случаях, когда на каком-либо празднике жгут костры, это воспринимается не как ритуальное действие, а как зрелищный момент. Редко встречается и обычай окуривания дымом людей, животных, помещений. Изменились и предметы, посредством которых производится это действие. Если традиционно окуривание выполнялось с помощью пучков соломы, факелов, лучин, то сегодня для этого используются ладан или богородская трава.

Исследование обрядовой культуры любого этноса, в том числе и мордвы, имеет большое значение. Изучение локальных традиций дает возможность создать фактологическую базу, которая является основой для углубленного рассмотрения этногенеза народа, а также для реконструкции всей системы культуры этноса. Кроме того, обрядность играет большую роль в сфере консолидации этноса, регулирования устоев народной жизни, что имеет немаловажное значение и в настоящее время. Из практики обрядовой жизни народа можно почерпнуть те ее стороны, которые направлены на воспитание чувства коллективизма, этнической солидарности, толерантности, добрососедства, рационального отношения к экологии, на укрепление семьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. 136 с.
2. Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. 296 с. URL: <http://niign.ru/knigi/smirnov-a.-p.-mordva.pdf> (дата обращения: 02.01.2024).
3. Можаровский А. История образования прихода села Селищ Сергачевского уезда Нижегородской епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1890. № 20. С. 821–827. URL: <http://nnov.ngounb.ru/node/3429?fragment=page-9> (дата обращения: 02.01.2024).
4. Лепехин И. Дневные Записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. 538 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book7645/428020/> (дата обращения: 02.01.2024).
5. Минх А. Н. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии // Этнографическое обозрение. 1892. Т. 15, № 4. С. 116–128. URL: <https://archive.org/details/eo-I-IV-1892> (дата обращения: 02.01.2024).
6. Paasonen H. Mordwinische Volksdishtung. Helsinki, 1941. Bd. 3.

7. Евсевьев М. Е. Историко-этнографические исследования // Избранные труды: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. 552 с.
8. Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 s.
9. Майнов В. Н. Очерки юридического быта мордвы // Записки РГО. СПб., 1885. Т. 14, вып. 1. 267 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/81151> (дата обращения: 05.01.2024).
10. Дубасов Н. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1890. Вып. 1. 225 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book53190/#page/225/mode/1up> (дата обращения: 05.01.2024).
11. Макарий К. Суеверия и обычаи мордвы-мокшан Нижегородской губ. // Нижегородские губернские ведомости. 1849. № 49, 50.
12. Орлов Д. Н. Село Напольное (этнографический очерк) // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Симбирск, 1866. Вып. 2. С. 1–42. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216622> (дата обращения: 05.01.2024).
13. Брыжинский В. С. Народный театр мордвы. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. 168 с.
14. Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006. 332 с.
15. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2005. 531 с.
16. Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009. 411 с. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mifologiya-mordovskogo-etnosa-genezis-i-transformaczii> (дата обращения: 05.01.2024).
17. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 2. 352 с.
18. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Детский фольклор. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1978. Т. 8. 300 с. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/ustno-noztncheskoe-tvorchestvo-mordovskogo-naroda.-tom-8.-detskij-folklor> (дата обращения: 05.01.2024).
19. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 256 с.
20. Mainov W. Les restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. S. 4–291. URL: <https://archive.org/details/aikakauskirjav5/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 05.01.2024).
21. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. Т. 7, ч. 3. 304 с. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/ustno-noztncheskoe-tvorchestvo-mordovskogo-naroda.-tom-7-chast-3> (дата обращения: 05.01.2024).
22. Корнишина Г. А. Экологические воззрения мордвы (религиозно-обрядовый аспект). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 157 с.
23. Корнишина Г. А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 80–85. EDN: PFHZJD
24. Мордва Самарского края: история и традиционная культура. Самара, 2021. 327 с. EDN: DEQPYP

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 13.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Г. А. Корнишина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru

Fire in the Ritual Culture of the Mordovinias: Origins, Traditions, Scope

Galina A. Kornishina

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The ritual sphere of ethnic culture has traditionally been a subject of study in ethnology. In recent decades, new research approaches have emerged in this area, with a particular focus on the understanding that ritual practices in modern contexts serve as important factors of identification. This is especially relevant for the Mordovians, among whom assimilation processes are rapidly progressing. The goal of this study is to identify the origins, ritual functions, and the original and contemporary significance of fire and its derivatives (such as ash, charcoal, smoke, etc.) in the rituals of the Mordvin people.

Materials and Methods. The methodological foundation of the work consisted of traditional methods such as the comparative-historical and historical-genetic approaches. These methods allowed for a thorough examination of the phenomena under study and, using logical and heuristic techniques, enabled the reconstruction of development trends of the object being studied. Additionally, field research methods and the analysis of historiographical works and sources were employed.

Results and Discussion. It is noted that the use of fire and its derivatives was quite extensive: they served as protective charms, could be used as remedies, and united participants in ritual actions. This widespread ritual use of fire was closely linked to the solar cult, i.e., the perception of fire as a celestial element capable of influencing human life. The material manifestation of the solar cult was the sacred candles known as shtatolas. These candles were associated with the image of the supreme Mordovian god, Shkay-Nishke, who was himself considered a solar deity.

Conclusion. The ritual functions of fire in the ceremonial culture of the Mordvins are gradually transforming: by the present time, the magical rituals involving bonfire flames and the domestic hearth have almost disappeared, replaced by church candles used in many modern ceremonies. The results of this research may be useful for a more comprehensive understanding of the evolution of the traditional worldview of the Mordvin people, their connections with other ethnic groups, and certain aspects of their spiritual and material culture.

Keywords: Mordovians, ritual culture, solar cult, Shkai – Nishke, fire deities, ritual fires, sacred candles – shtatols, hearth

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Kornishina G.A. Fire in the Ritual Culture of the Mordovinias: Origins, Traditions, Scope. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):203–213. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.203-213>

REFERENCES

- Melnikov P.I. (Andrey Pechersky). [Essays on the Mordovinians]. Saransk; 1981. (In Russ.)
- Smirnov I.N. [Mordva. Historical and Ethnographic Essay]. Saransk; 2002. Available at: <http://niign.ru/knigi/smironov-a.-p.-mordva.pdf> (accessed 02.01.2024). (In Russ.)
- Mozharovsky A. [History of the Formation of the Parish. Selishch Sergachevsky District Nizhny Novgorod Diocese]. *Nizhegorodskiyeparkhial'nyye Vedomosti*. 1890;(20):821–827. Available at: <http://nnov.ngounb.ru/node/3429?fragment=page-9> (accessed 02.01.2024). (In Russ.)
- Lepekhin I. [Day Notes of the Travel of Doctor and Academy of Sciences Adjunct Ivan Lepekhin in Different Provinces of the Russian State, 1768 and 1769]. Saint-Petersburg; 1771. Available at: <https://runivers.ru/lib/book7645/428020/> (accessed 02.01.2024). (In Russ.)
- Minkh A.N. [Molyans and Rituals of the Mordovinians of the Saratov Province]. *Etnograficheskoye Obozreniye*. 1892;15;(4):116–128. Available at:

- <https://archive.org/details/eo-I-IV-1892> (accessed 02.01.2024). (In Russ.)
6. Paasonen H. Mordwinische Volksdishtung. Helsinki; 1941. (In Germ.)
  7. Yevsev'yev M. [Historical and Ethnographic Studies]. Izbrannyye Trudy. 1966. Vol. 5. (In Russ.)
  8. Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki; 1952. (In Germ.)
  9. Mainov V.N. [Essays on the Legal Life of the Mordvinians]. In: Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. Saint-Petersburg; 1885. Vol. 14, issue 1. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/81151> (accessed 05.01.2024). (In Russ.)
  10. Dubasov N.I. [Essays on the History of the Tambov Region]. Tambov; 1890. Issue 1. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book53190/#page/225/mode/1up> (accessed 05.01.2024). (In Russ.)
  11. Makariy K. [Superstitions and Customs of the Mordvinians-Mokshas of the Nizhny Novgorod Province]. In: Nizhegorodskiye Gubernskiye Vedomosti. 1849. No. 49; 50. (In Russ.)
  12. Orlov D.N. [The Village of Napolnoye (Ethnographic Sketch)]. In: Materialy dlya Istorii i Statistiki Simbirskoy Gubernii. Simbirsk; 1866. Issue 2. Available at: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216622> (accessed 05.01.2024). (In Russ.)
  13. Bryzhinsky V.S. [Mordvinian People's Theater]. Saransk; 1985. (In Russ.)
  14. Devyatkina T.P. [Mythology of the Mordvinians]. Saransk; 2006. (In Russ.)
  15. Mokshin N.F., Mokshina E.N. [Mordva and Faith]. Saransk; 2005. (In Russ.)
  16. Yurchenkova N.G. [Mythology of the Mordvinian Ethnos: Genesis and Transformations]. Saransk; 2009. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mifologiya-mordovskogo-etnosa-genezis-i-transformaczii> (accessed 05.01.2024). (In Russ.)
  17. [Documents and Materials on the History of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Saransk; 1940. Vol. 2. (In Russ.)
  18. [Oral and Poetic Creativity of the Mordovian People. Children's Folklore]. Saransk; 1978. Vol. 8. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/ustno-noztncheskoe-tvorchestvo-mordovskogo-naroda.-tom-8.-detskij-folklor> (accessed 05.01.2024). (In Russ.)
  19. Propp V.Ya. [Russian Agrarian Holidays]. Saint-Petersburg; 2022. (In Russ.)
  20. Mainov W. Lez restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingissa; 1889. Available at: <https://archive.org/details/aikakauskirjav5/page/n5/mode/2up> (accessed 05.01.2024). (In French)
  21. [Oral and Poetic Creativity of the Mordovian People. Calendar-Ritual Songs and Spells]. Saransk; 1981. Vol. 7; p. 3. Available at: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/ustno-noztncheskoe-tvorchestvo-mordovskogo-naroda.-tom-7-chast-3> (accessed 02.01.2024). (In Russ.)
  22. Kornishina G.A. [Ecological Views of the Mordvinians (Religious and Ritual Aspect)]. Saransk; 2008. (In Russ.)
  23. Kornishina G.A. House and Ritual in the Traditional Culture of Mordva. *Russian Journal of the Humanities*. 2012;(2):80–85. (In Russ.) EDN: PFHZJD
  24. [Mordva, Samara Region: History and Traditional Culture]. Samara; 2021. (In Russ.) EDN: DEQPYP

Submitted 09.07.2024; revised 06.08.2024; accepted 13.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

G. A. Kornishina – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru

Образ мужчины в хантыйских сказках: психолингвистический аспект

Маргарита Степановна Выхрыстюк

*Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета,
Тобольск, Россия*

Софья Владимировна Онина

*Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск, Россия*

Инна Валентиновна Ковязина

*Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета,
Тобольск, Россия*

Введение. В научной статье сказки, представленные на хантыйском языке, впервые стали предметом психолингвистического анализа личностных особенностей мужчины. Исследование осуществлялось посредством создания характероцентричного портрета мужчины как центрального персонажа художественного дискурса своего народа. Цель исследования – дать психолингвистическую характеристику индивидуальных мужских качеств на основе текстов хантыйских сказок.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты хантыйских народных сказок «Ас тыйикиты-вум вер» («Происхождение Ас тыйики»), «Меҥкикетра Ајрӧхӱҕе» («Менги великаны и Ай пухлэ»); а также авторские сказки «Вӱсхӧ ай Хилы» («Младший внук купца») и «Иэтӧнхӧтӧд пӧлдк пух» («Мальчик с той стороны, где солнце всходит...»), «Касумикипутрат» («Рассказы старого ханты»), «ЛерПухие» («Мальчик Корешок»). Методологической основой исследования послужили принципы системности и историзма, согласно которым художественный текст рассматривался как источник многообразной многоуровневой информации с позиций единства содержания и формы. В работе интегрированы лингвистиколингвистические и функционально-стилистические подходы, составляющие в совокупности лингвотекстологический анализ литературных памятников. В связи с этими направлениями в исследовании применены описательный с приемами (наблюдением, сопоставлением, классификацией, обобщением) и сопоставительный методы (при сопоставлении тематической целостности корпуса художественных текстов); при анализе личностных особенностей мужчины использовались структурно-семантический и метод компонентного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Посредством анализа психолингвистических средств репрезентации образа мужчины в хантыйских народных и авторских сказках выявили, что мужчина – это глава большой семьи, защитник, добытчик, хозяин дома, рыбак и охотник, без которого в особых климатических условиях женщине с детьми трудно выжить; хантыйский мужчина наделен рядом этнических, социальных, исторических и географических особенностей, которые, с одной стороны, неразрывно связаны с его языком, а с другой – обусловлены психологическими проявлениями.

Заключение. В научной статье впервые представлен психолингвистический анализ личностных особенностей собирательного образа мужчины в хантыйских народных сказках посредством создания характероцентричного портрета художественного персонажа как объекта художественного дискурса, наделенного особыми качествами. Результаты исследования вносят вклад в науку с помощью интегрированного подхода к историко-лингвистическому исследованию мужского образа в хантыйских сказках с позиции психолингвистики и литературоведения.

Ключевые слова: психолингвистика, хантыйский язык, сказки народов ханты, мужской образ, характеристика личности мужчины, внешняя речь, внутренняя речь, психолингвистическая характеристика, репрезентация, характероцентричный портрет

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Выхрыстюк М. С., Онина С. В., Ковязина И. В. Образ мужчины в хантыйских сказках: психолингвистический аспект // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 214–225. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.214-225>

Введение

Проблема психолингвистического описания особенностей образа мужчины в хантыйских народных сказках посредством создания характероцентричного портрета художественного персонажа и выявления его роли в литературном произведении интересует многих ученых-филологов.

Исследователи полагают, что портрет – одна из главных частей, составляющих художественный образ (совокупность нескольких характеристик персонажа). Портрет художественного персонажа включает в себя описание его внешних особенностей (черт лица, возраста, фигуры, роста, звучания голоса, одежды, позы, мимики, жестов, походки и др.), внутренних качеств (характера, поступков, отношения к людям, привычек), поскольку в лингвистических исследованиях анализ статического портрета персонажа предполагает обращение к портрету динамическому.

Хантыйские сказки как фольклорный жанр заслуживают особого внимания исследователей, поскольку отражают внутренний мир народа, его духовные ценности, устанавливают связь с прошлым, а современная эпоха меняет жизненный уклад хантыйцев. Сохранение и пропаганда хантыйской культуры – важная часть сохранения культуры России в целом, это обуславливает актуальность изучения фольклора данного народа.

Обзор литературы

В работах, посвященных исследованию портрета персонажей, затрагиваются вопросы формирования и развития портретного описания [1–3]; разработки его типологии [4–6]; выявления его структурно-синтаксических и лингвистических особенностей [7; 8]; способов речевого создания образов [9]; принципов художественного описания собирательного образа мужчины-ханты [10]; интерпретации образов героев

в художественных произведениях народов севера в культурологическом аспекте [11; 12].

В отечественной науке сложился целый ряд подходов к анализу и интерпретации межличностных отношений в художественном дискурсе. Так, И. В. Ковязина исследовала особенности общения детей с ограниченными речевыми возможностями [13]; исследования И. И. Муллонена и Е. В. Захаровой посвящены взаимоотношению людей, проживающих на одной территории [14]; особенности поведения людей определенных социальных прослоек изучали В. А. Образцов и С. Н. Богомолова [15]; образ человека в югорском языковом сознании освещен С. В. Ониной и М. С. Выхрыстюк [10; 16]; авторский замысел на основе взаимоотношения главных героев в художественном тексте был раскрыт Г. С. Сырицей [3]. В зарубежной науке межличностным отношениям людей посвящали свои работы Л. Р. Дускаева и Ю. М. Коняева [17], Э. Т. Холл [18], Магта Хильда [19], Ф. Нарзуллаева [20], В. Штейниц [21] и др.

Материалы и методы

Материалом исследования являются тексты как хантыйских народных сказок «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики»)¹, «Мер̄кикетра Ајр̄о̄х̄ле» («Менги великаны и Ай пухлэ»)², так и авторских «Вўсхэ ай Хилы» («Младший внук купца»), «Иэтэнхэтэл пэлэк пух» («Мальчик с той стороны, где солнце всходит...»)³, «Касумикипутрат» («Рассказы старого ханты»)⁴, «ЛерПухие» («Мальчик Корешок»)⁵.

Для получения объективных выводов использовались описательный и сравнительный методы исследования. При анализе личностных особенностей мужчины в хантыйских народных сказках применялись структурно-семантический и метод компонентного анализа.

¹ «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики») // Земля кошачьего локотка. Кань Кунш Одән / сост. Тимофей Молданов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 230 с.

² Сказки, песни полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. Ханты-Мансийск; Ижевск : ООО «Принт-2», 2016. 344 с.

³ Сказки народа ханты: ханты ёхмношчат / сост. Е. Е. Ковган, Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар; под ред. Е. А. Немысовой, Е. К. Скрибник. СПб. : Алфавит, 1995. 143 с.

⁴ Сенгепов А. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). СПб. : Просвещение, 1994. 175 с.

⁵ Сказки народов Севера / сост. Е. Н. Самойлова; пер. на хант. язык Е. А. Нёмысова. СПб. : Алфавит, 1995. 160 с.

По мнению Т. В. Волдиной, «историко-культурный анализ как метод исторической реконструкции науки включает в себя конструктивный и контекстуальный аспекты» [4, с. 761]. В процессе изучения подобных источников авторы придерживались принципа историзма, т. е. предмет исследования, под которым подразумевается процесс изучения культуры хантыйского народа, рассматривался на определенном историческом этапе.

Результаты исследования и их обсуждение

Психолингвистический анализ личностных особенностей героя-мужчины в хантыйских народных сказках позволяет нарисовать портретную характеристику собирательного образа мужчины, описать его внутренний мир, круг интересов, род занятий, отношение к людям, к семье, определить его роль в обществе.

Мужчина является главным героем каждой хантыйской сказки. Представим словесный портрет его внешности с учетом того, что в сказках практически не встречается подробное описание его внешности, чаще знакомство с главным героем происходит через указание на возраст и положение в обществе: *рих* ‘мальчик, сын’, *хи, iki* ‘мужчина, муж’, *аси* ‘отец’, *urti* ‘дядя (по матери)’, *јај* ‘брат’, *pirs iki* ‘старик’, *чили* ‘внук’, *лехи* ‘племянник’, *χοtkuša* ‘хозяин дома, хозяин тайги, богатырь-мудрец’ и др.

В сказках часто отсутствует описание лица мужчины (мальчика, мужа, сына, брата), отсутствуют совсем или предельно кратко описываются признаки его внешности. Так, в сказке «Лер Пухие» («Мальчик Корешок») находим: «...*Ин Лерпухие сора энумтыпитас. Күртыя дояс, ким етмас. Лүвсэхтэданед на эхэд верас, тутьюхсэвэрл на хота луңадтэд. Мощнеамтэд вэн*» («... стал мальчик Корешок быстро расти. Вот он уже на ножки встал, во двор вы-

скочил. Сам мастерит себе лук и стрелы, колет дрова и в дом несет. Не налюбуется на него Маньсь Нэ») ⁶.

В сказке «Вүсхэ ай Хилы» («Младший внук купца») так описывается главный герой: «*Мет вэн хяэд ими таяс, щята хайцас. Щиты хув вэсат, ванн вэсат, имудтыян, ин ай ики денкем ванкьядты питас, шешиядты питас. Щиты вэс, вэс, камн яңты питас, хэхатьдята питас*» («У старшего брата была жена, и у нее родился мальчик. Долго жили, коротко жили, через некоторое время стал ползать, из дома наружу стал выходить, бегать стал») ⁷.

В тексте сказки «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики») описание главного героя такое: «*Ими хидылэнки ци энмэдтасы имел имийн. Щадта вэна йис, на ци яңхэд хэдум хонтарка кирман*» («Ими хилы рос у тети, когда вырос, стал ездить на трех оленях») ⁸.

В сказке «Меңк икет ра Ај рөхлэ» («Менги великаны и Ай пухлэ») дается следующее описание: «<...> *imeңan-ikeңan wosһan, i pөх täjsәһan. ŠāAlta pөх әnemәAtsәLәn, wөrmәAtәsLәn, wөna ši jis*» («<...> жили муж с женой, один сын у них был. Сына растили, окреп, возмужал, вырос») ⁹.

В сказке «Иэтэнхятэд пэлэк пух» («Мальчик с той стороны, где солнце всходит») говорится: «*Адрэн хятэд пэлэкэн вөдты ики нух ци вердэс. Щи шувалдэдэ: пухэд ци вөнэт хойа йис, тут йүх сэвэрэд, йиңк төл*» («Мужчина, живущий на той стороне, где солнце всходит, как-то раз проснулся и увидел: сын его такой большой стал, дрова рубит, воду носит») ¹⁰.

Мужчина-ханты предъявляет к себе высокие требования, в сказках он наделен высоким чувством ответственности. Подтверждение этому находим в тексте «Касум ики путрат»: «*Ситы си пәшиас ов хонаң атэлт, ольмум лук иты, лольлюм. Тывелт-тухэлт тәп вантыйллум, нумсэмн манат лываттуман*» («Так и около изгороди (караля)

⁶ Сказки народов Севера / сост. Е. Н. Самойлова; пер. на хант. язык Е. А. Нёмысова.

⁷ «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики») // Земля кошачьего локотка. Кань Кунш Олән / сост. Тимофей Молданов.

⁸ Там же.

⁹ Сказки, песни полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. Ханты-Мансийск; Ижевск : ООО «Принт-2», 2016. 344 с.

¹⁰ Сказки народов Севера / сост. Е. Н. Самойлова; пер. на хант. язык Е. А. Нёмысова.

один стою, как заснувший (=с застывшим взглядом) глухарь. Оглядываюсь туда-сюда, в душе сам себя ругаю») [4; 6].

Как уже было отмечено, в хантыйских народных сказках не придавалось особого значения внешности мужчины. Более полно и всесторонне раскрыты его внутренние качества.

Внутренний мир мужчины богат и многогранен. Мужчина в хантыйских сказках всегда силен, ловок и вынослив, поскольку является добытчиком, хозяином в семье. Так, в сказке «Лер Пухие» («Мальчик Корешок») находим: «*Лер Пухие сесэт вортл, картсесы омәсл, юхи юхәтадн кәмн вой тәл*» («Только один Корешок ставит силки и капканы на зверей и всегда возвращается с добычей») ¹¹.

При описании мужчины, юноши и даже мальчика используются прилагательные «сильный», «смелый», «храбрый» или «отважный», например: в сказке «Иэтәнхәтәд пэләк пух» («Мальчик с той стороны, где солнце всходит») сороке пришлось по душе смелость охотника Мощ хо (Мужчины-сказки), отправившегося за невестой за незамерзшее море Андрап: «*Щәлтәкбәсәңайис, нух доләмтәс, сүхәмпәхләд щи вуцкәслә. Щивәлтпәдә щи хәхәлмәс*» («Тут он стал сильным, встал, бросил клубок ниток. И следом за ним побежал») ¹².

В сказке «Лер Пухие» («Мальчик Корешок») герой вырос не только трудолюбивым, но и догадливым, смысленным. Однажды Лер Пухие попадает в злые руки дочери лесной колдуньи, однако его не пугает злодейка, которая все, что он добывает, отдает своим ленивым сыновьям: «*Вәнт ими ям тәхиләд лүв пухләдә мәдә, Лерпухие щиты щи шәкатдә*» («А лесная колдунья отдает лучшие куски родным сыновьям, сама ест, Корешку оставляет что похуже») ¹³. Лер Пухие, догадавшись, что

злая колдунья – не его мать, сбежал от нее. Долго ли, коротко ли искал, но нашел и накормил свою мать Маньсь Нэ: «*Хот даңда хәңхәс, щухал вүс хүват нюхең пүт ил әсләс. <...> Ләрие әнт верәтәс ов кимпийн долдыты па ов щи пүшсәлэ*» («Влез он осторожно на крышу и спустил через трубу в дом котелок с мясом. <...> Корешок не мог больше стоять за дверью и открыл ее. Так освободил свою мать Маньсь Нэ от злой дочери колдуньи») ¹⁴. В сказке «Няние» («Хлебушко») описывается, как Икилэ съел хлебушко и стал «самым сильным и умным»: «*Икилэ нянь лавэмәс па мет юрәңа па ушаңайис*» ¹⁵.

Однако сказки народов ханты показывают, что мало обладать силой и ловкостью, главное – быть умным и мудрым. Так, в сказке «Иэтәнхәтәд пэләк пух» («Мальчик с той стороны, где солнце всходит») говорится, что только герою-мудрецу с добрыми намерениями удастся заслужить будущую нареченную жену, а в сказке «Адәңхәтәд пэләкәви» («Девочка с той стороны, где солнце садится») повествуется о сильном и добром юноше, сумевшем заслужить счастье: «*Тбрәм хон омсәм сорньәң пәсана ин хо шай йәньщи омсәм. <...> Щи щүньәнән ин тәмхәтәд вәнта омәсдәңән*» («За золотой стол, поставленный Небесным царем, сел тот мужчина чай пить. <...> С тем счастьем до сегодняшнего дня они сидят») ¹⁶.

Часто при описании мужчины в сказках подчеркивается его трудолюбие. Так, в сказке «Няние» («Хлебушко») в характеристике главного героя находим: «*Яңхәл-яңхәл, йухлүйухатәд, тайумсүхләд пәлатдәдә, имәдәньухи, хүл, вой сүх тул – па вәнтамәнәл*» («Ездит-ездит, приедет домой, сменит износившуюся обувь и одежду, привезет жене мясо, рыбу, шкурки убитых зверей – и снова в лес») ¹⁷. В сказке «Хилы

¹¹ Сказки народов Севера / сост. Е. Н. Самойлова; пер. на хант. язык Е. А. Нёмысова.

¹² Сказки народа ханты: ханты ёхмноъчат / сост. Е. Е. Ковган, Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар; под ред. Е. А. Нёмысовой, Е. К. Скрибник.

¹³ Сказки народов Севера / сост. Е. Н. Самойлова; пер. на хант. язык Е. А. Нёмысова.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сказки, песни полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова.

¹⁶ Сказки народа ханты: ханты ёхмноъчат / сост. Е. Е. Ковган, Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар; под ред. Е. А. Нёмысовой, Е. К. Скрибник.

¹⁷ Сказки, песни полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова.

па питы сӑм Аки» («Хилы и Аки черное сердце») читаем: «<...> *йулӑн ант опсас – сӑсылӑд вантӑс*» («<...> не сидел дома – он проверял ловушки») ¹⁸.

Хантыйские мужчины трудились с раннего утра, круг их обязанностей был связан с добычей промыслового зверя (это и продукты питания, и шкуры для изготовления одежды). Они, как правило, занимались охотой и рыболовством, но если возникала угроза их близким, народу, то они выполняли также роль воинов. Так, в сказке «Няние» («Хлебушко») описываются основные мужские занятия: «<...> *унтӑн вой велда, йуханӑнхӑл велда* <...>» («<...> в лесу добывал зверя, в реке ловил рыбу <...>») ¹⁹. В сказке «Лер Пухие» («Мальчик Корешок») описывается, что сынок Маньсь Нэ – отрада матери – то в лес бежит собирать ягоды, то «*Лерпухуетухӑл тӑхумӑл па юхи ар хӑл тӑл*» («Один Корешок закидывает невод и приносит много рыбы») ²⁰.

В сказке «Сорни Вош» («Золотой город») главный герой Микуль свой народ от плена спас: «*Именӑн-икенӑн пух ӑн уша версӑлӑн. Йӑхтад хуват вӑна па юрӑца ювмад. Микуль путартӑс хӑты меңкӑт эвалт нӑх питӑс па хӑятӑта ньотӑс*» («Узнали старик со старухой своего сына. Подрос и окреп он в дальних странствиях. Рассказал им Микуль, как трех великанов победил и людей из неволи спас») ²¹.

Анализируя содержание хантыйских сказок, отметим, что мужчина обладал такими качествами, как человеколюбие, взаимопомощь и справедливость. Эти черты героев вызывают у читателя уважение и восхищение. Так, в сказке «Няние» («Хлебушко»), подчеркивается, что герой Икилэ «<...> *хуятӑт хӑйца сӑмӑн*» («был добр к людям») ²². Главный герой сказки «Хилы и Аки черное сердце» вместе со своей бабушкой «были самые добрые,

и поэтому земля и воды не жалели своих даров для них, солнце им дни освещало, луна – ночи, людское зло не трогало их сердца» – «*Мет самӑнӑн, мет вецкатӑн востӑн. Па Тӑрӑм Аңкийӑн, Тӑрӑм Ащий ӑн ат шавилайтӑн, и похнӑм тылӑн нуви, и похнӑм хӑтлӑн нуви Тӑрӑм ӑн ат тӑйлайтӑн*» («Они были самые добрые и справедливые. И пусть Небесная мать и Небесный отец хранят их, и пусть всегда им светят Луна и Солнце») ²³.

Анализируя сказки народа ханты, можно создать словесный портрет настоящего мужчины: это сильный и смелый добытчик (рыболов или охотник), хозяин дома, чаще среднего роста, работающий, удачливый, обладающий ловкостью, честный, мудрый, независтливый, заботящийся о женщинах и детях, внимательный к окружающим, бесхитростный, почитающий стариков, уважающий обычаи предков, при необходимости воин, защитник своей семьи и своего народа.

Внешнему облику мужчины в сказках не уделяется большого внимания, поскольку для коренных жителей крайнего севера, тем более для мужчин, внешность не имела большого значения – гораздо более значимыми выступали качества, которые позволяли выживать в суровых природных условиях.

При психолого-лингвистической характеристике собирательного образа мужчины в хантыйских сказках особую роль играет внешняя и внутренняя речь персонажа. Одними из основателей изучения психолингвистического портрета героя через звуковую информацию и письменный текст являются Дж. Дуглас и М. С. Майрон, которые доказали, что с помощью аналитических психолингвистических приемов можно выявить спе-

¹⁸ «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики») // Земля кошачьего локотка. Кань Кунш Олӑн / сост. Тимофей Молданов.

¹⁹ Сказки, песни полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова.

²⁰ Сказки народов Севера / сост. Е. Н. Самойлова; пер. на хант. язык Е. А. Нёмсыова.

²¹ «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики») // Земля кошачьего локотка. Кань Кунш Олӑн / сост. Тимофей Молданов.

²² Сказки, песни полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова.

²³ «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики») // Земля кошачьего локотка. Кань Кунш Олӑн / сост. Тимофей Молданов.

цифические признаки личности, описать аспекты окружающей ее среды, а также некоторые факторы, влияющие на ее поведение и деятельность [15]. Следовательно, при анализе внутренней и внешней речи можно определить многое: место проживания, среду обитания, пол, возраст, особенности личности (мотивацию, характер, эмоциональное состояние, возможные нарушения и пр.), специфику поведения и деятельности.

В работах ученых находим подтверждение того, что речь тесно связана с психической жизнью личности, с ее проявлениями, и, прежде всего, с ее интеллектом [13]. Так, В. Вундт утверждает, что «душевная жизнь находит в себе, по большей части, адекватное выражение во внешних явлениях, отражающих эту душевную жизнь, прежде всего в явлениях речи, представляющей собою одновременно и средство выражения, и орган мышления» [8, с. 77].

В сказках народа ханты женщина и мужчина наделены и внешней, и внутренней речью, которая имеет свои специфические особенности. Мужчина, имеющий неоспоримое преимущество и главенствующую роль в доме и обществе, в сказках нередко описывается совместно со своей спутницей жизни, женой или матерью. В диалогах между мужем и женой, матерью и сыном, бабушкой и внуком явно прослеживается уважение мужчины к старшему поколению и женщинам. Так, главный герой Хилы в сказке «Хилы и Аки черное сердце» обращается к своей бабушке за советом: «*Вона йўвэм ими, Вортяң мўв, Вортяң төрэм вөләпса лакатты хўн рәхәд?*» («Има, ты старый и мудрый человек, скажи, кто может нарушить закон предков?»)²⁴. Несмотря на то, что хантыйский мужчина в сказках, как и в жизни, обладает исключительными правами в семье, племени, общении с духами, мы наблюдаем, что дома он проявляет терпение и уважение к женщине, прислушивается к ее советам, обсуждает с ней дела насущные, возникшие непри-

ятности на рыбалке или охоте. По роду их деятельности мужчина – охотник, рыболов и добытчик, а женщина – хранительница семейного очага, помощница своего мужа, воспитательница детей. Реплики жены своему мужу в сказке «Ветер-Вот» показывают главенствующее положение женщины: «*Мўйа датдыйухатсан? <...> Вот икивуйты па нухвуи. Нәңикийтвөддән?*» («Почему пришел без муки? <...> Найди Ветра-Вот. Отними, ты – мужчина!» – приказала жена)²⁵.

Особое место занимает в текстах сказок внутренняя речь. Внутренний диалог с самим собой позволяет много понять о личности, ее устремлениях, мотивации, представлении о себе и мире. Особенно ярко данный феномен представлен в художественном слове, народных сказках и сказаниях, которые передавались из уст в уста.

Рассмотрим некоторые аспекты общего психолингвистического анализа фрагментов внутренней и внешней речи мужчины ханты. Следуя теории одного из популярных зарубежных психологов, представителей психоанализа и разработчика трансактоного анализа Э. Берна [7], рассмотрим эго-состояния мужчины-героя в народных сказках. Анализируя позиции, предложенные Э. Берном, можно свидетельствовать о том, что мужчина ханты в народных сказках относится преимущественно к эго-состоянию «Взрослый». Данная позиция характеризуется рассудительностью, логичностью высказываний, разумно выстроенным взаимодействием с окружающими. Например, в сказке «Хилы па питы сәм Аки» («Хилы и Аки черное сердце») так описывается работа внутренней речи главного героя: «*Ин Хилы паннэ пөндад хуца йухтәс <...> па нумасәд: пөндам вантумәт па хўддам нўх вуйумәт*» («Пришел Хилы к своей налимьей ловушке, <...> думы и мысли отгоняет, которые подсказывают ему недоброе: кто-то только что проверил морды и всю рыбу взял»)²⁶.

²⁴ «Ас тыйикитывум вер» («Происхождение Ас тыйики») // Земля кошачьего локотка. Кань Кунш Олән / сост. Тимофей Молданов.

²⁵ Сенгепов А. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). СПб. : Просвещение, 1994. 175 с.

²⁶ Там же.

Во внешней речи иногда наблюдаем и позицию «Родителя», включающую предубеждения, попытку довлеть над окружающими, критичность и заботу, например в сказке «Мойтнынг»: «*Анта! – куца йастӕс. – Нӕҕхӕйцӕдӕн. Долмахюканатилӕн*» («Нет! – ответил хозяин. – Ты останешься. Будешь служить мне, как рысь и россомаха») ²⁷. В сказках эго-состояние «Ребенок» у мужчины ханты встречается по отношению к самому себе. Такова внутренняя речь охотника, главного героя сказки «Ветер-Вот»: «*Ай-ай, ӕлмацӕслы мӕнэм, хӕтацкепа, хом вухсар ики...*» («Ай-ай, обманул меня, наверное, хитролицый...»), «*Тӕммасэсэм*» («Эта ловушка моя...»), «*Вухсар икен хуца хойдум... Нэмалты ант йастылум*» («Остановлюсь у хитролицего. Молчать буду, как рыба молчит») ²⁸.

Мужчина ханты в сказках обладает сильным типом темперамента – в основном представлен собирательный образ мужчины-флегматика. Чаше речь мужчины размеренна, медлительна, немногословна, что говорит о его интровертированности. Над восклицанием преобладает повествование, в речи отсутствуют яркие эмоциональные всплески, она менее экспрессивна, наблюдаются паузы. Поскольку интроверт менее эмоционален, то во внутренней и внешней речи присутствуют эмоциональная устойчивость и уравновешенность. Мужчина спокойно и рассудительно коммуницирует в различных жизненных ситуациях. Так, в сказке «Дер Пухие» («Мальчик Корешок»), когда Корешок узнает, что та, с кем он живет и на кого работает, – вовсе не его мать, а лесная колдунья, он не проявляет импульсивности и агрессии, а размышляет о том, что ему теперь делать, после чего берет лыжи и отправляется куда глаза глядят ²⁹. Так, даже в конфликтных ситуациях, когда мужчина встречается с несправедливостью, во внешней и вну-

тренней речи наблюдаем уравновешенность и настойчивость.

Восклицательные и побудительные предложения характерны для мужчины-сангвиника. Например, в сказке «Хилы па питы самэң Аки» («Хилы и Аки черное сердце»), когда Хилы увидел, как Аки обворовывает его, он воскликнул: «*Ивлап-аслап! Аки, нӕҕней елэм антум па сэсэт вантты? Питы самен ӕн хӕд педатудайн! <...> Нӕйӕн-вӕртӕн вецкат ат туд!*» («Ивлап-аслап! Не стыдно тебе, Аки, чужие ловушки проверять? Вот на какие дела ведет тебя черное сердце! <...> Хорошо, приведи своего Торума, пусть он докажет») ³⁰.

В хантыйских народных сказках мужчина близок к своей традиционной культуре и духовно-нравственной основе человека, который живет и выживает в суровых климатических условиях.

Заключение

В хантыйских сказках главный герой предстает перед читателем трудолюбивым, терпеливым, сильным и смелым человеком. Кроме того, это мужчина спокойный, рассудительный, уравновешенный и выдержанный, который может месяцами пропадать на охоте и рыбалке, что указывает на наличие сильного типа темперамента, близкого к флегматичному.

Таким образом, в научной статье впервые представлен психолингвистический анализ личностных особенностей собирательного образа мужчины в хантыйских народных сказках посредством создания характероцентричного портрета художественного персонажа как объекта художественного дискурса. Изучение речевого общения главного героя позволило позиционировать его как сильного и смелого добытчика и защитника членов своей семьи, внимательного и надежного мужа, сына, внука, брата.

²⁷ Сенгепов А. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты).

²⁸ Там же.

²⁹ Сказки народов Севера / сост. Е. Н. Самойлова; пер. на хант. язык Е. А. Нёмысова.

³⁰ Сенгепов А. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеева Ю. Интраперсональная коммуникация. Психологический и лингвистический аспекты. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2017. 198 с. URL: <https://www.rsl.ru/4readers/rooms/> (дата обращения: 19.03.2024).
2. Сироткина Т. А., Ганущак Н. В. Этнические образы ханты и манси в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 279–285. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>
3. Сырица Г. С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект. М. : Флинта, 2014. 160 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000006497/ (дата обращения: 19.03.2024).
4. Волдина Т. В. Культ родовых духов-покровителей как основа организации жизненного пространства в традиционной культуре северных групп обских угров // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы : сб. ст. по мат-лам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Ижевск : Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 493–496. EDN: **MRXDYW**
5. Волдина Т. В. Изучение хантыйского фольклора в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в первые десятилетия XXI в. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 4. С. 760–773. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-4-760-773>
6. Сизова К.Л., Григорьева И. А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. № 1. С. 48–71. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6279>
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / пер. с англ. А. Грузберг. М. : Эксмо, 2014. 576 с. URL: <https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/02/Bern-E.-Igrы-v-kotorye-igrayut-lyudi.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
8. Вундт В. Этика: принципы нравственности. Области нравственной жизни. М. : ЛИБРОКОМ, 2019. 264 с.
9. Мальцева О. А. Семантико-стилистическая интерпретация словесного портрета и повторной номинации в художественном прозаическом тексте. Л., 1986. 168 с.
10. Онина С. В., Выхрыстюк М. С. Образ человека в югорском национально-культурном языковом сознании // Актуальные проблемы гуманитарных наук: история и современность. М. : Москов. междунар. ун-т, 2018. С. 243–265.
11. Вежбицкая А. А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
12. Динисламова О. Ю. Соматические фразеологизмы как компонент фразеологической картины мира мансийского языка (на фоне русского) // Тенденции развития науки и образования. 2022. Т. 84, № 4. С. 83–88. <https://doi.org/10.18411/trnio-04-2022-163>
13. Ковязина И. В. Особенности эмоционального слуха у детей с общим недоразвитием речи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2010. 213 с.
14. Муллонен И. И., Захарова Е. В. Прибалтийско-финские термины с семантикой «расселение» в историко-культурной перспективе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 671–680.
15. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2002. 448 с. URL: https://bookap.info/genpsy/obraztsov_kriminalisticheskaya_psihologiya/ (дата обращения: 19.03.2024).
16. Csepregi M., Onina S. Observations of Khanty Identity: The Synya and Surgut Khanty // Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Helsinki, 2011. P. 341–356. URL: <http://hdl.handle.net/10831/107417> (дата обращения: 19.03.2024).
17. Duskaeva L. R., Konyaeva Yu. M. Types of Information Portrait in Journalistic Discourse // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2017. Vol. 9, № 4. P. 131–143.
18. Hall E. T. The Hidden Dimensions of Time and Space in Today's World // Cross-Cultural Perspectives in Nonverbal Communication. Toronto : GRIN Verlag, 1988. P. 145–152.
19. Matte Hilda. A Contrastive Study of German and Egyptian-Arabic Phraseological Units with Somatic Components // PROVERBIUM. 2022. № 39. P. 142–172. <https://doi.org/10.29162/pv.39.1.61>
20. Narzullayeva F. English Phraseological Units with Somatic Components // Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. 2020. № 1. P. 29–31.
21. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie. Berlin : Akademie-Verlag, 1980. Vol. IV. 499 p.
22. Schinkel A. The Educational Importance of Deep Wonder // Journal of Philosophy of Education. 2017. Vol. 51, № 2. P. 538–553. <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12233>
23. Piégay-Gros N. Gros Introduction a l'Intertextualit. URL: https://www.researchgate.net/publication/278779810_Introduction_a_l'Intertextualit (дата обращения: 19.03.2024).
24. Matvieieva O. Linguistic Features of Artistic Text and Methods of Introducing the Portrait Description // International Scientific Journal "Internauka". 2018. Vol. 1, № 50. P. 72–75. URL: <https://paper.researchbib.com/view/paper/177083> (дата обращения: 19.03.2024).
25. Hämäläinen N., Karhu, H, Vuorikuru S. Suullisen perinteen ja kirjallisuuden rajoilla // Satuperinteestä nykyrunoon: Suullisen perinteen ja kirjallisuuden yhteyksiä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2019. P. 21–50. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, № 1446). 326 p. URL: <https://kirjat.finlit.fi/EN/page/product/satuperinteesta-nykyrunoon/2445473> (дата обращения: 19.03.2024)

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 14.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

М. С. Выхрыстюк – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (626150, Российская Федерация, г. Тобольск, ул. Знаменского, д. 58), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>, m.s.vykhrystyuk@utmn.ru

С. В. Онина – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Югорского государственного университета (628012, Российская Федерация, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-993X>, oninas@yandex.ru

И. В. Ковязина – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социального образования Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (626150, Российская Федерация, г. Тобольск, ул. Знаменского, д. 58), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2243-6692>, inna-kovyazina@mail.ru

The Image of a Man in Khanty Fairy Tales: Psycholinguistic Aspect

Margarita S. Vykhristyuk

*D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute,
branch of the University of Tyumen,
Tobolsk, Russia*

Sofya V. Onina

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia*

Inna V. Kovyazina

*D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute,
branch of the University of Tyumen,
Tobolsk, Russia*

Introduction. The scientific article presents, for the first time, an analysis of fairy tales in the Khanty language as a subject of psycholinguistic analysis of male personality traits. The analysis was conducted by creating a character-centered portrait of the man as the central figure in the artistic discourse of the Khanty people. The aim of the study is to provide a psycholinguistic characterization of the individual qualities of the man based on the texts of Khanty fairy tales.

Materials and Methods. The study is based on texts from Khanty folk tales such as “As Tyiikityvum Ver” (“The Origin of As Tyiik”) and “Менгикетпа Ајпöхле” (“Mengki, the Giants, and Aj Pukhle”), as well as authorial tales like “Výsxo ay Khily” (“The Merchant’s Youngest Grandson”), “Ietenkhätel Pelyak Pukh” (“The Boy from Where the Sun Rises...”), “Kasumikiputrat” (“Stories of an Old Khanty”), and “LerPukhie” (“Boy-Koryeshok”). The methodological foundation of the research is based on the principles of systematicity and historicism, which view the literary text as a source of diverse, multi-level information from the perspective of the unity of content and form. The study integrates linguistic source analysis and functional-stylistic approaches, which together constitute a linguo-textological analysis of the works. In line with these approaches, descriptive methods (including observation, comparison, classification, and generalization) and comparative methods (in comparing the thematic integrity of the corpus of literary texts) are used in the research. Structural-semantic and component analysis methods were employed when analyzing the personal characteristics of men.

Results and Discussion. Through the analysis of psycholinguistic and stylistic means of representing the image of a man in Khanty folk and authored tales, it was found that a man is depicted as the head of a large family, a protector, a provider, the master of the house, a fisherman, and a hunter, without whom it would be difficult for a woman with children to survive in the harsh climatic conditions. The Khanty man is endowed with a range of ethnic, social, historical, and geographical characteristics that, on the one hand, are inextricably linked to his language, and on the other, are influenced by psychological manifestations.

Conclusion. The scientific article presents, for the first time, a psycholinguistic analysis of the personal characteristics of the collective image of a man in Khanty folk tales through the creation of a character-centric portrait of an artistic figure as an object of artistic discourse. The research results contribute to the field by applying an integrated approach to the historical-linguistic study of the male image in Khanty tales from the perspectives of psycholinguistics and literary studies. The psycholinguistic analysis of the personal characteristics of the collective male image in Khanty folk tales allowed for the creation of a character-centric portrait of a figure as an object of artistic discourse, endowed with unique qualities.

Keywords: psycholinguistics, fairy tales of the Khanty peoples, male images, characterization of a man’s personality, external speech, inner speech, psycholinguistic characteristics, representation, character-centric portrait, Khanty language

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Vykhristyuk M.S., Onina S.V., Kovyazina I.V. The Image of a Man in Khanty Fairy Tales: Psycholinguistic Aspect. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):214–225. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.214-225>

REFERENCES

---

1. Sergeeva Yu. [Intrapersonal Communication. Psychological and Linguistic Aspects]. Moscow; 2017. 198 p. Available at: <https://www.rsl.ru/ru/4readers/rooms/> (accessed 19.03.2024). (In Russ.)
2. Sirotkina T.A., Ganushchak N.V. Ethnic Images of Mansi and Khanty in Regional Fiction. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(2):279–285. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>
3. Syritsa G.S. [Actualization of Author's Meanings in a Literary Text. Linguistic and Poetic Aspect]. Moscow; 2014. 160 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000006497/ (accessed 19.03.2024). (In Russ.)
4. Voldina T.V. [Cult of Clan Patron Spirits as a Basis of Organization of Living Space in the Traditional Culture of the Northern Groups of the Ob-Ugric Peoples]. In: [Finno-Ugric World in the Multi-Ethnic Space of Russia: Cultural Heritage and New Challenges. Collection of Articles Based on Materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Scholars]. Izhevsk; 2019. p. 493–496. (In Russ.) EDN: **MRXDYW**
5. Voldina T.V. Study of Khanty Folklore in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the First Decades of the XXI Century. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(4):760–773. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-4-760-773>
6. Sizova K.L., Grigoryeva I.A. Fragility of Labor and Employment in the Modern World. *Sociological Journal*. 2019;(1):48–71. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6279>
7. Bern E. [Games that People Play. People who Play Games]. Moscow; 2014. 576 p. Available at: <https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/02/Bern-E.-Igrы-v-kotorye-igrayut-lyudi.pdf> (accessed 19.03.2024). (In Russ.)
8. Vundt V. [Ethics: Principles of Morality. Areas of Moral Life]. Moscow; 2019. 264 p. (In Russ.)
9. Maltseva O.A. [Semantic-Stylistic Interpretation of a Verbal Portrait and Re-Nomination in a Prose Literary Text]. Leningrad; 1986. 168 p. (In Russ.)
10. Onina C.V., Vykhristyuk M.S. [The Image of a Person in the Ugra National-Cultural Linguistic Consciousness]. In: [Actual Problems of the Humanities: History and Modernity. Collective Monograph]. Moscow; 2018. p. 243–265. (In Russ.)
11. Vezhbitskaya A.A. [Understanding Cultures through Keywords]. Moscow; 2001. 288 p. (In Russ.)
12. Dinislamova O.Yu. [Somatic Phraseological Units as a Component of the Phraseological Picture of the World of the Mansi Language (Against the Background of Russian)]. *Trends in the Development of Science and Education*. 2022;84(4):83–88. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18411/trnio-04-2022-163>
13. Kovyazina I.V. [Features of Emotional Hearing in Children with General Speech under Development: Abstract of Dissertation ... Cand.Sci. (Psycholog.)]. Nizhniy Novgorod; 2010. 213 p. (In Russ.)
14. Mullonen I.I., Zakharova E.V. Baltic-Finnish Terms with the Semantics of «Settlement» in Historical and Cultural Perspective. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(4):671–680. (In Russ., abstract in Eng.)
15. Obraztsov V.A., Bogomolova S.N. [Forensic Psychology]. Moscow; 2002. 448 p. Available at: https://bookap.info/genpsy/obraztsov_kriminalisticheskaya_psihologiya/ (accessed 19.03.2024). (In Russ.)
16. Csepregi M., Onina S. Observations of Khanty Identity: The Synya and Surgut Khanty. In: Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Helsinki; 2011. p. 341–356. Available at: <http://hdl.handle.net/10831/107417> (accessed 19.03.2024).
17. Duskaeva L.R., Konyaeva Yu.M. Types of Information Portrait in Journalistic Discourse. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2017;9(4):131–143.
18. Hall E.T. The Hidden Dimensions of Time and Space in Today's World. In: Cross-Cultural Perspectives in Nonverbal Communication. Toronto; 1988. p. 145–152.
19. Matte Hilda. A Contrastive Study of German and Egyptian-Arabic Phraseological Units with Somatic Components. *PROVERBIUM*. 2022;(39):142–172. <https://doi.org/10.29162/pv.39.1.61>
20. Narzullayeva F. English Phraseological Units with Somatic Components. *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*. 2020;(1):29–31.
21. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie. Berlin; 1980. Vol. IV. 499 p. (In Germ.)
22. Schinkel A. The Educational Importance of Deep Wonder. *Journal of Philosophy of Education*. 2017;51(2):538–553. <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12233>
23. Piégay-Gros N. Introduction a l'Intertextualit. Available at: https://www.researchgate.net/publication/278779810_Introduction_a_l'Intertextualit (accessed 19.03.2024). (In Fren.)
24. Matvieieva O. Linguistic Features of Artistic Text and Methods of Introducing the Portrait Description. *International Scientific Journal "Internauka"*. 2018;1(50):72–75. Available at: <https://paper.researchbib.com/view/paper/177083> (accessed 19.03.2024).
25. Hämäläinen N., Karhu, H, Vuorikuru S. Suullisen perinteen ja kirjallisuuden rajoilla // Satuperinteestä nykyrunoon: Suullisen perinteen ja kirjallisuuden yhteyksiä. Helsinki; 2019. p. 21–50. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, № 1446). 326 p. Available at: <https://kirjat.finlit.fi/EN/page/product/satuperinteesta-nykyrunoon/2445473> (accessed 19.03.2024).

Submitted 09.07.2024; revised 05.08.2024; accepted 14.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Margarita S. Vykhrystyuk – Dr.Sci. (Psychol.), Professor of the Department of Philological Education, D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute, branch of the Tyumen State University (58 Znamensky St., Tobolsk 626150, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>, m.s.vykhrystyuk@utmn.ru

Sofya V. Onina – Dr.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Yugra State University (16 Chekhov St., Khanty-Mansiysk 628012, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-993X>, oninas@yandex.ru

Inna V. Kovyazina – Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Education, D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute, branch of the Tyumen State University (58 Znamensky St., Tobolsk 626150, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2243-6692>, inna-kovyazina@mail.ru

Теория ритма в трудах Е. В. Гиппиуса и современные подходы к проблеме (на примере удмуртской традиционной музыки)

Ирина Муртазовна Нуриева

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия*

Введение. Автор статьи впервые ставит вопросы о степени преемственности научных идей Е. В. Гиппиуса, возможности соотнесения его научной теории и теории ритмической организации, созданной последовательницей ученого Б. Б. Ефименковой, а также о практической значимости теоретических наработок ученых для удмуртского этномышкетования. Данная проблематика актуальна не только для удмуртской музыкальной фольклористики, сформированной на монументальных идеях Е. В. Гиппиуса, но и для отечественного этномышкетования в целом, поскольку касается вопросов методологии исследования музыки устной традиции. Цель исследования – проанализировать теоретические подходы к проблеме ритмической организации традиционной музыки Е. В. Гиппиуса, Э. В. Эвальд и современных ученых-этномышкетоведов.

Материалы и методы. При анализе теоретических подходов разных ученых к проблеме ритмической организации народной музыки был использован сравнительный метод. Стремление проникнуть в исследовательскую логику, выявить дополнительные смыслы и коннотации в рассуждениях авторов потребовало использования текстологического анализа. Материалом для исследований послужили отечественные научные труды Е. В. Гиппиуса, Э. В. Эвальд, Б. Б. Ефименковой, посвященные проблеме ритма.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование трудов Е. В. Гиппиуса, Э. В. Эвальд показало, что именно удмуртская музыка стала своеобразной научной экспериментальной площадкой для выработки общетеоретических положений ученых, которые Гиппиус развивал в дальнейших трудах. Новаторство его теории заключается, прежде всего, в выделении квантитативной ритмики как самостоятельной ритмической системы. Изучение ритмических систем было продолжено ученицей и последовательницей Е. В. Гиппиуса Бориславой Борисовной Ефименковой, которая создала законченную теоретическую концепцию ритма на материале восточнославянского песенного фольклора. Сравнительный анализ этих двух научных концепций показал, что в исследовании Б. Б. Ефименковой отдельные положения ритмической классификации Е. В. Гиппиуса пересмотрены и представлены в несколько ином виде, что вызывает вопросы и необходимость научной дискуссии.

Заключение. Исследование ритмических типов, проведенное на материале удмуртской традиционной музыки, показало возможность сопоставления научных концепций Е. В. Гиппиуса и Б. Б. Ефименковой и применимость ритмической классификации, разработанной Б. Б. Ефименковой на восточнославянском материале, по отношению к финно-угорской, в частности удмуртской традиционной музыке.

Ключевые слова: удмуртская традиционная музыка, Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд, Б. Б. Ефименкова, квантитативная музыкально-ритмическая система, типология ритма

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нуриева И. М. Теория ритма в трудах Е. В. Гиппиуса и современные подходы к проблеме (на примере удмуртской традиционной музыки) // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 226–236. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.226-236>

Введение

В основу статьи положен анализ исследований Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд, а также работ современных ученых-этномузыковедов по теории ритма. Данная проблематика чрезвычайно актуальна для финно-угорского этномузыковедения, в том числе для удмуртской музыкальной фольклористики, сформированной на монументальных идеях Е. В. Гиппиуса. Оценивается классификация ритмических систем в народной музыке, предложенная различными учеными, делается попытка соотнести теоретические позиции авторов применительно к удмуртской музыкально-песенной традиции.

Обзор литературы

Несмотря на значительное количество научной литературы, посвященной ритмике в традиционной музыке [1; 2], специальные работы, освещающие сравнительный анализ современных теоретических подходов к проблеме выявления природы ритмической организации и ее классификации, в этномузыковедении практически отсутствуют; не проводились и конкретные сопоставительные исследования научных концепций по теории ритма, разработанных Е. В. Гиппиусом и Б. Б. Ефименковой.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили научные труды Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд, Б. Б. Ефименковой, посвященные проблеме ритма в традиционной музыке. Научные концепции авторов рассматривались в сравнительно-сопоставительном аспекте. В качестве добавочного был использован метод текстологического анализа, позволяющий выявить дополнительные смыслы и коннотации в рассуждениях авторов.

Результаты исследования и их обсуждение

В становлении и развитии удмуртской музыкальной фольклористики основополагающую роль сыграли Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд – выдающиеся ученые, стоявшие у истоков отечественного этномузыковедения и глубоко изучавшие музыкальные культуры финно-угорских народов.

В течение многих десятилетий Е. В. Гиппиус внимательно следил за развитием молодой науки в Удмуртии. В конце 1930-х гг. ученый в рамках проводившейся в то время акции поддержки и помощи центра в становлении профессионального искусства в национальных республиках рекомендовал в Удмуртию одного из своих лучших учеников – Н. М. Греховодова, создавшего научную базу и заложившего основу удмуртского этномузыковедения. В 1970-х гг. во время масштабных экспедиций по республикам Волго-Камья на консультацию к Е. В. Гиппиусу приезжал венгерский этномузыковед Ласло Викар, издавший совместно с венгерским лингвистом Габором Берецки в 1989 г. монументальный труд «Votyak Folksongs» (рис. 1) [3]. Евгений Владимирович был также научным руководителем Риммы Аркадьевны Чураковой и редактором изданной ею книги «Удмуртские свадебные песни» [4]. Позднее он консультировал удмуртского фольклориста П. К. Поздеева, этномузыковедов М. Г. Хрущеву, Е. Б. Бойкову (Вершинину).

Рис 1. Ласло Викар и Е. В. Гиппиус (середина 1970-х гг.)

Fig 1. László Vikár and E. V. Gippius (mid-1970s)

Однако решающую роль в формировании научной методологии и определении направления удмуртских исследований сыграл совместный труд Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд «К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни», который заложил фундамент научных исследований удмуртского фольклора [5]. Эта статья долж-

на была статья предисловием к сборнику удмуртских народных песен в запланированной многотомной серии «Песни народов СССР», но война сменила все планы, поэтому она была опубликована отдельно в ученых записках Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удмуртской АССР в 1941 г. очень малым тиражом¹. В широкий научный оборот статья вошла довольно поздно: сборник удмуртских песен вместе со вступительной статьей был опубликован только в 1989 г. [6]², однако сразу получил широкий резонанс, оказав большое влияние на развитие не только удмуртской, но и всей региональной науки. Таким образом, находясь у истоков становления удмуртского этномузыкознания, Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд уже на старте задали высокую планку для последующих исследователей удмуртской музыкальной культуры.

Огромный опыт работы с фольклором разных народов мира, глубокая эрудиция авторов, их высочайший профессионализм определили комплексный подход к анализу удмуртской музыки, которую Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд рассматривают в региональном (южная и северная традиции, «общераспространенные» песни и песни «областных стилистических традиций»), историческом («старый и новый песенный слой») и межнациональном контекстах (связи с марийской, татарской и русской песней).

Перечень вопросов, поднятых Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд в исследовании, достаточно широк: авторы рассматривают жанровую систему удмуртского фольклора, круг поэтических образов, определяют поэтику и ритмику стиха, выявляют генезис и типологию интонационности, ладовую организацию удмуртских песен, описывают формы сольного и хорового исполнения. Впервые была выделена и проанализирована с точки зрения поэтических образов и типа песенной поэтики эпическая традиция, пред-

ставленная повествовательной охотничьей песней. Заключительный раздел посвящен описанию удмуртских музыкальных инструментов (гуслей, чипчиргана, узыгумы), который дополняется отдельной статьей В. М. Беляева «Справка об удмуртских народных музыкальных инструментах».

Удмуртская традиционная музыка впервые получила столь исчерпывающую, глубокую характеристику. Многие научные постулаты, высказанные в работе ученых, не потеряли своего методологического значения и в настоящее время. Но поистине «революционной» идеей считается определение учеными музыкальной ритмики удмуртской песни как квантитативно-стопной, которое наконец раскрыло ритмическую природу удмуртской традиционной песни и дало методологическую установку на тактировку музыкального материала. Именно в этом труде Е. В. Гиппиус впервые использует понятие «исходная музыкально-ритмическая норма» и дает определение квантитативности в удмуртской музыке: «Пропорции временных музыкально-ритмических отношений выдерживаются почти математически точно и являются определяющей закономерностью музыкальной ритмики – ее исходной музыкально-ритмической нормой. Эта исходная норма лежит в основе почти всех разновидностей удмуртских напевов, тогда как музыкальные ударения как ритмически организующий фактор встречаются далеко не во всех их типах. В большинстве разновидностей традиционных песенных напевов музыкальные ударения отсутствуют, и в основе ритмической организации лежат временные музыкально-ритмические пропорции. Для временных музыкально-ритмических пропорций удмуртских народных песен характерна точная соизмеримость долгих музыкальных времен кратким: преобладает отношение 1:2 и 1:4. Краткие музыкальные времена раздробляются также в точном отношении 1:2. Исключения в виде триольных раздроблений встречаются очень редко» [6, с. 21].

¹ Подробная история создания и публикации этого сборника содержится в исследовании Е. А. Софроновой, в которой автор на основе документальных материалов Фонограммархива ИРЛИ представила неизвестные страницы удмуртской фольклористики периода 1930-х гг. [7].

² Второй вариант статьи Е. В. Гиппиус правил сам: он незначительно сократил некоторые разделы, но принципиальные моменты, касающиеся методологии исследования, остались нетронутыми.

Следует отметить, что именно удмуртская музыка стала своеобразной научной экспериментальной площадкой для выработки общетеоретических положений ученого, которые он развивал в дальнейших трудах. Внимательно изучив образцы удмуртского песенного фольклора, записанные по его просьбе в конце 1930-х гг., а также по публикациям того времени, Е. В. Гиппиус апробировал идею о квантитативной ритмике, дал ее развернутое определение, привел многочисленные типовые формы музыкально-ритмических квантитативных формул; здесь же он оттачивал свой метод аналитической нотации, который затем утвердился в отечественном этномузыковедении.

Провозгласив квантитативную ритмику исходной музыкально-ритмической нормой, Е. В. Гиппиус предлагает свою ритмическую классификацию удмуртского песенного фольклора, выявляя в нем два музыкально-ритмических типа: одни напевы основаны на «мелких музыкально-ритмических формулах сопряжений долгих и кратких музыкальных времен (квантитативные музыкальные стопы)», другие состоят «либо из одной, либо из нескольких музыкально-ритмических формул одной определенной ритмической формы; а именно формул из равных кратких музыкальных времен, ритмически тяготеющих к одному или двум музыкальным долгим временам» (рис. 2, 3) [6, с. 23–24]. Судя по приведенным в статье нотным примерам, ученый отнес первый ритмический тип к напевам «областных традиций», тогда как второй ритмический тип оказался более

характерным для «общераспространенных» удмуртских песен, хотя квантитативно-стопные напевы первого ритмического типа там тоже представлены [6, с. 26]. Именно музыкальная ритмика, по мнению Е. В. Гиппиуса, является основным дифференцирующим признаком между «общераспространенными песнями» и «песнями областных традиций», или, переводя на современный терминологический язык, – между популярными и известными по всей Удмуртии поздними песнями и узколокальными архаичными напевами [6, с. 24].

Приведенная классификация вызвала в свое время определенное недопонимание и разногласия среди исследователей удмуртской музыки, поскольку сам термин «тип» предполагает более высокий уровень классификации, в связи с чем второй тип часто понимался как ритмическая система, противопоставленная квантитативной.

Примерно в конце 1940-х гг. Е. В. Гиппиус вновь затрагивает проблематику ритмической типологии, в частности в третьей главе из незаконченной рукописи, посвященной русским лирическим протяжным песням с примечательным названием: «Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, гармонически опосредованный», показав таким образом, что основным дифференцирующим фактором в определении типа ритмической системы является гармония [8]. В этой работе Гиппиус выстраивает грандиозную картину сложных диалектических взаимосвязей «различных систем осмысленного ритма».

Сьодо - шмес шур сьо - ры по - ти но я - лан, дыр,
ут - чась, ай, пун - ны - е ланг - ланг, ай, ка - риз но,
от - чы, ай, у - ро - ме, гон - ды - рез зй - бы - лй.

Р и с. 2. Нотный пример 1. Охотничья песня (1-й ритмический тип)
F i g. 2. Musical example 1. Hunting song (1st rhythmic type)

♩ = 46

А-ра-ма ку-зя вет-лон дырь-ям

сьод су-тэрь-ёс йо-ты-лиз, ой, пинь-ё-сам,

сьод су-тэрь-ёс йо-ты-лиз, ой, пинь-ё-сам.

Р и с. 3. Нотный пример 2. Лирическая песня (2-й ритмический тип)

F i g. 3. Musical example 2. Lyrical song (2nd rhythmic type)

Если очень кратко резюмировать его положения, касающиеся исключительно типологии ритмических систем, то они сводятся к следующему:

1) В своем исследовании Е. В. Гиппиус, используя диахронический метод исследования и считая его первостепенным при изучении теории музыкальной ритмики, строго придерживается принципа историзма, считая, что «...исследователь народной музыки не может подходить к вопросам музыкальной ритмики только как теоретик. Он обязан ставить эти вопросы как историк» [8, с. 118]. Согласно мысли ученого, «...музыкальная речь каждого народа никогда не представляет однородного явления, она всегда – исторически противоречивое скрещивание явлений различного происхождения», что отражается и в музыкальной ритмике [8, с. 124]. В соответствии с принципом историзма ученый относит гармонически непосредственный мелодический склад к исторически более ранним. Позднеевропейский гармонически опосредованный мелодический склад в течение XVIII–XIX столетий утверждался, как пишет Е. В. Гиппиус, сначала в русских городах, потом в деревнях. Новое гармоническое мышление в русской культуре развивается в гомофонно-гармоническом стиле пения с инструментальным сопровождением. Оба склада длительное время сосуществовали в различных противоречивых соотношениях.

2) Е. В. Гиппиус считает, что необходимо выявлять «исходную ритмическую норму народной музыкально-ритмической системы» как категорию музыкального мышления, музыкального сознания и как «основное условие исторически правильного понимания особенностей ритмического строя каждой народной музыкальной культуры» [8, с. 126]. Исходная ритмическая норма, по мнению автора, определяет наиболее общие закономерности различных музыкально-ритмических систем и отражается на расстановке тактовых черт. Он противопоставляет ритмическую систему с исходной ритмической нормой пульсации сильных и слабых времен, относящейся к поздневропейской музыкально-ритмической системе, двум другим ритмическим системам, которые относятся к мелодическому складу вне гармонии и тактовой ритмики. В таблице эта классификация может выглядеть следующим образом.

Новаторство его теории заключается, помимо других множественных идей, во-первых, в выделении количественной ритмики как самостоятельной ритмической системы, во-вторых, в дифференциации ритмики с музыкальными ударениями на две исторические и типологические категории: более ранняя акцентная ритмика, мыслимая вне гармонии, и ритмика поздневропейской тактовой музыки.

Таблица 1. Классификация ритмической организации музыки устной традиции по Е. В. Гиппиусу
 Table 1. Classification of the rhythmic organization of oral tradition music by E. V. Gippius

Мелодический склад, гармонически опосредованный / Harmonically mediated melody	Исходная ритмическая норма: пульсация сильного и слабого времен (музыкальный метр) / Initial rhythmic norm: pulsation of strong and weak tenses (musical meter)
Мелодический склад, мыслимый вне гармонии / A melodic structure conceivable outside of harmony	Исходная ритмическая норма соотношений долгих и кратких музыкальных времен (квантитативная ритмика) / Initial rhythmic norm of ratios of long and short musical tenses (quantitative rhythemics)
	Исходная ритмическая норма отношений музыкальных ударений (акцентная ритмика) / Initial rhythmic norm of musical accent relations (accent rhythemics)

Собственно акцентной ритмике в мелодии вне гармонии и такта Е. В. Гиппиус в своем труде уделяет гораздо меньше внимания, очевидно, полагая, что эта ритмическая система более понятная, так как единственным определяющим ритмическим фактором является в ней музыкальное ударение (акцент). Квантитативная же ритмика становится практически центром исследовательского внимания, как и ранее, наименее изученной и непривычной музыкально-ритмической системой, требующей перестройки музыкального мышления исследователя, воспитанного на ином музыкальном материале [8]. Достаточно подробно, нежели во вступительной статье к сборнику удмуртских народных песен, ученый останавливается на характеристике квантитативной ритмики, анализируя такие, казалось бы, далекие сферы, как «физика связи музыки и движения», различие между квантитативностью в музыке и квантитированностью в языке, проблема музыкально-поэтической ритмики в античном трактате Аристоксена и трактовка его теории немецким исследователем Вестфалем... [8, с. 135; 139; 140]. Однако основные положения, определяющие квантитативную музыкально-ритмическую систему и впервые высказанные в предисловии к удмуртскому сборнику, остались прежними. Исходной ритмической нормой квантитативной системы являются «точно запоминаемые отношения долгих и кратких музыкальных времен». Главным принципом формообразования является принцип сложения (суммирования), в отличие от принципа деления в акцентной ритмической системе. Как отмечает ученый, своеобразие квантитативной ритмики определяется тем, что ритмический строй музыки в основном не

связан с музыкальными акцентами, что очень затрудняет неподготовленного исследователя при расстановке тактовых черт. Но даже при наличии музыкальных ударений последние не имеют решающего ритмического значения, потому не могут учитываться при тактировке.

Таким образом, Е. В. Гиппиус создал четкую, научно обоснованную теорию ритмической организации, в которой рассмотрел квантитативную музыкальную ритмику как категорию музыкального мышления и как одну из самостоятельных систем ритмической организации. Опираясь на широкий материал фольклорных традиций разных народов, он показал историческое значение квантитативной музыкально-ритмической системы, которой, по справедливому замечанию М. Г. Кондратьева, музыковеды либо отказывали в самостоятельности, либо считали ее явлением синкретическим, в котором слиты общие квантитативные закономерности и стиха, и музыки [1].

В свете анализируемой теории ритма становится понятна позиция Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд в определении «второго ритмического типа» удмуртской традиционной музыки, которая, без сомнения, относится к разновидности квантитативной музыкальной ритмики. Из этого вывода следует также, что музыкальное мышление удмуртов полностью базировалось на квантитативной ритмической системе, в соответствии с которой могли «перерабатываться» более поздние заимствованные образцы музыкально-песенного фольклора, основанные в оригинале на акцентной ритмике.

Определив музыкальную ритмику удмуртской песни как квантитативно-стопную и раскрыв ритмическую природу удмуртской

традиционной музыки, Е. В. Гиппиус дал мощный импульс для изучения ритмической организации музыки народов Волго-Камья. На материале чувашской традиционной музыки эту проблематику исследовал М. Г. Кондратьев [1], количественность в татарской музыке целенаправленно изучала Е. М. Смирнова [2].

Развитие теории ритма было продолжено и Б. Б. Ефименковой, ученицей и последовательницей Е. В. Гиппиуса. Публикация ее масштабного труда «Ритм в произведениях русского вокального фольклора» стала значимым научным событием в отечественном этномузыковедении. В ней «автор опирается на методологию и методику системно-структурных типологических исследований, которые разрабатывались как в отечественном этномузыковедении – прежде всего группой учеников и последователей Е. В. Гиппиуса, так и в смежных дисциплинах...» [9, с. 8].

В своем исследовании Б. Б. Ефименкова выделяет четыре класса ритмических форм: цезурированные, равномерно сегментированные, неравномерно сегментированные и ритмические формы с мобильными параметрами структуры.

Изложенная в книге законченная теоретическая концепция до настоящего времени является, пожалуй, единственным в отечественном этномузыковедении систематизированным типологическим исследованием ритмической системы на основе не только русского, но всего восточнославянского песенного фольклора. Более того, многолетнее использование концепции ритмической типологии в курсе «Теория фольклора» на кафедре музыкального и сценического искусства в Удмуртском государственном университете показало универсальность многих ее положений.

Вместе с тем стремление соотносить две концепции – Е. В. Гиппиуса и Б. Б. Ефименковой – не всегда приводило к успешным результатам. В исследовании Бориславы Борисовны отдельные положения ритмической классификации Е. В. Гиппиуса пересмотрены и представлены в несколько ином виде, что вызывает вопросы и необходимость научной дискуссии. В первую очередь возник вопрос об определении понятия «количественность»,

которое в работе Б. Б. Ефименковой приобрело «крайне размытый и предельно расширительный» характер [2, с. 17]. В начале своего исследования, определяя общую специфику всей ритмической системы восточнославянского музыкального фольклора, исследовательница относит ее в целом «к времяизмерительному, количественному типу», совместив таким образом (если следовать концепции Е. В. Гиппиуса) все разновидности ритмики в один тип [9, с. 51]. Возможно, Б. Б. Ефименкова имела в виду всеобщий закон музыки как временного искусства, то есть использовала термин для обозначения долготности как таковой, вне ее связи с метрическими функциями [2]. Но провозглашая основным принципом формообразования сложение ритмических единиц как характерную черту количественного ритма, на страницах своего исследования Борислава Борисовна все же отступает от главных характеристик количественности при описании, например, класса равномерно сегментированных форм, где автор на первый план выдвигает разграничительную, сегментирующую функцию [9], то есть принцип деления, что уже является признаком не количественной, а акцентной ритмической системы.

Возможно, эти отдельные замечания можно было не брать во внимание, так как разработанная ею ритмическая типология имеет законченный, стройный, логически выверенный и научно обоснованный характер. Однако для удмуртского этномузыковедения, сформированного на монументальных идеях Е. В. Гиппиуса, в частности идее количественности ритма, проблема соотношения обеих теоретических систем, которые созданы в рамках одного научного направления, одной школы, являлась актуальной и требовала разрешения. Такая задача ставилась на практических семинарах по курсу «Теория фольклора» в Удмуртском государственном университете, во время которых выявлялись ритмические типы в удмуртской традиционной музыке, соответствующие классификационным системам Е. В. Гиппиуса и Б. Б. Ефименковой. Предварительные результаты можно представить следующим образом.

Т а б л и ц а 2. Классификационные системы ритмической организации музыки устной традиции по Е. В. Гиппиусу и Б. Б. Ефименковой применительно к удмуртскому песенному фольклору

Table 2. Classification systems of the rhythmic organization of oral tradition music by E. V. Gippius and B. B. Efimenkova in relation to Udmurt song folklore

Классификационная ритмическая система Е. В. Гиппиуса / Classification rhythmic system by E. V. Gippius	Классификационная ритмическая система Б. Б. Ефименковой / Classification rhythmic system by B. B. Efimenkova	Жанры удмуртского песенного фольклора / Genres of Udmurt song folklore
Исходная ритмическая норма соотношений долгих и кратких музыкальных времен (квантитативная ритмика) / Initial rhythmic norm of ratios of long and short musical tenses (quantitative rhythemics)	Класс цезурированных ритмических форм / The class of censored rhythmic forms	Южноудмуртские обрядовые напевы / South Udmurt ritual tunes
Исходная ритмическая норма соотношений долгих и кратких музыкальных времен (квантитативная ритмика) / Initial rhythmic norm of ratios of long and short musical tenses (quantitative rhythemics)	Ритмические формы с мобильными параметрами структуры / Rhythmic forms with mobile structure parameters	Северноудмуртские сольные импровизации (крезь) / Northern Udmurtian solo improvisations (krez)
Исходная ритмическая норма отношений музыкальных ударений (акцентная ритмика) / Initial rhythmic norm of musical accent relations (accent rhythemics)	Класс ритмических форм со стопной сегментацией / Class of rhythmic forms with verse stop segmentation	Поздний (заимствованный) песенный слой / Late (borrowed) song layer

Класс цезурированных ритмических форм согласовывается с квантитативной ритмикой южноудмуртских обрядовых напевов – как более архаичных (свадебных, календарных), так и относительно более поздних (рекрутских, гостевых). Так же естественно укладываются в рамки квантитативной ритмической системы северноудмуртские сольные импровизации, которые можно номинировать как ритмические формы с мобильными параметрами структуры. Поздний песенный слой, как правило, большей частью заимствованный, соотносится с акцентной ритмикой.

Заключение

Новые полевые материалы по удмуртской музыкально-песенной традиции могут расширить или внести определенные коррективы в вышеприведенную сравнительную таблицу, которая показывает, с одной стороны, отчетливую возможность сопоставления обеих концепций, с другой – применимость ритмической типологии, разработанной Б. Б. Ефименковой на восточнославянском материале, по отношению к финно-угорской удмуртской традиционной музыке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратьев М. Г. О ритме чувашской народной песни. К проблеме квантитативности в народной музыке. М. : Советский композитор, 1990. 144 с.
2. Смирнова Е. М. Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья. Казань, 2008. 580 с.
3. Vikár L., Bereczki G. Votyak Folksongs. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1989. 524 p.
4. Чуракова Р. А. Удмуртские свадебные песни / под ред. Е. В. Гиппиуса. Устинов : Удмуртия, 1986. 147 с.
5. Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки УдНИИ. Ижевск : Удмуртгосиздат, 1941. Вып. 10: Вопросы языка, литературы и фольклора. С. 61–88.
6. Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Удмуртские народные песни. Памятники культуры. Фольклорное наследие. Ижевск : УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 10–32.

7. Софронова Е. А. Удмуртский музыкальный фольклор в коллекциях 1937–1941 годов Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук : дис. ... канд. иск. СПб, 2022. 286 с.
8. Гиппиус Е. В. Мелодический склад, мыслимый вне гармонии и тактовой ритмики, и мелодический склад, гармонически опосредованный // *Материалы и статьи: к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса*. М. : Издательский дом «Композитор», 2003. С. 112–168.
9. Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М. : Композитор, 2000. 256 с.

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 11.08.2024; принята к публикации 19.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. М. Нуриева – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (426004, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4372-3180>, nurieva-59@mail.ru

The Theory of Rhythm in the Works by E. V. Gippius and Modern Approaches to the Problem (On the Example of Udmurt Traditional Music)

Irina M. Nurieva

*Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia*

Introduction. The author of the article is the first to raise questions about the degree of continuity in the scientific ideas of E. V. Gippius, the possibility of correlating his scientific theory with the theory of rhythmic organization developed by his follower B. B. Efimenkova, as well as the practical significance of these scholars' theoretical contributions for Udmurt ethnomusicology. This topic is relevant not only for Udmurt musical folklore, which was shaped by the monumental ideas of E. V. Gippius, but also for Russian ethnomusicology as a whole, as it addresses methodological issues in the study of orally transmitted music. The aim of the research is to analyze the theoretical approaches to the problem of rhythmic organization in traditional music by E. V. Gippius, Z. V. Ewald, and contemporary ethnomusicologists.

Materials and Methods. The comparative method was used in analyzing the theoretical approaches of various scholars to the problem of rhythmic organization in folk music. The desire to delve into the research logic, as well as to identify additional meanings and connotations in the authors' arguments, required the use of textual analysis. The material for the research consisted of Russian scientific works by E. V. Gippius, Z. V. Ewald, and B. B. Efimenkova, dedicated to the problem of rhythm.

Results and Discussion. The study of the works of E. V. Gippius and Z. V. Ewald revealed that Udmurt music became a unique scientific experimental platform for developing the general theoretical principles that Gippius later expanded upon in his subsequent works. The innovation of his theory lies primarily in identifying quantitative rhythmic systems as an independent rhythmic system. The study of rhythmic systems was continued by Gippius's student and follower, Borislava Borisovna Efimenkova, who developed a comprehensive theoretical concept of rhythm based on East Slavic folk songs. A comparative analysis of these two scientific concepts showed that in B. B. Efimenkova's research, certain aspects of E. V. Gippius's rhythmic classification were revised and presented in a somewhat different manner, raising questions and necessitating scientific discussion.

Conclusion. The study of rhythmic types, conducted using Udmurt traditional music, has demonstrated the possibility of comparing the scientific concepts of E. V. Gippius and B. B. Efimenkova, as well as the applicability of the rhythmic classification developed by B. B. Efimenkova on East Slavic material to Finno-Ugric, specifically Udmurt traditional music.

Keywords: Udmurt traditional music, E. V. Gippius, E. V. Ewald, B. B. Efimenkova, quantitative musical-rhythmic system, typology of rhythm

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Nurieva I.M. The Theory of Rhythm in the Works by E. V. Gippius and Modern Approaches to the Problem (On the Example of Udmurt Traditional Music). *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):226–236. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.226-236>

REFERENCES

---

1. Kondratiev M.G. [About the Rhythm of the Chuvash Folk Song. On the Problem of Quantity in Folk Music]. Moscow; 1990. (In Russ.)
2. Smirnova E.M. [Rhythmic Structure of Musical and Poetic Folklore of the Muslim Tatars of the Volga-Ural Region]. Kazan; 2008. (In Russ.)
3. Vikár L., Bereczki G. Votyak Folksongs. Budapest; 1989.
4. Churakova R.A. [Udmurt Wedding Songs] / ed. E.V. Gippius. Ustinov; 1986. (In Russ.)
5. Gippius E.V., Evald Z.V. [To the Study of the Poetic and Musical Style of Udmurt Folk Song]. In: Notes of the Udmurt Research Institute. Issue 10. Izhevsk; 1941. p. 61–88. (In Russ.)
6. Gippius E.V., Evald Z.V. [To the Study of the Poetic and Musical Style of Udmurt Folk Song]. In: Udmurtskie Narodnye Pesni. Pamiatniki Kul'tury. Fol'klornoe Nasledie. Izhevsk; 1989. p. 10–32. (In Russ.)
7. Sofronova E.A. [Udmurt Musical Folklore in the Collections of 1937–1941 of the Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences: Dissertation ... Cand.Sci. (Arts)]. Saint-Petersburg; 2022. (In Russ.)
8. Gippius E.V. [The Melodic Structure, Conceivable Outside of Harmony and Beat Rhythm, and the Melodic Structure, Mediated by Harmony]. In: Materials and Articles to 100-th Birth of E.V. Gippius. Moscow; 2003. p. 112–168. (In Russ.)
9. Efimenkova B.B. [Rhythm in the Works of Russian Vocal Folklore]. Moscow; 2000. (In Russ.)

Submitted 09.07.2024; revised 11.08.2024; accepted 12.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

I. M. Nurieva – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher of Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosova St., Izhevsk 426004, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4372-3180>, nurieva-59@mail.ru

«ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ
ПРАВО ИССЛЕДОВАТЬ
ТОЛЬКО
РОДНОЙ ЯЗЫК,
КОТОРЫМ ВЛАДЕЕТ
В СОВЕРШЕНСТВЕ,
ЧУВСТВУЕТ ВСЕ
ЕГО НЮАНСЫ»
(Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ).
К ЮБИЛЕЮ
ПРОФЕССОРА

“A PERSON HAS
THE RIGHT TO STUDY
ONLY THEIR NATIVE
LANGUAGE, WHICH
THEY MASTER
PERFECTLY AND FEEL
ALL ITS NUANCES”
(G. I. LAVRENTIEV).
ON THE OCCASION
OF THE PROFESSOR’S
ANNIVERSARY

В 2023 г. марийское научно-педагогическое сообщество отметило 90 лет со дня рождения Гурия Ивановича Лаврентьева, известного исследователя марийского языка, доктора филологических наук, профессора.

Родился будущий ученый 4 октября 1933 г. в деревне Семисола Моркинского района Марийской АССР в крестьянской семье. Родители Иван Семенович и Ефросинья Петровна, воспитывая семерых детей, старались подерживать их во всем.

В 1950 г., после окончания Моркинской средней школы, Г. И. Лаврентьев поступил на факультет механизации сельского хозяйства Казанского сельскохозяйственного института, однако вскоре убедился, что специальность инженера-механика его не привлекает, а потому оставил институт и возвратился домой. Работники районного отдела образования, зная об интересе Гурия Ивановича к изучению языков, предложили ему работать учителем немецкого языка и физкультуры в одной из школ Моркинского района. Так, он вел

занятия в Купсолинской и Шордурской семилетних школах. Здесь у Г. И. Лаврентьева появился интерес к профессии учителя русского языка и литературы, и в 1953 г. он поступил в Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской на отделение русского языка и литературы для национальных школ.

Еще в 1957 г., будучи студентом, впервые находясь в составе фольклорно-диалектологической экспедиции, Гурий Иванович приобрел навыки транскрибирования звучащей речи, начал постигать тайны звукового строя родного языка, усвоил особенности говора исследуемой территории. Вскоре после окончания пединститута в 1958 г. и получения диплома (№ К745328) Г. И. Лаврентьев начал преподавать русский язык и стал завучем в Шордурской и Нурумбальской средних школах Моркинского района.

В 1962 г. профессор Н. Т. Пенгитов пригласил Г. И. Лаврентьева, к тому моменту уже отца трех дочерей, поступить

в аспирантуру при кафедре марийского языка и литературы МГПИ им. Н. К. Крупской. Именно с этого времени началась научная деятельность профессора. Доминантой его научных интересов стали ареалогия и диалектология. Под руководством профессора Н. Т. Пенгитова Гурий Иванович написал диссертацию по теме «Волжский говор марийского языка», защита которой состоялась 20 апреля 1967 г. в Тартуском государственном университете. Официальными оппонентами выступили академик Академии наук ЭССР Пауль Аристэ и кандидат филологических наук И. Г. Иванов, давшие высокую оценку работе Г. И. Лаврентьева. Волжский говор, распространенный на юго-востоке Республики Марий Эл, до того времени не служил предметом специального комплексного исследования. Будучи промежуточным звеном между луговыми горными наречиями, он сочетал в себе их языковые черты, а соседство с пограничными республиками – Татарстаном и Чувашией – способствовало

появлению в его фонетической структуре и грамматическом строе тюркоязычных особенностей, представляющих определенный интерес как для компаративистики, так и для контрастивной лингвистики. Первая глава диссертации посвящена звуковому строю волжского говора, во второй главе освещаются его морфологические особенности. При этом все части речи, за исключением глагола, который рассматривается более детально, описываются в контексте констатации расхождений диалектного материала с литературной нормой, в отдельных случаях раскрываются причины того или иного отличия.

В 1965–1967 гг. Г. И. Лаврентьев – учитель русского и марийского языков, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Цибикнурской средней школы Медведевского района Марийской АССР.

В августе 1967 г. Г. И. Лаврентьев занял должность старшего преподавателя русского языка на соответствующей кафедре Глазовского педагогического института им. В. Г. Короленко (Удмуртия). Имея за спиной основательную филологическую подготовку по русистике и общему языкознанию, вел лекционные и семинарские занятия по введению в языкознание и исторической фонетике, грамматике русского языка, диалектологии и старославянскому языку. В апреле 1971 г. ВАК утвердил Г. И. Лаврентьева в ученном звании доцента (МДЦ № 061103).

В 1974 г. Гурий Иванович вернулся в Йошкар-Олу и приступил к работе на кафедре русского и общего языкознания Марийского государственного университета (1974–1985 гг.). Он читал лекции по дисциплинам историко-лингвистического цикла и вел практические занятия. В то же время продолжал исследования в области словоизменительной и словообразовательной морфемике современного марийского литературного языка.

В 1985–1998 гг. Г. И. Лаврентьев заведовал кафедрой русского языка и литературы в Марийском институте образования.

Весной 1994 г. на ученом совете по защите докторских диссертаций при Марийском государственном университете Г. И. Лаврентьев защитил работу по теме «Морфемная структура слова и словообразование в современном марийском языке», в которой исследовал словоизменительную и словообразовательную морфемную структуру марийского языка. Официальными оппонентами были доктор филологических наук, профессор А. И. Кузнецова (Москва), Л. П. Васикова и Н. И. Исанбаев (Йошкар-Ола). В ноябре того же года Гурию Ивановичу была присуждена ученая степень доктора филологических наук (ДК № 000527).

Его монография «Состав слова и словообразование в современном марийском языке» ценится не только у нас, но и за рубежом.

В сентябре 1998 г. Г. И. Лаврентьев вернулся на кафедру русского и общего языкознания Марийского государственного университета и как профессор проработал здесь до июля 2005 г. Гурий Иванович читал лекции и вел семинарские занятия по старославянскому языку, введению в славянскую филологию, исторической фонетике, грамматике русского языка, русской диалектологии и введению в языкознание.

Г. И. Лаврентьев был членом совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Марийском государственном университете, регулярно выступал в качестве оппонента на защитах диссертаций. Гурий Иванович Лаврентьев – строгий оппонент исследований по марийскому и другим финно-угорским языкам. Он рецензировал 12 кандидатских диссертаций и 8 докторских исследований, писал отзывы на многие монографии и учебные пособия.

Труды Г. И. Лаврентьева широко обсуждались и получали одобрение на международных конгрессах финно-угроведов (Сыктывкар, 1985 г.; Йошкар-Ола, 2005 г.), многих научных конференциях и симпозиумах в Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Ижевске, Саранске, Ужгороде, Чебоксарах, Нижнем Новгороде.

Круг научных интересов Г. И. Лаврентьева был широк. Его работы посвящены проблемам диалектологии и фонетики: «Шумные щелевые переднеязычные согласные в волжском говоре марийского языка» (1965), «Система фонем волжского говора марийского языка» (1968), «Гармония гласных в волжском говоре марийского языка» (1969), «Зарождение протез и эпентез в волжском говоре марийского языка» (1973); морфологии: «Императив и оптатив в волжском говоре марийского языка» (1965), «Послелоги и частицы в волжском говоре марийского языка» (1968), «Категория числа имен существительных в волжском говоре марийского языка» (1971), «Семантико-грамматический статус марийского инфинитива» (2010); словообразования: «Заметки по марийскому словообразованию» (1987), «Членимость основ и словообразовательная производность (на материале марийского литературного языка)» (1995); морфемике: «Исторические изменения в морфемной структуре марийского языка» (1973), «Членение марийского слова на морфемы» (1975), «О некоторых морфонологических явлениях в марийском языке» (1981), «Из истории научной разработки марийской морфемике и словообразования» (2007); исторической грамматики марийского языка: «История инфинитивных образований и сходных с ними форм в марийском языке» (1970), «К вопросу об историческом развитии глагольной формы 3-го лица настоящего-будущего времени в марийском языке» (1972), «Из истории глагольного словоизменения в марийском языке» (1978); орфографии:

«Учашымаште чын шочеш» = [В споре рождается истина] (1989), «К проблеме обогащения словаря, совершенствования алфавита и орфографии марийского литературного языка» (1993), «История марийского письма: ряд существенных поправок и дополнений» (2004), «Орфографий

йодышым чын почын пуышаш верч. У книгаште чылажак чын возымо огыл» = [За научную разработку вопросов орфографии. В новой брошюре не все освещено правильно] (2015).

Профессору Г. И. Лаврентьеву было свойственно заинтересованное отношение ко всему, что

происходит в марийском языкознании и финно-угроведении, пристальное внимание ко многим аспектам русского словопроизводства, понимание задач науки в области изучения марийского языка и диалектов, совершенствования и упорядочения норм марийской орфографии и орфоэпии.

Валерий Николаевич Максимов –

кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы, заведующий научно-образовательной лабораторией «Марий йылме» Марийского государственного университета (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>, sernur@rambler.ru

Valerij N. Maksimov –

Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of the Mari Language and Literature, Head of the Scientific and Educational Laboratory “The Mari Language” of the Mari State University (1 Lenin Square, Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>, sernur@rambler.ru

НОВАЯ КНИГА ОБ ЭТНО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

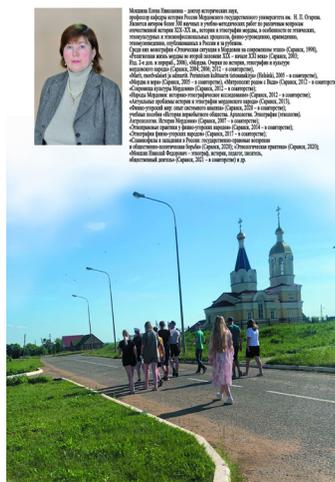
A NEW BOOK ON THE ETHNOCONFESSIONAL SITUATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Рецензия на книгу: Мокшина Е. Н. Этноконфессиональная ситуация в Мордовии (XX – начало XXI века) : учеб. пособие. Саранск : ЮрЭксПрактик, 2023. 100 с.

Book review: Mokshina E.N. [Ethno-Confessional Situation in Mordovia (XX – Early XXI Centuries): Textbook. Saransk: YurExPraktik; 2023. 100 p.

В 2023 г. в издательстве «ЮрЭксПрактик» г. Саранска вышло в свет учебное пособие широко известной в этнографических кругах исследовательницы, профессора кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва Елены Николаевны Мокшиной «Этноконфессиональная ситуация в Мордовии (XX – начало XXI века)». Обращение автора к этой теме имеет большую значимость по ряду причин. Мордовский край всегда был полиэтническим и многоконфессиональным регионом: в нем на протяжении столетий пересекались и контактировали представители разных культур, традиций и религиозных практик. Последнее обстоятельство получило особую актуальность в новейшее время, в частности, в связи с важностью предотвращения конфликтов на национальной и конфессиональной почве.

Подобные исследования на материалах Мордовии уже проводились Н. Ф. Мокшиным, А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькиным, С. В. Полутиным, О. А. Богатовой, Н. В. Шиливым, В. В. Козиным; на материалах соседних регионов – А. К. Идиатулловым, Е. К. Минеевой,

Е. Н. МОКШИНА

Л. А. Таймасовым, О. А. Лицебергер, Р. Н. Мусиной. Однако публикацию Е. Н. Мокшиной отличает ряд интересных особенностей. Примечательно, что рассматриваемое издание, несмотря на научно-исследовательский характер изложения, представляет собой учебное пособие, адресованное, прежде всего студентам гуманитарных специальностей высших учебных заведений (историкам, юристам, философам, политологам, социологам, культурологам, теологам). Сочетание научной

фундаментальности с практической ориентированностью позволяет рассматривать данную работу не только как заметное научное, но и просветительское событие для региона. Вероятно, подобный подход стоит приветствовать, так как студенты, знакомясь с профессиональным этнографическим исследованием, получают, помимо системных знаний по соответствующему предмету, определенные представления о структурировании сугубо научного текста, постигают правила

работы с источниками, познают исследовательскую деятельность как бы «изнутри».

Кроме того, данное учебное пособие посвящено исследованию наиболее многочисленных конфессий Республики Мордовия – православия и ислама в рассматриваемый период через призму этнографического подхода. Поставив в центр исследовательского внимания человека как носителя этнической культуры, автор смог показать сложную конфессиональную ситуацию в Мордовии, в которой нашли свое отражение не только деятельность институтов церкви, политика государства и региональных властей, но и народная культура, живая традиция и вера. Наконец, нельзя не упомянуть, что данная публикация является в известном смысле продолжением предыдущих изысканий автора, посвященных заявленной и смежной проблематике. Среди них монографии «Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе» (Саранск, 1998), «Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века» (Саранск, 2003; Изд. 2-е доп. и перераб., 2006), «Актуальные проблемы истории и этнографии мордовского народа» (Саранск, 2013), а также большое число научных статей. Можно предположить, что читателю будет интересно познакомиться с новейшими научными результатами автора, который занимается изучением религиозной сферы жизнедеятельности этносов Поволжского региона на протяжении не одного десятилетия. Структура издания представлена предисловием, тремя главами, списком использованных источников и справочным приложением.

В предисловии автор раскрывает актуальность темы, формулирует цель исследования, дает характеристику роли религии на территории Мордовии в XX – начале XXI в., особенно подчеркивая влияние Мордовской митрополии в современных условиях на духовно-нравственную жизнь

мордвы, русских и других народов республики.

Первая глава «Этноконфессиональная ситуация в Мордовии в XX веке» содержит достаточно обстоятельный исторический обзор религиозной жизни в регионе в досоветский, советский и постсоветский периоды. Говоря о последнем из них, автор подчеркивает, что «в Мордовии нет всплесков этнической нетерпимости и межконфессиональной вражды», в республике на регулярной основе проводятся республиканские национально-фольклорные праздники «Акша келу», «Раськень Озкс», «Велень Озкс», «Сабантуй», «День славянской письменности и культуры» и другие, способствующие сближению народов, росту взаимопонимания и дружбы между ними (с. 18).

Во второй главе «Этноконфессиональные процессы в Мордовии в постсоветское время» освещается состояние религиозности сельской мордвы на основе материалов этнографических экспедиций Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, проведенных в 1995–2023 гг. в ряде сел и деревень республики, анализируется уровень ее христианизации и место дохристианских верований и обрядов в современной жизни сельчан, рассматривается деятельность лютеран, баптистов, молокан, пятидесятников, субботников, бахаистов и других религиозных течений на территории края.

Третья глава – самая большая по объему – «Монастыри Мордовии: история и современность» посвящена подробному истори-

ческому описанию роли 13 монастырей Мордовской митрополии в поддержании православной традиции в досоветский период и в последующем ее возрождении на постсоветском этапе. Показательно, что и в данном разделе отражена специфика края как поликультурного региона. Например, появление Ковыляйского Свято-Троицкого женского монастыря связано с именем княжны, происходившей из старинного татарского рода (с. 82).

Список использованных источников включает в себя 96 наименований, среди которых фигурируют законодательные акты, архивные материалы, сведения, почерпнутые из периодических изданий и официальных сайтов религиозных организаций, энциклопедии, научные монографии и статьи.

В справочном приложении приводятся биографии митрополитов и епископов Русской православной церкви Московского патриархата, сыгравших важную роль в возрождении православия в Мордовии в постсоветское время.

Думается, что рассматриваемое учебное пособие найдет заинтересованного читателя и займет достойное место в рамках преподаваемых в мордовских вузах дисциплин историко-этнографической направленности, а также станет важным подспорьем для государственных структур, занимающихся разработкой стратегии и подготовкой практических мероприятий, направленных на поддержание межконфессионального мира и согласия в регионе.

Азат Корбангалиевич Идиатуллов – доктор исторических наук, профессор кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (432071, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoldiat@yandex.ru

Azat. K. Idiatullov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State University of Education (4/5 Lenin Square, Ulyanovsk 432071, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoldiat@yandex.ru

КАЛЕЙДОСКОП НАРОДНОЙ МУЗЫКИ БАШКОРТОСТАНА

KALEIDOSCOPE OF FOLK MUSIC OF BASHKORTOSTAN

Рецензия на книгу: Галиева Ф. Г. Музыкальный фольклор народов Башкортостана: фольклорно-этнографические очерки. Уфа : Первая типография, 2022. 316 с.

Book review: Galieva F.G. [Musical Folklore of the Peoples of Bashkortostan: Folklore and Ethnographic Essays]. Ufa: Pervaya Tipografiya; 2022. 316 p.

В г. Уфе уже не одно десятилетие успешно трудится доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН Фарида Габдулхаевна Галиева (Ахатова). Ей удается органично сочетать этнографическую и фольклористическую деятельность, что демонстрирует очередная ее монография «Музыкальный фольклор народов Башкортостана».

Без преувеличений можно сказать, что книга представляет собой итог предыдущих научных изысканий Фарида Габдулхаевны. Творческий путь она начала с изучения восточнославянских народов республики и, следуя наставлениям своего учителя Раиля Гумеровича Кузеева, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора, на конкретных материалах стремилась показать, с одной стороны, сохранение этнических традиций в условиях поликультурной среды, с другой – межэтнические взаимодействия и взаимовлияния, формирование общего пласта культуры этносов в контактной зоне. При этом в качестве источника Фарида Габдулхаевна использовала фольклорные материалы, собранные ею самой и предшественниками, опубли-

кованные этнографом в сборниках: «Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии» (Киев : Музична Україна, 1995. 240 с.; в соавт.), «Завези од мене поклон на Україну... Фольклор українців Башкортостану» (Уфа, 1999. 168 с.; в соавт.), «Песни белорусских переселенцев в Башкортостане» (Уфа, 2001. 79 с.). В 2020 г. в преддверии Всемирной фольклориады в Башкортостане, при содействии Фонда поддержки научных исследований Академии наук Республики Башкортостан Фарида Габдулхаевна осуществила издание сборников: «Русский фольклор в Башкортостане» (Уфа : Башк. энцикл., 2020. 696 с.), «Украинский фольклор

в Башкортостане» (Уфа : Башк. энцикл., 2020. 324 с.) и «Белорусский фольклор в Башкортостане» (Уфа : Башк. энцикл., 2020. 128 с.).

Итогом теоретических обобщений Ф. Г. Галиевой на этом этапе деятельности стали ее монографии: «Украинские песни в Башкортостане» (Уфа : Гилем, 2000. 146 с.), «Традиционный музыкальный фольклор восточнославянских народов Башкортостана: к проблеме взаимодействия культур в многоэтнической среде» (Уфа, 2004. 213 с.), «Восточнославянские песни в Башкортостане. Фольклорные процессы в многоэтническом регионе» (М. : Наука, 2006. 286 с.). Также Ф. Г. Галиева стала автором

монографии «Народная музыкальная культура башкир» (Уфа : Гилем, 2007. 96 с.) и разделов о башкирских музыкальных инструментах в научно-популярных изданиях «Башкирское народное искусство», опубликованных на русском, башкирском и английском языках (Уфа : Демиург, 2002; в 4 кн.; в соавт.), и «Искусство башкир. Традиционные художественные ремесла» (Уфа : Инеш, 2007. 480 с.; в соавт.).

Дальнейшие исследования привели к появлению серии этнографических работ. По этнографии русского народа Ф. Г. Галиева подготовила монографии: «Этнографические исследования русского населения Башкортостана» (Уфа : Гилем, 2012. 168 с.), «Русские Башкортостана: крестьянский быт, календарные обряды и праздники» (Уфа : Китап, 2014. 260 с.), «Русское село Вознесенка Дуванского района Башкортостана: этнографические очерки» (Уфа, 2013. 92 с.; в соавт.), «Русское село Тастуба: прошлое и настоящее» (СПб. : Свое издательство, 2015. 144 с.; в соавт.). Также она стала автором разделов по семейным обрядам и музыкальному фольклору в энциклопедическом томе «Башкиры» (М. : Наука, 2015), по культуре башкир, украинцев и белорусов в книге «Этносы и культуры в единой семье Башкортостана» (М. : Перо, 2018. 470 с.), издала авторские монографии «Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве» (Уфа : Диалог, 2017. 317 с.; Уфа : Китап, 2020. 298 с.).

Постепенно в число творческих интересов этнографа вошли и другие народы, и это неслучайно. В руководимом Ф. Г. Галиевой отделе также успешно ведутся исследования жизни удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей, латышей, эстонцев и других народов в области религиозных традиций, народных обрядов и обычаев, одежды и других этнографических направлений. Фарида Габдулхаевна и сама опубликовала ряд статей, посвященных обрядовым культурам и народным костюмам финно-

угорских народов и чувашей, истории этнографического изучения кряшен, а затем взялась восполнить историографический пробел в области музыкального фольклора народов Башкортостана.

Вспоминается, как появлялась на свет книга «Музыкальный фольклор народов Башкортостана» Ф. Г. Галиевой. С каким трудом формировалась структура, отбирались фольклорные примеры, сюжеты, ведь Фарида Габдулхаевна хотелось о многом рассказать читателю, прежде всего – показать уникальность музыкальной культуры каждого народа, обусловленную особенностями историко-культурного развития, а также взаимодействием и взаимовлиянием их друг на друга. В результате появилась книга, характеризующая которую многократно можно использовать слово «впервые», потому что она во многом является новаторской. Книга не имеет аналогов в национальных республиках Урало-Поволжья. В ней впервые в обобщенной форме проанализирован музыкальный фольклор (песенное и инструментальное исполнительство) основных исторических (проживающих более ста лет) этнических групп Республики Башкортостан. В разных главах дана характеристика тюркских (башкир, татар, чувашей, кряшен), восточнославянских (русских, украинцев, белорусов), финно-угорских (марийцев, мордвы, удмуртов) музыкальных традиций. Выделение кряшен в отдельный раздел, по мнению автора, обусловлено как самоидентификацией их в качестве самостоятельного этноса, так и тем, что их музыкальное мышление существенно отличается от татарского, поэтому рассмотрение его в едином русле с татарским творчеством не позволит в полной мере показать своеобразие музыкального фольклора кряшен.

Причину обращения к музыкальному фольклору народов данного поликультурного региона автор объясняет тем, что это «яркий и показательный компонент

этнических культур, на примере которых можно выявить разнообразные сочетания и краски, в целом образующие многоголосную многотембральную симфонию». Неслучайно основная цель книги Ф. Г. Галиевой – рассмотрение традиционной музыки различных народов во взаимодействии и взаимовлиянии в условиях полиэтничной среды Башкортостана. По мнению исследователя, именно этническое взаимодействие обусловило уникальность и неповторимость музыкальных культур народов данной республики. Следует отметить, что музыкальное творчество каждого из народов Башкортостана в той или иной степени изучено. В то же время не имеется обобщающих работ по данной теме, тем более в ракурсе этнического взаимодействия. Именно в этом заключаются новизна представленного исследования и актуальность работы.

Помимо обобщения имеющих разнообразных научных сведений, Ф. Г. Галиева использовала широкий спектр собственных полевых материалов и новых выявленных ею архивных источников. Таким образом, в работе умело сочетаются личные наработки автора в области музыкального фольклора русских, украинцев, белорусов, башкир и кряшен с данными других исследователей по музыкальной культуре основных этнических групп региона.

Книга «Музыкальный фольклор народов Башкортостана: фольклорно-этнографические очерки» состоит из введения, трех глав и заключения. Структура каждого раздела включает краткую этническую характеристику народа, сведения о собирателях и исследователях, своеобразии жанров и стилей, музыкальном инструментарии. Положения и выводы текстовой части наглядно иллюстрируют фотоизображения музыкальных инструментов и фольклорных коллективов в приложении.

Ф. Г. Галиева в заключении констатирует, с одной стороны, сохранение на протяжении веков

уникальных музыкальных этнических традиций местных народов, с другой – показывает их этнокультурную общность. Причем эта общность, по мнению фольклориста, является как синкретичной (т. е. результатом формирования тюркских и финно-угорских культур в рамках одной историко-этнографической общности), так и синтетичной – возникшей в ходе длительных межкультурных связей в контактной зоне (тюркских, финно-угорских, восточнославянских и других этносов). Это проявляется в репертуаре, музыкальном инструментарии, стилях, жанрах, ладогармонических, мелодических, ритмических,

фактурных, формообразующих, исполнительских и других особенностях образцов фольклора. Исследование завершается замечательным выводом: «Музыкальные культуры Башкортостана находятся в состоянии перманентного развития, сохраняя первооснову, но испытывая внешние влияния, абсорбируя их, перенимая целиком или в творческой обработке, в конечном итоге представляя симбиоз традиций кочевых цивилизаций и земледельческих культур Востока и Запада».

Методика и методология исследования соответствуют современному развитию этномузикологии,

эмпирические и теоретические материалы монографии учитывают новейшие достижения в этой сфере науки. Логика повествования отвечает цели работы.

Книга станет важной вехой в развитии как региональной, так и российской фольклористики, будет интересна этнографам и фольклористам как кладезь фактической информации и оригинальных научных выводов, будет полезна начинающим исследователям в этой области и студентам как учебное пособие, обобщившее и сконцентрировавшее в себе всю сумму знаний о музыкальных традициях местных народов.

Ранус Рафикович Садиков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (450077, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>, kissapi@mail.ru

Ranus R. Sadikov – Dr.Sci. (Hist.), Chief Researcher, R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (6 Karl Marx St., Ufa 450077, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>, kissapi@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАРОДНОГО ИСКУССТВА МОРДВЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

REPRESENTATION OF MORDOVIAN FOLK ART IN INTERNATIONAL EXHIBITION ACTIVITIES

С 16 сентября по 30 ноября 2023 г. в Русском Доме города Хельсинки (Финляндия) в рамках международного фестиваля финно-угорских культур «ВерескFEST» прошла выставка «Традиции и обрядовая культура мордвы», организованная и подготовленная совместно с Научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры Института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, а также была организована выставка марийских народных костюмов, состоялась презентация фотоальбома «Свадьба Заонежья» и документального

этнографического фильма, выступили творческие финно-угорские коллективы и т. д.

В основу выставки легли материалы международных экспедиций, которые были проведены Научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры МГУ им. Н. П. Огарёва совместно с Университетом им. Лоранда Этвеша (Венгрия), Этнографическим музеем г. Будапешта, Университетом Хельсинки. Экспедиции проходили в несколько этапов: в июле 2013 г. – в Zubovo-Polyanskiy region, в юго-западной части Республики Мордовия, где проживает мордва-мокша;

августе 2013 г. – в Дубенском и Кочкуровском районах, где проживают эрзяне; ноябре-декабре 2014 г. – в Торбеевском и Теньгушевском районах среди мокшан; летом 2016 г. – в Большеигнатовском районе среди эрзи; в 2018 и 2020 гг. – среди мордвы-мокши в Zubovo-Polyanskiy region.

На открытии выставки с приветственным словом выступил ответственным словом выступил Загребин Алексей Егорович, директор Русского Дома в Хельсинки. Вела открытие выставки Ольга Пуссинен, заведующая библиотекой Русского Дома, участник Международной экспедиции.

Р и с. 1. Афиша фестиваля финно-угорских культур «ВерескFEST». Русский Дом в Хельсинки. Сентябрь 2023 г.

F i g. 1. Poster of the festival of Finno-Ugric cultures "VereskFEST". Russian House in Helsinki. September 2023

Р и с. 2. Костюмы луговых и восточных мари. Выставка работ этнодизайнера Раисы Тоссавайнен. Сентябрь 2023 г.

F i g. 2. Costumes of the Meadow and Eastern Mari. The Exhibition of works by Raisa Tossavainen, Ethnic Designer. September 2023

Р и с. 3. Сбор полевого материала Еленой Ломшиной и Рихо Грюнтал. Республика Мордовия, Дубенский район, с. Кочкурово. 2013 г.

F i g. 3. Collection of the field material by Elena Lomshina and Riho Grunthal. Republic of Mordovia, Dubensky District, Kochkurovo village. 2013

Р и с. 4. Мордовка-мокша, участница ансамбля «Сиянь толнэ» Республика Мордовия, Zubovo-Polyansky район, с. Ст. Пимбур. 2013 г.

Набедренное украшение мордвы-мокши «Цект». Республика Мордовия, Zubovo-Polyansky район. 2013 г.

F i g. 4. A Moksha woman from Mordovia, a member of the "Siyan Tolne" ensemble, Republic of Mordovia, Zubovo-Polyansky District, Stary Pimbur village. 2013

Hip decoration of the Mordva-Moksha "Tsekt". Republic of Mordovia, Zubovo-Polyansky District. 2013

На фотографиях мероприятия представлена Мордовия в лицах и национальных элементах: портреты мокши, эрзи, шокки, фольклорные коллективы, традиционные обряды, народные праздники, процесс сбора полевого материала членами экспедиции, предметы декоративно-прикладного творчества, украшения, элементы мордовской вышивки.

Этнографическая фотография является важным источником для изучения и сохранения культурного наследия народов. В ходе экспедиций было собрано более 3 500 тыс. ед. аудиовизуальной информации, 278 анкет; собраны экспонаты. Следует отметить, что Мордовская коллекция Этнографического музея г. Будапешта, состоящая ранее из 23 предметов, была собрана Антулом Регули 150 лет назад. Во время экспедиции она пополнилась 44 экспонатами – предметами народного искусства мордвы: домашней утварью, элементами костюма мордвы-мокши, головными уборами, украшениями.

Репрезентация народного искусства мордвы занимает значительное место в международной выставочной деятель-

ности. Выставки по материалам экспедиций были организованы и проведены Научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры в Саранске, Будапеште, Иматре, Хельсинки.

Один из центральных экспонатов выставки – Умарина. Это свадебный атрибут эрзян Дубенского, Атяшевского, Ардамовского районов Мордовии, символ семейного благополучия и счастья. Умарина изготавливается из разноцветной бумаги (не менее 7 цветов), ею украшаются сосновые ветки. Она считается подарком молодым от Кудавы (хозяйки дома), одного из главных свадебных персонажей. Умарина хранится до года и сжигается в ночь перед Пасхой.

Большое значение в обрядовой культуре мордвы имеет головной убор из колосьев пшеницы, кленовых и березовых листьев, искусственных цветов («живой тветт»). Венок («каштаз» – у эрзи, «пурдамо» – у мокши) с древности являлся символом вечности и бессмертия, круговорота жизни в природе, а впоследствии стал символом девичества. Девушки надевали венки на праздники, хороводы, свадьбу.

Участники экспедиции запечатлены на фотографиях в венках из кленовых листьев и колосьев пшеницы.

Мордва – земледельческий народ, и потому очень много обрядов у него связано с плодородием. Например, праздник снопа, который проходит ежегодно в июле в с. Мордовский Пимбур Zubovo-Polyansky района.

В контексте обрядовой культуры у мордвы также проводились озксы – моления, во время которых народ обращался к богам с просьбами о хорошем урожае, крепком здоровье, благополучии. Озкс состоял из нескольких этапов: встреча, напевание пожеланий, приготовление ритуальной еды, проводы. В с. Чукалы Большеигнатовского района празднуют «Раськень озкс» (родовое моление), во время которого проводят обряд зажигания штатола (родовой свечи), обряд насыпания мара (земли), хоровод.

Еще один интересный обряд, зафиксированный на фото, – поклонение Чи-пазу (богу Солнца) как одному из верховных божеств мордвы на горе Ош-пандо (археологический памятник II в. н. э),

Р и с. 5. Умарина. Республика Мордовия, Дубенский район, с. Чиндяново. 2013 г.

F i g. 5. Umarina. Republic of Mordovia, Dubensky District, Chindyanovo village. 2013

которая находится возле с. Сайнино Дубенского района. В этом обряде приняли участие члены экспедиции.

Целый ряд фотографий выставки посвящен образу женщины, и это не случайно. Ценностное отношение к женщине-матери в обрядовой культуре

Р и с. 6. Участие членов экспедиции в обряде поклонения солнцу. Республика Мордовия, Дубенский район, с. Сайнино. 2013 г.

F i g. 6. Participation of expedition members in a sun worship ritual. Republic of Mordovia, Dubensky District, Sainino village, 2013

мордвы связано с характером языческой религии. В мордовской мифологии первоначально все божества были женского пола: Матор-ава – покровительница земли, Ведява – воды, Вириява – леса, Норов-ава – плодородия. Мордовский народ принял христианство лишь в первой трети

Р и с. 7. Девушка в народном костюме мордвы-шокши. Республика Мордовия, Теньгушевский район, с. Шокша. 2014 г.

F i g. 7. A girl wearing a traditional Mordovian-Shoksha folk costume. Republic of Mordovia, Tengushevsky District, Shoksha village. 2014

XVIII в. и очень длительное время сохранял двоеверие, что отразилось в обрядовой культуре.

Художественная и научная ценность экспозиции народного искусства мордвы получила высокую оценку у широкого круга специалистов, художников, ученых, любителей искусства в Финляндии.

Елена Николаевна Ломшина –

кандидат философских наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул., Комарова, д. 13), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>, enlomshina@mail.ru

Ольга Викторовна Пуссинен –

доктор философии, заведующий библиотекой Русского Дома в Хельсинки (г. Хельсинки, Финляндия), olga.pussinen@gmail.com

Татьяна Александровна Дятлова –

кандидат экономических наук, доцент, руководитель финно-угорского направления Югорского государственного университета, координатор Ассоциации финно-угорских университетов (628012, Российская Федерация, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9000-0113>, ta_dyatlova@rambler.ru

Elena N. Lomshina – Cand.Sci. (Philos.), Head of the Research Laboratory of Finno-Ugric Culture, National Research Mordovia State University (13 Komarova St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>, enlomshina@mail.ru

Olga V. Pussinen – Dr.Sci. (Philos.), Head of the Library at the Russian House in Helsinki (Helsinki, Finland), olga.pussinen@gmail.com

Tatyana A. Dyatlova – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Finno-Ugric Studies Department, Yugra State University, Coordinator of the Association of Finno-Ugric Universities (16 Chekhov St., Khanty-Mansiysk 628012, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9000-0113>, ta_dyatlova@rambler.ru

«...НЕ ВОСПЕТ
ПОЭТОМ
ТЕМНИКОВСКИЙ
КРАЙ – ЗЕМЛЯ КНЯЗЕЙ,
МУРЗ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
И ВОИНОВ...» | “...THE POET
DID NOT GLORIFY THE
TEMNIKOVSKY REGION –
THE LAND OF PRINCES,
MURZ, FARMERS
AND WARRIORS...”

Рецензия на книгу: Тангалычев К. Возвращение земляники : записки. Саранск : Типография Красный Октябрь, 2023. 272 с.

Book review: Tangalychev K. The Return of Strawberries: Notes. Saransk: Printing House Krasnyy Oktyabr; 2023. 272 p.

Творчество Камиля Тангалычева, народного поэта Республики Мордовия, заслуженного журналиста России, известно далеко за пределами мордовского края. Автор около двух десятков книг поэзии, публицистики и эссе открылся современному читателю как поэт-философ, осмысливающий нерасторжимые связи человека и природы, человека и мироздания; яркий публицист, раскрывающий образ малой родины, знаковых представителей татарской литературы, связанных с Мордовией, – Шарифа Камала, Хади Такташа, Абдурахмана Абсалямова и др. Его творчество насквозь литературоцентрично: в произведениях актуализируются традиции поэтов-классиков, обнаруживаются скрытые аллюзии и реминисценции на русскую поэзию золотого и серебряного века, лучшие образцы советской лирики.

Поэтическое творчество К. Тангалычева получило высокую оценку и за рубежом. Американские издания «Sulphur River» («Серная река»), «Metamorphoses» («Метаморфозы»), «Poetry New York» («Поэтический Нью-Йорк») и другие опубликовали поэтические подборки его стихов на английском языке, назвав творчество К. Тангалычева

уникальным явлением в современной поэзии России.

Следует признать, что поэтическая составляющая находит яркое отражение в его публицистике и мемуаристике, что подтверждает и выход новой книги «Возвращение земляники» (2023), которая стала своеобразной исповедью писателя о себе и своем нелегком пути в литературный мир. Отметим, что в книгу вошли разножанровые произведения: эссе, заметки, рассказы-воспоминания, лирические зарисовки. Некоторые из них были опубликованы ранее, многие хранились в набросках, ожидая своего часа. И этот час настал – книга вышла к 55-летию

автора, став своеобразным подарком себе и своему читателю.

«Возвращение земляники» – это не конгломерат эссеистических произведений, а целостная книга, раскрывающая внутренний мир поэта, его «болевые точки». На первый взгляд читателю покажется, что в ней нет единого развития сюжета, хронологического событийного плана, характерных для автобиографий. Однако помещенные под одной обложкой ранее написанные произведения композиционно выстроены так, что читатель идет прежде всего не по основным этапам жизни и творчества поэта, а каждый раз останавливается вместе с ним на важных эмоциональных моментах его жизни. Книга становится своеобразной поэтической летописью внутренних переживаний человека. Мы, словно пилигримы, кочуем вслед за автором по вехам его воспоминаний, то попадая в крестьянское одинокое детство поэта, которое ассоциируется со вкусом малины («Ел ягоды, теплые и сочные, и мечтал. Подолгу мечтал в малинике о будущем, о достижениях. Потому до сих пор мое детство для меня, кажется, имеет вкус малины» (с. 66)); то наблюдая за внутренней рефлексией по поводу несовершенств современного мира, где достаточно сложно

пробиться сквозь конъюнктурные рамки различных литературных объединений и организаций («...в пятьдесят с лишним лет, я так и остаюсь мало кем прочитанным кустарем-одиночкой. Утешаю себя тем, что я стихотворец в глазах Вселенной, которую сам сочинил для себя – творящей, всемогущей, внимающей мне, понимающей меня и признающей» (с. 4)), а затем вновь наблюдаем за юношеским взглядом поэта на свою патриархальную родину, которая и явилась источником его поэтического вдохновения и жизненной силы («Откуда-то снова и снова вижу угасающую, лесную, глухую деревню где-то там – на моей родине. Что для меня является такая деревня? Должно быть, время – накануне нового творения мира...» (с. 185)).

Меняя пространственно-временные ракурсы авторских наблюдений, неизменным остается одно – это точка отсчета: поэт и его корни, генетическое родство. К. Тангалычев отказывается от хроникального повествования. Мозаичность воспоминаний, эпизодов, встреч, размышлений постепенно перерастает в авторскую исповедь о собственных внутренних сомнениях и переживаниях: «Почему я, деревенский мальчик, скромно, как неприметный цветок, вырастая на этой тихой, скромной земле, вдруг захотел стать поэтом?» (с. 8). Сюжетообразующей основой новой книги К. Тангалычева и становится поиск ответа на волнующий его вопрос. Поэтому так много внимания в книге отведено детству и родному селу Акчеево Ельниковского района Мордовии. Осмысливая свои родовые корни, автор пытается понять, откуда у него появилась тяга к поэтической Вселенной.

Родившись в обычной крестьянской семье, К. Тангалычев любил читать книги, мечтать о встрече с поэтическими кумирами. Своими наставниками он считал русских поэтов-классиков: Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета; чувствовал поэтическое родство с «тихой» лирикой. Особое влияние на поэтическое мировидение автора оказало творчество русского по-

эта-философа Ф. И. Тютчева. Не раз в своих воспоминаниях автор подчеркивал: «Своевременно пришел в мою жизнь этот поэт со стихами о живой мыслящей природе... Тютчев окажется во многом мне близок» (с. 34).

Мотив одиночества и непонимания, словно сердечная боль, пронизывает всю книгу «Возвращение земляники». Эта боль возникает прежде всего от непонимания и неприятия его устремлений самыми близкими людьми – родителями, которые никогда не читали его стихов. На протяжении всей своей сознательной жизни поэт переживает чувство «не-реализованности родительских ожиданий», они не разделяли его увлечений литературой и мечтали о внуках. Простые люди, всю жизнь прожившие в деревне, занимающиеся тяжелой работой на земле, мечтали о простом человеческом счастье для своего ребенка. Но вот понимание счастья расхлослось: «Пел я свою соловьиную песню и как раз тем самым не сумел по-настоящему состояться в глазах матери; состояться так, чтобы душа ее пела, ликовала и торжествовала при жизни» (с. 212).

Образ матери, переживающей за своего сына, присутствует почти в каждом очерке: «После завершения торжественного мероприятия в Саранске, где мне вручили государственную награду – грамоту и знак народного поэта Мордовии, я сразу же, сверкая на весеннем солнце значком на груди, позвонил матери в деревню и сообщил о награждении. Она произнесла молитву, должно быть, от радости, а более всего – из-за постоянного материнского беспокойства о сыне. И всегда, когда я звонил матери в деревню, она читала мне по телефону молитву; она молилась в том числе и за мое литературное творчество, составившее мою повседневную жизнь, хотя и не читала моих книг...» (с. 74); или: «Ни одно мое стихотворение она не прочитала, ни одну мою статью в газете не смотрела. Страдал ли я от этого? Нет, более того – это давало мне даже какую-то свободу» (с. 188).

Оглядываясь в прошлое, поэт постоянно ищет опору в дорогом сердцу образе. Ощущение несказанных главных слов о своей любви матери, обида на собственное равнодушие, упущенные мгновения близости вновь и вновь настигают его, погружая в ностальгические картины недавнего прошлого: «В пустом доме на стене и сейчас висят мои детские фотографии, на которые постоянно смотрела моя мать и посылала мне, через мой образ, искренние молитвы. Будто в фотографиях и я остался в пустом доме. И мне, живущему в городе за много километров от Акчеева, сейчас страшно в Акчееве... Впервые страшно в этом доме – без матери» (с. 103). Или: «Какое-то особенное, трогательное, щемящее мгновение я упустил – будто упустил время и возможность исцеления, не сфотографировав мать с зверобоем в руках. Будто и время собственного душевного исцеления я упустил. И вообще, многое упустил в жизни – как это мгновение, и сейчас гложет меня вина, болит эта вина во мне» (с. 99).

Через воспоминания, жизненный опыт поэт пытается донести главную мысль о том, что в погоне за своей мечтой, достижениями поставленных целей человек теряет главное – связь со своими корнями, предками, малой родиной. Образ малой родины, села Акчеева, – центральный в художественной системе книги К. Тангалычева. Этот образ многомерен, состоит из важных нравственно-этических составляющих. Он вбирает в себя образы не только родителей, семейного очага, но и родной природы, односельчан, национальных традиций. Книга наполнена воспоминаниями о соседях, знакомых, родственниках. Жизненные истории бабушки Шарифи, Хасяна бабая, Камила абзи, отца о своих предках также становятся ценными для автора. Однако и воспоминания о них часто омрачаются болезненными ощущениями упущенных возможностей внимательного взглядывания в их судьбы: «Я только об одном сегодня хотел бы себя попросить, обращаясь в свое детство: быть

внимательнее к близким людям; быть бережнее к маленьким, но дорогим и сокровенным событиям. Вот что по-настоящему имеет значение: свежесть травы под босыми ногами младенца, запах зацветающей пижмы из детства, подовый ржаной хлеб, вынутый из печи; и само детство, непременно становящееся как отрезанный ломоть...» (с. 73). Через осколки памяти, отрывочные рассказы о предках, семейных традициях, реликвиях автор пытается реконструировать родословную, чтобы нащупать свое место в истории семьи и понять свое предназначение.

Многие предки поэта по отцовской линии были мастеровыми. Село Акчеево славилось жестианщиками, они могли управлять металлом, заставляя железо подчиняться воли и желаниям человека. Поэт чувствует неразрывную связь с предками, его призвание также сродни мастеровым-жестианщикам – управлять поэтическим словом. Не случайно автор подчеркивает: «И мне остается одно: благодарно быть собой – мастером в поэзии. Жестианщиком стиха. И всегда учиться у природы» (с. 93). Данная мысль находит яркое воплощение и в поэтическом творчестве К. Тангалычева: «Родом из неба мое вдохновенье. / На жести заката порой / Мне посылает стихотворенья / Русской поэзии век золотой. / Лермонтов, Пушкин, / Мой прадед-жестианщик – / Вселенной самой мастера. / Сегодня страницы небес шелестящих / Вновь незаметно коснулись пера» («Век жестианной»).

Небольшое татарское село, расположенное в Ельниковском районе Мордовии, становится не просто местом рождения поэта, а точкой Мироздания, где он чер-

пает вдохновение, берет жизненные силы. Синтез национальных традиций, безусловно, повлиял на становление индивидуально-авторской манеры К. Тангалычева. Не соглашаясь с мнением литературоведа Г. Горбунова, который назвал творчество К. Тангалычева «татарским компонентом» в мордовской литературе (с. 43), сам поэт считает себя темниковским татаринком, вдохновленным Мордovieй и пишущим на русском языке о ее красоте и национальном богатстве. Его поэтический язык близок и понятен как татарскому, так и мордовскому народам. Обращаясь к поэтическому наследию автора, можно отметить, что все стихи К. Тангалычева объединяет идея взаимосвязи времени и человека, идентифицирующего себя в многонациональном пространстве, когда мордвин, татарин, русский мыслят, чувствуют, переживают и творят на одном языке – «языке сердца». Миссию поэта он прежде всего видит в возможности воспеть свою малую родину языком великих поэтов-классиков: «О звездах, о Вселенной, о закатах, о грозах и о лунном сиянии над моей родиной, расположенной непременно в центре планеты Земля, я писал пушкинским стихотворным размером» (с. 175). Его новая книга становится своего рода песней о родной земле, Темниковском крае, который, к великому сожалению К. Тангалычева, не был удостоен внимания А. С. Пушкина: «... не воспет поэтом Темниковский край – земля князей, мурз, земледельцев и воинов...» (с. 175). Эту историческую несправедливость и исправляет автор книги.

Важное значение в понимании идейно-художественного плана

книги имеет и ее название. Драматическая тональность создается через ощущение вымирания родной деревни, скоротечности человеческой жизни. Автор с ностальгической грустью повествует об ушедших людях, традициях; ему тяжело смотреть на покосившиеся домики, пережившие своих хозяев. Неспешный жизненный ход времени уводит односельчан в иной мир, иное пространство, оставляя лишь боль воспоминаний о них. Однако неизменной остается родная природа: буйство трав, шум дождя, белоснежные березы и дурманящий запах земляники. Эта чудесная ягода каждое лето возвращается со своим неповторимым вкусом детства, напоминая нам о самых счастливых мгновениях прошлого.

«Возвращение земляники» К. Тангалычева, безусловно, не претендует на статус автобиографии, так как в ней не сохраняется ее жанровый канон, однако сама архитектура книги, ее исповедальная наполненность, своеобразие нарраторской подачи, полиграфическое оформление, метафорический заголовок – все указывает на желание автора поделиться с читателем самыми сокровенными мыслями, раскрыть перед ним все природное, национальное и историческое богатство родного края. Перед нами открывается гораздо больше, чем биография поэта, – перед нами открывается безгранично любящая поэзию душа лирика. Эта книга будет интересна всем тем, кто так же, как и сам автор, не равнодушен к художественному слову, кто желает приблизиться к настоящей поэзии, которую и создает русский поэт Мордовии с татарскими корнями К. Тангалычев.

Светлана Петровна Гудкова –

*доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>, sveta_gud@mail.ru*

Svetlana P. Gudkova –

*Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>, sveta_gud@mail.ru*

ФИННО-УГОРСКОЕ
КУЛЬТУРНОЕ
СОДРУЖЕСТВО
(К 30-ЛЕТИЮ
РОССИЙСКОГО
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО
ТЕЛЕВИЗИОННОГО
ЖУРНАЛА «ФИННО-
УГОРСКИЙ МИР»)*

FINNO-UGRIAN
CULTURAL
COMMONWEALTH
(TO THE 30TH
ANNIVERSARY
OF THE RUSSIAN
INTERREGIONAL
TELEVISION MAGAZINE
“FINNO-UGRIC WORLD”)

Сложно переоценить роль межрегионального телевизионного журнала ВГТРК «Финно-угорский мир» (далее – «ФУМ») в привлечении внимания к жизни и самобытной культуре финно-угорских и самодийских народов, проживающих на территории Российской Федерации. За 30 лет со времени выхода первого выпуска в 1993 г. подготовлено более 320 оригинальных программ. История создания и становления «ФУМ» как самостоятельного сюжета развития электронных СМИ (в виде своеобразного творческого «продукта») последовательно отражалась в публикациях авторов статьи¹. В настоящей работе деятельность «ФУМ» рассматривается с точки зрения его потенциальных возможностей как специфического источника в силу визуально воспроизводимой и воспринимаемой информации культурологического содержания.

В одном из выпусков 2018 г. прозвучало: «Еще 25 лет назад немногие в нашей стране могли ответить на вопрос, кто такие финно-угры. Мало знали друг о друге и сами финно-угор-

Р и с. 1. XV-й Международный фестиваль телевизионных фильмов и программ «Финно-угорский мир». Сыктывкар, 2010 г. Призеры и участники фестиваля

F i g. 1. XV International Festival of Television Films and Programs “Finno-Ugric World”. Syktyvkar, 2010. Prize Winners and Participants

ские народы: они жили в разных регионах и странах. Теперь их культура, традиции, новые достижения открыты для всей России и не только. В этом заслуга и нашего тележурнала» (*Выпуск от 16.09.2018*)². По-прежнему актуально суждение директора ГТРК

«Мордовия», доктора филологических наук Сергея Десяева, высказанное еще в канун 20-летия «ФУМ»: «В XXI веке одним из сложнейших вопросов остается национальный. Не только в России, но и в Испании, в Великобритании. Вопрос требует

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

¹ Попов А. А., Линкова Н. Ю. 50 лет в телеэфире (Очерки истории телевидения в Республике Коми). Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2014. 182 с.; Линкова Н. Ю. Телевидение в Республике Коми. XXI век – новые реалии (Очерки истории). Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2021. 96 с.

² Здесь и далее в скобках указана выделенная курсивом дата выхода очередного тематического выпуска тележурнала (по данным Текущего архива ГТРК «Коми гор»).

Р и с. 2. Участники XV-го Международного фестиваля телевизионных фильмов и программ «Финно-угорский мир» в Центре народных ремесел «Зарань». Республика Коми, Сыктывдинский район, 2010 г.

F i g. 2. Participants of the XV International Festival of Television Films and Programs "Finno-Ugric World" at the Zaran Folk Crafts Center, Republic of Komi, Syktyvdinsky District, 2010

весьма осторожного и разумного подхода. Его нельзя абсолютизировать, но нельзя и игнорировать. Однако затихают политические баталии, забываются данные в пылу полемического задора обещания, и наступает время конкретных дел. Есть политическая конъюнктура, а есть сложная и кропотливая работа. И эту работу уже много лет выполняют сотрудники гостелерадиокомпаний, входящих в холдинг ВГТРК, создавая тележурнал «Финно-угорский мир». Причем в выпусках журнала – не только красивые пейзажи, интересные люди, но и сюжеты о проблемах, которых у финно-угорских народов накопилось немало». В 2013 г. высоко оценил факт появления межрегиональной телепрограммы председатель Международного консультативного комитета финно-угорских народов Валерий Марков: «Из всех профессионалов, которые работают с финно-угорским сообществом, телевизионщики были первыми, кто объединился на профессиональной основе для сотрудничества, для помощи друг другу, для того, чтобы знакомить наших собратьев, живущих в разных странах и регионах, с жи-

вью друг друга. И тележурнал «Финно-угорский мир» получился тем окошком, через которое мы смотрим на всех остальных наших собратьев»³.

Впервые вопрос о необходимости создания совместной межрегиональной телевизионной программы финно-угорских телерадиокомпаний был поставлен на Первом Международном фестивале телевизионных программ финно-угорских народов, который состоялся в октябре 1991 г. в столице Республики Марий Эл Йошкар-Оле.

Реальное оформление идея получила в декабре 1992 г. на состоявшемся в Сыктывкаре на базе ГТРК «Коми гор» Втором Международном фестивале телевизионных фильмов и программ «Финно-угорский мир», приуроченном к Первому всемирному конгрессу финно-угорских народов, участники которого также собрались в это время в столице Коми. Именно тогда было принято решение о создании силами телерадиокомпаний финно-угорских регионов России совместного телевизионного ежемесячного журнала «ФУМ». Его учредителями стали ГТРК «Марий Эл», «Удмуртия», «Коми

гор», «Мордовия», «Югория», «Карелия», «Пермь Т-7», «Коми-Пермяцкая».

Произошедшее было вполне закономерным событием в историческом контексте того времени. Процессы, происходившие в общественно-политической жизни во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. свидетельствовали о росте национального самосознания народов. Не оставались в стороне и финно-угорские регионы. Так, в столице Коми – Сыктывкаре – в январе 1991 г. состоялся I-й Съезд коми народа, по итогам которого было принято 5 резолюций. В одной из них – «О национальной политике в области языка и культуры» – была заложена идея о необходимости применения в государственной сфере двух языков – коми и русского. В основу правовой базы новой национально-языковой политики в регионе был положен Закон Республики Коми «О государственных языках» (1992), в соответствии с которым коми язык приобрел государственный статус. В ноябре 1991 г. в Сыктывкаре состоялся чрезвычайный II-й Съезд коми народа. 10 февраля 1992 г. Президиум Верховного Совета республики принял постановление «О решениях II Съезда Коми народа», в котором отмечалось, что поднятые съездом проблемы, связанные с развитием национальной культуры коми народа и межнациональных отношений, требуют повышенного внимания со стороны органов государственной власти. Что касается объединительного процесса национальных движений финно-угорских народов России, первым шагом к их консолидации стало совещание представителей национальных движений финно-угорских народов России, которое состоялось в октябре 1991 г. в Сыктывкаре. А уже в феврале 1992 г. в столице Коми прошла учредительная конференция по созданию Всероссийской ассоциации финно-угорских народов. Конференция приняла решение

³ Текущий архив ГТРК «Коми гор». 2013 г.

о созыве Всероссийского съезда финно-угорских народов, который состоялся в Ижевске в мае 1992 г. В декларации I-го Всероссийского съезда финно-угорских народов «О языках финно-угорских народов Российской Федерации», в частности, говорилось о необходимости придания финно-угорским языкам статуса государственных. Таким образом, к концу 1992 г. условия для принятия решения о создании силами телерадиокомпаний финно-угорских регионов России совместной телевизионной программы были вполне благоприятными.

Первоначально выпуски журнала формировались по очередности в каждом из регионов-участников. Впервые представители телерадиокомпаний – координаторы проекта – собрались в феврале 1993 г. в Ижевске, где на базе ГТРК «Удмуртия» была создана первая передача «ФУМ». Каждая телерадиокомпания предлагала самые интересные, колоритные, яркие сюжеты. Они обсуждались, отбирались, определялся порядок верстки материалов внутри программы, каждый сюжет представлялся ведущим (ими были координаторы из регионов). Такой подход изначально определил форму передачи – тележурнал. Как правило, в каждый выпуск входило 5-6 материалов, хронометраж программы составлял от 30 до 50 минут. Затем передача монтировалась и тиражировалась для последующего выхода в эфир. Так выстраивалась и формировалась концепция цикловой ежемесячной межрегиональной телевизионной программы «ФУМ».

Когда становление журнала состоялось, работа над ним перешла в форму заочного общения. Ежемесячно материалы для очередного выпуска отправлялись по почте в каждую из телекомпаний-участниц, где журнал собирался и тиражировался. Раз в год проводились семинары координаторов. В кризисные для отрасли 1995–1996 гг. сложившаяся

Р и с. 3. Участники семинара, посвященного 20-летию межрегионального тележурнала «Финно-угорский мир», с заместителем Генерального директора ВГТРК – руководителем Регионального департамента Р. А. Сабитовым. Сыктывкар, 2013 г.

F i g. 3. Seminar participants dedicated to the 20th anniversary of the interregional television magazine "Finno-Ugric World", with the Deputy General Director of VGTRK – Head of the Regional Department, R. A. Sabitov. Syktyvkar, 2013

ся система стала давать сбои, ломался привычный ритм выхода передач в эфир. В 1996 г. на семинаре координаторов в Сыктывкаре для сохранения уникального межрегионального тележурнала было принято решение о том, что именно ГТРК «Коми гор» – наиболее технически оснащенная в то время региональная телерадиокомпания – возьмет на себя формирование, запись и тиражирование передач для отправки в другие регионы. Так ГТРК «Коми гор» стала своего рода творческим и техническим центром по созданию тележурнала⁴. До 2004 г. включительно тележурнал выходил за счет средств федерального бюджета. С 2005 г. в результате реорганизации ВГТРК, структурными подразделениями которой были телерадиокомпания – участники тележурнала «ФУМ», ГТРК «Коми гор» была вынуждена искать для его создания дополнительные средства. Перед телерадиокомпанией стояла непростая задача сохранения межрегиональной программы. В 2005–2007 гг. проект финансировался как государственный заказ Правительства Республики Коми, а в 2009 г. по-

лучил финансовую поддержку федерального бюджета Российской Федерации за счет гранта Департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития Российской Федерации. Поддержку тележурналу оказывали Консультативный комитет финно-угорских народов, Общество М. А. Кастрена (Финляндия). С июля 2023 г. межрегиональный телепроект создается на базе ГТРК «Мордовия».

В настоящее время тележурнал выходит в эфир федерального телеканала «Россия-1» и доступен жителям девяти регионов Российской Федерации: это республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Ханты-Мансийский АО, Кудымкарский район Пермского края, а также ряд районов Кировской области и Башкортостана. Программы размещаются также на официальных сайтах телерадиокомпаний, участвующих в создании тележурнала. Это позволяет значительно расширить зрительскую аудиторию.

Передачи, в которых поднимаются проблемы сохранения финно-угорских народов, развития национальных культур, освещается жизнь регионов с финно-угорским

⁴ Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 2757. Л. 43-45.

Р и с. 4. Межрегиональный семинар «Финно-угорский мир: расширение культурного пространства». Республика Марий Эл, Йошкар-Ола, 2014 г.

F i g. 4. Interregional Seminar "Finno-Ugric World: Expanding the Cultural Space". Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, 2014

населением, способствуют пропаганде традиционных культурных ценностей, нравственности, возрождению чувства патриотизма и гордости за богатое культурное наследие. Сюжеты и видеоиллюстрации (интервью, стихи, песни) выходят на национальных языках с переводом – субтитрами на русском языке. Это обретает особую значимость в сохранении и развитии языковой культуры финно-угорских народов.

Исследование содержания, контент-анализ программ журнала за время его существования дает представление о многообразии отражения этнокультурных процессов. Проиллюстрируем это на целом ряде тематических направлений. Одно из главных – возрождение народных традиций. Большой интерес вызывают видеоматериалы о своеобразном стиле жизни, вековых традициях, связанных с ведением хозяйства. Особенно актуальна в последние годы тема сельского этнотуризма. О примере его развития рассказывает сюжет о стойбище оленеводов хантов – коренных жителей Югры. Самобытность и давние устои во многом передаются в семьях из поколения в поколение, как в семье В. Кантерова. Здесь сохранен традиционный образ жизни, древние ремесла

(17.10.2023). Е. Панфилова из карельского с. Заозерье Прионежского района создала историко-этнографический музей в своей родной избе, много лет собирая экспонаты (21.12.2021). С реконструкцией старинных обрядов народа эрзи (имянаречение, песни, причитания) в Кочкуровском районе республики Мордовия знакомит О. Еремина (02.06.2023). Еще один сюжет – о новой жизни мордовского с. Баракино, возродившегося благодаря проекту «Мое село» и поддержке бывшего земляка, предпринимателя (17.03.2022). С такой гранью современной реальности, как возвращение сельчан из городов на родину, знакомит пример из Карелии: семья недавнего горожанина вепса К. Семенова, переехав в деревню, организовала конеферму (03.10.2023). А коми «Кулибин» А. Федосеев из с. Небдино Корткеросского района изготовил своими руками дельтаплан (03.10.2023).

Благодаря освещению народных праздников, таких как открытие Года вепской культуры в карельском с. Шокша (17.03.2022), праздник пельменей – традиционного национального блюда – в Удмуртии (20.03.2023), удается подчеркнуть: жизненный уклад – основа самобытности нации.

Значительное внимание в тележурнале «ФУМ» уделяется родным языкам. Очевидно, что существенную роль в этом важном процессе играют средства массовой информации, такие как первая народная политическая и литературная газета на мордовском языке, изначально называвшаяся «Мужик» и отменившаяся в 2022 г. 115-летний юбилей (12.04.2022), детские журналы «Чилисема» («Восход») на эрзянском и «Якстерь тяштенья» («Красная звездочка») на макшанском языках (07.07.2022), радио Марий Эл, ведущее передачи на марийском, русском и татарском языках (28.09.2023), радующие своих читателей и слушателей уже 90 лет. Особое отношение в регионах и к развитию национальных театров. Уже традиционными стали встречи в Марий Эл на Международном театральном фестивале финно-угорских народов «Майатул» (07.07.2022). Искренней любовью зрителей Республики Коми пользуется Национальный музыкально-драматический театр, поставивший за 30 лет деятельности 90 премьерных спектаклей. В год его юбилея издана книга-летопись «Театр под знаком птицы счастья» (12.04.2022), организована выставка «Закулисье» о работе постановочных цехов, чья деятельность обычно остается «за кадром» (18.11.2022).

Развитие языковых традиций в учебном процессе подразумевает использование и современных технологий, и игровых методов. Воспитатель детского сада из Югры Т. Любавина – автор реализующихся в регионе проектов «Думающие игрушки народов Севера» и «Языковое гнездо» по изучению детьми языка, традиций, культуры народов манси и ханты (17.03.2022). Ребята принимают активное участие в конкурсе юных чтецов на марийском языке «Колумбовские чтения», названного в честь известного в Марий Эл писателя В. Колумба (03.10.2023), а в Петрозаводске снимают детский юмористический тележурнал на карельском и вепском языках (12.04.2022).

Важнейшее место в народной культуре занимает музыка. Каждое связанное с ней мероприятие (независимо от масштаба и числа участников) становится большим событием. Это и концерт-конкурс народных коллективов «Битва хоров» в Петрозаводске, посвященный творчеству И. Левкина (02.06.2023), и праздник народной музыки в Удмуртии (28.09.2023). «Изюминкой» Международного песенного праздника, собравшего в Карелии 80 коллективов финно-угорских регионов, стало выступление под аккомпанемент кантелистов сводного хора, объединившего две тысячи исполнителей, и сводного детского хора в 500 человек (07.07.2022). Символично, что именно в Петрозаводской консерватории уже в течение 30 лет работает единственная в стране кафедра музыки финно-угорских народов (28.09.2023).

Практически каждый выпуск тележурнала завершается ставшей традиционной музыкальной страничкой, создающей особый настрой. В передачах звучат народные и современные песни на национальных языках.

Пропаганда, сохранение и развитие культуры народов финно-угорских регионов – процесс непростой и достаточно длительный. Важная роль в его активизации принадлежит выдающимся представителям искусства, таким как фольклорист из Мордовии В. Ромашкин (21.12.2021), писатели и общественные деятели Республики Коми Г. Юшков (17.03.2022) и В. Тимин (07.07.2022), хантыйская поэтесса, сказительница, журналист М. Волдина (12.04.2022), специалист по саамскому языку, ученый-лингвист Г. Керт (20.03.2023).

Большое внимание уделяется в региональном тележурнале материалам, связанным с исторической памятью. Это сюжет о знаменитом российском адмирале Ф. Ушакове, причисленном к лику святых, который провел последние годы жизни в мордовском Санаксарском монастыре. Имя Федора Ушакова носит Темниковский историко-краеведческий музей (18.11.2022). Зрителей

Р и с. 5. Экскурсия по Йошкар-Оле

F i g. 5. Tour of Yoshkar-Ola

познакомили с созданием анимационного фильма «Северный путь» о формировании в годы Великой Отечественной войны оленно-транспортного батальона (автор Т. Викторова) (21.12.2021). Специальные выпуски посвящены героям Великой Отечественной войны из разных регионов (16.05.2022), стихам и песням Победы на финно-угорских языках народов России (04.05.2023).

Характерно, что активное участие в финно-угорском движении принимают люди, проживающие волею судеб в других регионах. Об этом – репортажи с выездного совещания Всемарийского совета в Новгородской области (12.04.2022), с научно-практической конференции «Две культуры, одна родина», состоявшейся в Тверской области, где проживают 7 тыс. карелов (14.09.2022), с 21-й международной этнокультурной экспедиции-фестиваля «Волга – река мира. Диалог культур волжских народов» (14.09.2022), зарисовка о деятельности национально-культурной автономии «Марийцы в Москве» (20.03.2023).

Привлечению внимания к разнообразной и самобытной культуре способствуют масштабные мероприятия: 14-й Всероссийский слет марийской молодежи (14.09.2022), состоявшийся в Республике Коми, слет Домов дружбы

народов Северо-Западного федерального округа, в рамках которого проходил фестиваль культур «Северное многоцветье» (14.09.2022).

Важная тематическая рубрика тележурнала связана с культурой и сохранением ремесел. Ключевые герои – талантливые мастера, сберегающие секреты забытых ремесел и развивающие их: М. Бабалык – научный сотрудник музея-заповедника «Кижичи», дизайнер, представившая на фестивале этно-моды в Санкт-Петербурге карельские костюмы, созданные с использованием древних традиций (18.11.2022); преподаватель Е. Миронов, изготавливающий из липы игрушки с традиционным орнаментом эрзян (28.12.2022); В. Тарлин – мастерица по пошиву из оленьей замши традиционной старинной обуви обских угров и ханты (18.11.2022).

Живой интерес вызывают творческие встречи и мастер-классы, на которых народные умельцы делятся опытом и знаниями: экоцентр в Югре знакомит с секретами национального рукоделия (28.09.2023), фестиваль ткачества «Живая нить» в Удмуртии посвящен сохранению традиционных ремесел и декоративно-прикладного искусства (17.10.2023), в Карелии популярны мастер-классы по изготовлению травяных гобеленов (17.10.2023).

Огромное внимание вызвало организованное в г. Саранске, столице Мордовии, детское дефиле национальных мокшанских костюмов, в котором приняли участие 40 человек (03.10.2023).

Рубрика «Золотая коллекция» знакомит зрителей с уникальными документальными кадрами из летописи культурной и общественной жизни финно-угров. В год 30-летия специальные выпуски были посвящены истории финно-угорского движения и организации тележурнала в 90-е гг. XX в. (06.03.2023), (02.06.2023).

Создание в 1993 г. межрегионального тележурнала «ФУМ» сыграло определенную роль в расширении сотрудничества телерадиокомпаний. Работа специалистов нескольких регионов в реализации совместного проекта содействовала обмену опытом, позволяла учиться друг у друга, повышать профессиональный уровень журналистов, режиссеров, операторов. На ставших традиционными творческих семинарах координаторы тележурнала оценивали работу «изнутри», обсуждали итоги, ак-

туальные проблемы, перспективы развития. Хорошей творческой школой стали Международные фестивали телевизионных фильмов и программ «Финно-угорский мир»⁵. За годы совместной работы в филиалах ВГТРК, объединенных общей целью, сложился межрегиональный творческий коллектив людей заинтересованных, стремящихся показать наиболее интересные аспекты жизни своих республик. Сотрудничество телерадиокомпаний способствовало размещению в их телеэфире и других обменных тематических передач.

Творческая деятельность большого коллектива высоко оценена на федеральном уровне. В 2013 г. межрегиональный телевизионный журнал «Финно-угорский мир» награжден специальным призом Полномочного представителя Президента Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу на конкурсе Ассоциации средств массовой информации Северо-Западного региона «СеЗаМ» (г. Санкт-Петербург), в 2018 г. стал лауреатом X-го Всероссийского

конкурса «СМИротворец – 2018» в номинации «Телевидение» за лучшее освещение в средствах массовой информации вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений (г. Псков).

За более чем три десятка лет в «ФУМ» – в весьма оригинальной телевизионной периодике – изменилось многое: технические новации и Интернет значительно упростили процесс общения, отправки и получения видеоматериалов; не раз обновлялось оформление программы; в создании сюжетов наравне с опытными коллегами принимает участие молодежь. Неизменна лишь концепция тележурнала – он является своего рода зеркалом многогранной жизни финно-угорских регионов.

Время показало состоятельность задуманной 30 лет назад идеи. Программа «Финно-угорский мир» имеет свое лицо, свой стиль и своего зрителя. Каждый выпуск тележурнала – это документальная картина о жизни людей, преданных своей земле, традициям своих предков, это летопись жизни многонациональной России.

Александр Александрович Попов –

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2272-1602>, doctor_popov@mail.ru

Наталья Юрьевна Линкова –

кандидат исторических наук, директор Государственной телерадиовещательной компании «Коми гор» 2005–2016 гг., (167005, Российская Федерация, г. Сыктывкар, пр-т Октябрьский, д. 164), tvlink@list.ru

Alexander A. Popov –

Dr.Sci. (Hist.), Professor, Chief Researcher Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., Syktvykar167982, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2272-1602>, doctor_popov@mail.ru

Natalya Yu. Linkova –

Dr.Sci. (Hist.), Director of the State TV and radio broadcasting company "Komi Gor" 2005–2016, (164 Oktyabrsky Avenue, Syktvykar 167005, Russian Federation), tvlink@list.ru

⁵ Там же. Д. 2393. Л. 1-18.

ВСЕРОССИЙСКАЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАРОДНАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ИСКУССТВО: ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ»

ALL-RUSSIAN
SCIENTIFIC
AND PRACTICAL
CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL
PARTICIPATION
“FOLK ARTISTIC
CULTURE AND
PROFESSIONAL ART:
INTERACTION
ISSUES IN THE
CONTEXT OF THE
MODERN CULTURAL
PARADIGM”

Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Народная художественная культура и профессиональное искусство: проблемы взаимодействия в контексте современной культурной парадигмы», организованная по инициативе Института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва и Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова состоялась 14–15 и 28 марта 2024 г. Она являлась одним из пилотных проектов в рамках многопрофильного сотрудничества вузов. Партнерами конференции выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российская академия художеств, Российское культурологическое общество.

Цель конференции заключалась в представлении и обсуждении фундаментальных и прикладных исследований в области философии, культурологии, искусствоведения и других гумани-

Р и с. 1. Открытие выставки работ студентов и преподавателей Колледжа дизайна и декоративно-прикладного искусства Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова. Экспозиционный зал Института национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва

F i g. 1. Opening of the exhibition of works by students and faculty of the College of Design and Decorative Arts at the Russian State University of the Arts named after S.G. Stroganov. Exhibition hall of the Institute of National Culture at National Research Ogarev Mordovia State University

тарных наук в части изучения динамики событий традиционного и современного искусства в культурном пространстве России.

14 марта 2024 г. на открытии конференции в г. Саранске в при-

ветственном адресе президент Российской академии художеств, посол доброй воли ЮНЕСКО, народный художник Российской Федерации З. К. Церетели отметил, что одной из основных

проблем взаимодействия народной художественной культуры и профессионального искусства являются вопросы сохранения и передачи традиций. Современное искусство зачастую стремится к новаторству и инновациям, в то время как народная культура укоренена в старых традициях и обычаях. Как результат возникает конфликт между сохранением старых ценностей и открытием новых путей самовыражения. Важно понимать, что народная художественная культура и профессиональное искусство могут взаимодействовать и взаимодополнять друг друга. Сотрудничество между двумя этими сферами может принести более богатые и разнообразные творческие результаты.

Председатель Президиума Российского культурологического общества, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук О. Н. Астафьева подчеркнула, что данная конференция задает очень серьезную проблематику, рассматривает вопросы сопряжения народной художественной культуры и профессионального искусства – значимость языка, традиций, культурного наследия, культурной идентичности и той самой основы, которая образует у нас культурные коды. Это связано с изменением парадигмы глобальной культуры, которая в многополярном мире трансформирует свои векторы, ориентированные на жесткую интеграцию, и позволяет раскрыть подход на сопряжение глобального и регионального уровней.

Ректор МГУ им. Н. П. Огарёва, кандидат педагогических наук Д. Е. Глушко отметил тот факт, что сегодня наступает момент в истории нашего государства, когда культура народов Российской Федерации является элементом системного стабильного развития страны. Необходимо развивать современную культуру, основываясь на народных тра-

Р и с. 2, 3. Пленарное заседание Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Народная художественная культура и профессиональное искусство: проблемы взаимодействия в контексте современной культурной парадигмы»

F i g. 2, 3. Plenary session of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, "Folk Art and Professional Art: Interaction Issues in the Context of the Modern Cultural Paradigm"

дициях, потому что невозможно заниматься современным искусством, не являясь при этом носителем национальной культуры.

С приветственным словом в адрес участников конференции также выступили заместитель генерального директора по региональному развитию Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России» Н. Н. Абдуганиев, и. о. директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук А. Е. Загребин.

На пленарном заседании прозвучали разноплановые доклады. Динамику взаимодействия

народного и профессионального искусства в современном культурном пространстве рассмотрела в своем выступлении профессор кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор культурологии О. Г. Беломоева. Академик Российской академии искусств, профессор кафедры «Дизайн-текстиль» Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова, заслуженный художник РФ С. В. Гавин представил интерпретацию мотивов народного

искусства в монументальных гобеленах на примере творчества современной художницы и мастера декоративно-прикладного искусства Наталии Лаврентьевой. Профессор кафедры семиотики и общей теории искусства Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор искусствоведения В. Б. Кошаев осветил народное искусство в академическом измерении.

Первая сессия конференции «Народная художественная культура и профессиональное искусство: проблемы взаимодействия в контексте современных образовательных технологий и культурных практик», включающая работу двух секций, прошла 14–15 марта 2024 г. на базе МГУ им. Н. П. Огарёва. 28 марта 2024 г. на базе Российской академии художеств состоялась вторая сессия (третья секция) – «Народная художественная культура и профессиональное искусство: проблемы взаимодействия – теория, история, практика».

На первой и третьей секциях участники конференции из Арзамаса, Воронежа, Грозного, Ижевска, Казани, Кстово, Москвы, Нижнего Новгорода, Саранска, Саратова, Ханты-Мансийска, Ярославля, Алматы, Тараз (Республика Казахстан), Минска (Республика Беларусь), Хельсинки (Финляндия), Пекина (Китай) обсудили различные вопросы взаимодействия народной художественной культуры и профессионального искусства в современных условиях, а также онтологический статус и символику народной культуры, проблемы типологии и терминологии художественного творчества; рассмотрели традиции и развитие различных художественных промыслов и видов декоративно-прикладного искусства (вышивка, гобелен, керамика, резьба по дереву и др.); раскрыли опыт трансляции народных ценностей в практике работы различных учреждений культуры (на примере МБУ «Кстовский историко-краеведческий музей – центр народной культуры “Берегиня”», ГБУК «Мордовский республиканский

музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи», БУ «Центр народных художественных промыслов и ремесел» и др.).

Большой цикл докладов был посвящен вопросам практики и инновации в создании этнического (мордовского, татарского, черкесского, чеченского и др.) костюмного комплекса на современном этапе, его интерпретации и визуального кода в контексте современного дизайна одежды.

Представители Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова, Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А., Удмуртского государственного университета, Национальной академии искусства им. Темирбека Жургенова и других поделились опытом работы в области творческого осмысления образцов народного искусства в рамках образовательного процесса: методами изучения гончарного искусства в ходе изучения дисциплины «Художественная керамика»; традиционными ручными технологиями в рамках образовательной программы «Художественный металл»; синтезом традиций народного и современного ткачества на занятиях по дисциплине «Технологии исполнения и проектирования изделий ДПИ», а также рассказали об иконописи, русской набойке, кружевоплетении на коклюшках в практике отечественного художественного образования.

Часть докладов была посвящена формам взаимодействия народной художественной культуры и профессионального искусства (на примере творчества современных художников З. К. Церетели, П. В. Рябова, А. П. Холмогорова, Н. М. Филатова и Н. В. Лаврентьевой).

В рамках второй секции ученые Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, преподаватели детских школ искусств и средних специальных учебных заведений

в области культуры и искусства из Саранска и Лаишево (Республика Татарстан) обсудили вопросы развития музыкального и хореографического искусства, рассмотрели новые образовательные технологии работы с исполнителем, представили различные инновационные педагогические методики в области музыкального образования, проанализировали архивные фольклорные музыкальные материалы и электронные издания о мордовском танце как части культурного наследия народов России. Всего на конференции было представлено 96 докладов.

Программа конференции включала также блок творческих мероприятий. В экспозиционном зале Института национальной культуры была представлена выставка работ студентов и преподавателей Колледжа дизайна и декоративно-прикладного искусства РГХПУ им. С. Г. Строганова, включающая 160 экспонатов разных видов декоративно-прикладного творчества, выполненных студентами в разные годы: художественный текстиль, батик, роспись и резьба по дереву, вышивка, кружево, художественный металл и лаковая миниатюра.

Выставочный зал комплекса «Огарёв Арена» МГУ им. Н. П. Огарёва стал площадкой презентации учебных и творческих работ студентов и преподавателей кафедры «Дизайн-текстиль» РГХПУ им. С. Г. Строганова. На выставке было представлено 23 работы по художественному текстилю и росписи по ткани, демонстрирующие интеграцию традиционного творчества и современных инновационных технологий ковроткачества и обработки тканей. Широкий стилистический диапазон работ позволил убедиться в разнообразии подходов, уникальном видении и мировосприятии мастеров, умениям самобытно и образно воплощать художественные идеи.

В рамках конференции был организован и проведен мастер-класс «Проблемы композиции в декоративном искусстве» ака-

демика Российской академии художеств, профессора кафедры «Дизайн-текстиль» РГХПУ им. С. Г. Строганова, заслуженного художника РФ С. В. Гавина. Его уникальный опыт работы в сфере монументального текстиля (гобелен, сценический занавес, панно), живописи, графики широко известен не только в России, но и за рубежом. Студенты института познакомились с традициями классического ткачества, оценили творческие эксперименты художника, получили новые теоретические знания и практические навыки в области декоративной композиции, которые будут внедрены в учебный процесс направлений подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (профиль «Художественное образование (в области декоративно-прикладного искусства)») и 51.03.02 Народная художественная культура (профиль «Руководство студией декоративно-прикладного творчества»).

По итогам работы конференции были выработаны предложения по дальнейшему формированию базы научных исследований

Р и с. 4. Открытие выставки учебных и творческих работ студентов и преподавателей кафедры «Дизайн-текстиль» Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова. Выставочный зал комплекса «Огарёв Арена» МГУ им. Н. П. Огарёва

F i g. 4. Opening of the exhibition of academic and creative works by students and faculty of the "Textile Design" Department at the Russian State University of the Arts named after S.G. Stroganov. Exhibition hall of the "Ogarev Arena" at National Culture at National Research Ogarev Mordovia State University

в области народной культуры и современного искусства в России и за рубежом; использованию богатейшего культурного наследия как ресурса развития территорий; оптимизации деятельности базовых социокультурных институтов с учетом основных

тенденций развития современного общества. При этом акцент был сделан на необходимости активизации международного и межрегионального взаимодействия в сфере совместных научных, образовательных и художественно-творческих проектов.

Исаева Светлана Александровна –

кандидат культурологии, доцент кафедры народной музыки Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8036-8523>, svetais13@rambler.ru

Прокаева Ольга Николаевна –

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0399-1029>, olga197719@rambler.ru

Svetlana A. Isaeva –

Cand.Sci. (Cult.), Associate Professor of the Department of Folk Music, National Research Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8036-8523>, svetais13@rambler.ru

Olga N. Prokaeva –

Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor of Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, National Research Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0399-1029>, olga197719@rambler.ru

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography; 5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Редактор *Е. Н. Ширшикова*
Верстка и дизайн *Н. Е. Коркаева*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – М. И. Неведов (1907–1963). Mokshanka. 1939 г. Бронза.

Музей работ учеников Эрзы. Фото Р. Резепова, 2024 г.

4-я стр. – из коллекции мордовского народного искусства.

Фрагмент костюма молодой женщины эрзянки. Саранский уезд.

Фото взято с сайта Музея имени С. Д. Эрзы

(<https://erzia-museum.ru/kollekciya/dekorativno-prikladnoe-i-narodnoe-iskusstvo/galereya-rabot-7/>)

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Editor *E. N. Shirshikova*
Layout design *N. E. Korkaeva*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: P. 1. – M. I. Nefedov (1907–1963). Moksha woman. 1939. Bronze.

Museum of works by students of Stepan Erzya. Photo by R. Rezepov, 2024.

P. 4 – Collection of Mordovian folk art. Fragment of a costume of a young Erzya woman.

Saransk district. Photo taken from the site of the S. D. Erzya Museum

(<https://erzia-museum.ru/kollekciya/dekorativno-prikladnoe-i-narodnoe-iskusstvo/galereya-rabot-7/>)

Редакция журнала «Финно-угорский мир» заключила соглашение с Федеральным государственным бюджетным учреждением «Российский центр научной информации» (РЦНИ) о размещении контента журнала на сайте «Национальная платформа периодических научных изданий» (<https://journals.rcsi.science/2076-2577>).

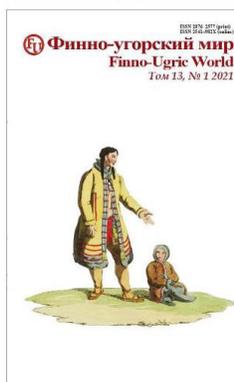
Российский
центр научной
информации

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

[ГЛАВНАЯ](#) [О ЖУРНАЛЕ](#) [ВЫПУСКИ](#) [КОНТАКТЫ](#) [ВСЕ ВЫПУСКИ](#) [ВСЕ ЖУРНАЛЫ](#)

[Главная](#) > [ФИННО-УГОРСКИЙ МИР](#)

Финно-угорский мир

Рецензируемый научный журнал «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусства, истории родного края. На его страницах публикуются материалы, посвященные проблемам изучения языков и литературы, культуры и искусства, истории и этнографии финно-угорских народов.

Редакция журнала осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих статей. Рукопись статьи направляется на рецензирование для оценки ее научного содержания нескольким ведущим специалистам соответствующего профиля, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи.

Редакция журнала реализует принцип нулевой толерантности к плагиату. Мониторинг некорректного цитирования осуществляется с помощью системы «Антиплагиат» и «iThenticate».

Распространение – Российская Федерация, зарубежные страны.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские) (филологические науки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 70644 от 03.08.2017

ОТПРАВИТЬ
РУКОПИСЬ

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Вы вошли как...

nikonova

- [Личный кабинет](#)
- [Профиль](#)
- [Выход](#)

УВЕДОМЛЕНИЯ

- [Посмотреть \(21 новых\)](#)
- [Управление](#)

ИНФОРМАЦИЯ

- [Для читателей](#)
- [Авторам](#)
- [Для библиотек](#)